

С. И. Николаев

От Кохановского
до Мицкевича

*Разыскания по истории
польско-русских
литературных связей
XVII–первой трети XIX в.*

ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

С. И. Николаев

ОТ КОХАНОВСКОГО
ДО МИЦКЕВИЧА

Разыскания по истории
польско-русских литературных связей
XVII — первой трети XIX в.

ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2004

ББК 83.3(2Рос-Пол)
Н63

Рецензенты: *А. В. Бабанов* (С.-Петербург. гос. ун-т), *А. Г. Бобров* (Ин-т рус. литературы (Пушкинский Дом) РАН)

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Санкт-Петербургского государственного университета*

Николаев С. И.

Н63 От Кохановского до Мицкевича: Разыскания по истории польско-русских литературных связей XVII — первой трети XIX в. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004. — 266 с.
ISBN 5-288-03507-5

Книга посвящена малоизвестным или совсем неизвестным эпизодам истории польско-русских литературных связей XVII — начала XIX в. Среди анализируемых памятников — переводы на русский язык произведений польских писателей эпохи Возрождения, Барокко и Просвещения: Яна Кохановского, Мацея Казимежа Сарбевского, Вацлава Потоцкого, Юлиана Урсына Немцевича, Адама Нарушевича, Францишка Карпиньского и других. Автор вводит в научный оборот большое количество разнообразных историко-литературных материалов, исследование сопровождается публикацией рукописных произведений.

Для историков польской и русской литературы XVI — начала XIX в., преподавателей, студентов-славистов.

ББК 83.3(2Рос-Пол)

© С. И. Николаев, 2004
© Издательство
С.-Петербургского
университета, 2004

ISBN 5-288-03507-5

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Все работы, составившие эту книгу, посвящены частным вопросам истории польско-русских литературных связей второй половины XVII — первой трети XIX в.: восприятию творчества того или иного польского писателя, отдельным эпизодам литературного общения. Здесь нет работ общего характера по теме книги. С одной стороны, в XIX–XX вв. таких работ было написано довольно много; с другой стороны, основное внимание в них уделялось преимущественно переводам с польского языка на русский исторических сочинений и массовой беллетристики, так как именно этот пласт переводной литературы XVII–XVIII вв. был изучен в XX в. наиболее обстоятельно. Задача настоящей книги заключается в том, чтобы показать, что русские переводчики той поры не ограничивались узким кругом «гисторий» и «хроник», они также пристально читали и переводили произведения польских поэтов, писателей и мыслителей эпохи Возрождения, Барокко, а затем и Просвещения. Предлагаемые опыты изучения польско-русских литературных связей показывают, что дополнительные разыскания в этой области и расширение источниковедческой базы не только возможны, но и необходимы, а потому время для создания обобщающего труда по истории польско-русских литературных связей XVI–XVIII вв. еще не пришло. По этой же причине в центре каждого очерка — анализ малоизвестных или вовсе неизвестных произведений, как правило, сопровождаемый публикацией рукописных материалов.

Очерки расположены в порядке, приблизительно соответствующем периодизации польской литературы. Помимо произведений широко известных писателей (Ян Кохановский, Мацей Казимеж Сарбевский, Вацлав Потоцкий, Юлиан Урсын Немцевич, Адам На-

рушевич, Францишек Карпиньский, Адам Мицкевич и др.) в книге разбираются и переводы сочинений писателей второго и третьего ряда, а также анонимные и полуфольклорные произведения. Единственное исключение — небольшая заметка о публикации в Польше одной сатиры Антиоха Кантемира, переведенной в 1772 г. с французского языка на польский. Этот эпизод наглядно показывает, с каким трудом и какими окружными путями приходила русская литература в XVIII в. в польскую культуру.

Для настоящего издания почти во всех опубликованных ранее очерках сделаны те или иные уточнения и дополнения, иногда существенные.

65-й ПСАЛОМ «ПСАЛТЫРИ ДАВИДА» ЯНА КОХАНОВСКОГО В ПОЭЗИИ СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО

«Псалтырь рифмотворная» (изд. 1680) Симеона Полоцкого уже более столетия привлекает к себе внимание историков польско-русских литературных связей, которые тщетно пытались обнаружить в переложении Симеона перевод или иные ощутимые следы воздействия «Псалтыри Давида» Яна Кохановского (1579). Причины этих поисков вполне понятны: сам Симеон во втором предисловии к своему переложению писал: «Видех и на приискрнем нашему славенскому языку диалекте полском книги печатныя, Псалтырь стихотворно преложенную содержащяя».¹ Недоброжелатели Симеона тут же усмотрели влияние Яна Кохановского на «Псалтырь рифмотворную». Патриарх Иоаким в увещательном слове 1690 г. просто объявил, что Симеон Полоцкий свою книгу «или с полских книг... собра, или готовую преведе от Яна некоего Кохановского, латинина суца».² Это заявление было сделано, несомненно, по подсказке Евфимия Чудовского, от которого дошла и следующая запись, к сожалению, плохо сохранившаяся: «На Псалтир Кохановского, новодерзвленную (написал? — слово почти стерлось) Полоцкий».³ В любом случае, для современников зависимость «Псалтыри рифмотворной» от переложения Кохановского была несомненна.

¹ *Симеон Полоцкий. Избранные сочинения* / Подг. текста, вступит. ст. и примеч. И. П. Еремина. М.; Л., 1953. С. 213.

² Остен. Памятник русской духовной письменности XVII в. Казань, 1865. С. 137.

³ ГИМ. Синод. собр. № 396. Л. 111. Цит. по: *Янковская Л. А.* Богословское наследие Симеона Полоцкого в библиотеке св. Димитрия Ростовского (краткое комментированное описание) // Святой Димитрий митрополит Ростовский. Исследования и материалы. М., 1994. С. 176. (Филевские чтения, вып. 9).

Между тем во втором предисловии к своему переложению Симеон сам обозначил границы влияния на него Яна Кохановского: «Тоже известую, яко не подражах преводника полскаго во украшении пиитическом, ни в толковании еже противу еврейскаго, но держаясь словес псалтирных всячески и разума толкования приличнаго».⁴ И Симеон вовсе не лукавил: добросовестное сличение церковнославянского, польского, латинского текстов Псалтыри и переложений Яна Кохановского и Симеона Полоцкого, показало, что зависимость Симеона от Кохановского была сильно преувеличена как современниками, так и поверившими им на слово исследователями,⁵ в действительности она сводится, в основном, к версификации: полностью совпадает метрическое и строфическое построение 68 псалмов,⁶ тогда как влияния на уровне стилистическом или интерпретационном почти нет, вернее, следы его ничтожны для памятника подобного объема. Но один псалом Яна Кохановского Симеон Полоцкий все же перевел, только искать его нужно не в «Псалтыри рифмотворной», а в «Вертограде многоцветном», который был завершен Симеоном в том же 1678 г.

Вот текст этого стихотворения по подносной рукописи:

Песнь

Царю стран земных и в пресветлом небе,
Слава в Сионе готова есть тебе;
Тамо обети, иже обещаши,
Будут ти даши.
К тебе, иже молб не презераеши
Во плоти сущих, паче внушаеши,
Приити имут, славу вси несущи
И песими чтуще.
Древняя пыне злобы нам стужают,
Но раби твои на тя уповают,

⁴ Симеон Полоцкий. Избранные сочинения. С. 214.

⁵ См.: Смирнов Н. Из литературной образованности XVII столетия // ЖМНП. 1894. № 12. С. 375–401; Гложе Н. «Рифмотворная псалтирь» Симеона Полоцкого и ее отношение к польской Псалтыри Яна Кохановского // Киевские университетские известия. 1896. № 9–10. С. 1–18; Державина О. А. Симеон Полоцкий в работе над «Псалтирью рифмотворной» // Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность. М., 1982. С. 122–130.

⁶ См.: Luźny R. «Psalterz rymowany» Symeona Połockiego a «Psalterz Dawidów» Jana Kochanowskiego // Slavia Orientalis. 1966. N 1. S. 3–27.

Боже всецедрый, яко нас простиши,
 Милость явиши.
 Блажен, егоже избрал еси тебе
 За друга, имать той жити на небе,
 И мы от благ ти чаем полни быти,
 В храме ти жити.
 Услыши, Боже щедрый, твоя люди,
 В мире живущих ты надежда буди,
 Иже пучины моря преплавают,
 Тя помощь знают.
 Горы тобою ставлены бывают
 И воды моря волны возвышают
 От глубин своих — ты люди кротиши,
 Мир в них твориши.
 Твой гром престаашный⁷ люди ужасает
 И в концех мира страх мног содевает,
 Утро и вечер твой свет озаряет,
 Возвеселяет.
 Промыслом твоим вода прохладжает
 Землю, а она плоды прозябает;
 Реки вод полны тобою бывают,
 Вся оживляют.
 Ты росу пощну веси низпущати
 На землю суху и дождь изливати;
 Благословиши ты безчисленному
 Плоду земному.
 Ты венец лета сам благословиши,
 Множеством плодов онаго красиши,
 Тобою из пив нам полность бывает,
 Мир насыщает.
 Пустыни красны, горы веселятся,
 Тобою стада животных множатся,
 Юдоли плодны, а кто засеваает,
 Песнь восклицает.⁸

«Песнь» является переводом 65-го псалма «Псалтыри Давида» (1579) Яна Кохановского,⁹ причем переводом превосходным, неда-

⁷ *Испр., в ркп.*: престаашный.

⁸ БАН, 31.7.3. Л. 409–409 об. Стихотворение недавно было издано, см.: *Simeon Polockij. Vertograd mnogocvetnyj* / Ed. by A. Hippisley and L. I. Sazonova. Köln; Weimar; Wien, 2000. Vol. 3. S. 47–48.

⁹ См. текст оригинала: *Kochanowski J. Psalterz Dawidów*. Wrocław, 1982. S. 191–192. (Dzieła wszystkie. T. 1, cz. 1).

ром за столетие изучения как самого «Вертограда многоцветного», так и связей всего творчества Симеона Полоцкого с польской поэзией в этом стихотворении не был опознан перевод (ни в писцово-вой копии, ни в подносном списке Ян Кохановский не назван),¹⁰ что представляется вполне объективным критерием высокой оценки качества перевода. Каким образом Симеон Полоцкий добился такого результата?

Стихотворение Симеона Полоцкого не производит впечатления перевода прежде всего потому, что в нем нет полонизмов. Вряд ли Симеон ставил себе такую задачу, просто при переводе с польского на грамматически правильный церковнославянский язык и при установке на определенную стилистику полонизмы и не могли остаться в переводе. Стилистический строй перевода был задан уже самим жанром псалма, стилистика которого в церковнославянском языке имела давно устоявшуюся традицию, поэтому не удивительно, что в переводе мы найдем ряд слов и словосочетаний из церковнославянской версии 64-го псалма.¹¹ Но удачным языковым решением дело не ограничивается. Симеон при переводе не только избегает пословного перевода, но и ориентируется даже не на построчную, а на строфическую корреляцию при переводе. Благодаря, в частности, этому решению только одну рифму можно считать заимствованной из польского оригинала («niebie — Ciebie» : «небе — Тебе» в первой строфе; ср. также «nieprzeliczonemu — ziemskiemu» : «безчисленному — земному» в девятой строфе).

Однако это вовсе не означает, что «Песнь» Симеона Полоцкого — свободная парафраза или подражание Кохановскому. В границах избранной стилистики Симеон некоторые словосочетания и даже строки переводил дословно, но только в том случае, если они в переводе не входили в противоречие со стилистикой церковнославянской псалмической традиции. Например: «Tam obietnice» — «Тамо обети»; «Rzeki wód pełne» — «Реки вод полны»; «Ty błogosławisz nieprzeliczonemu / Płodu ziemskiemu» — «Благословиши ты безчисленному / Плоду земному» и др., иногда при надобности немного изменяя порядок слов, ср.: «Ty posną rosę» — «Ты росу пощну».

¹⁰ Не отмечено это и в новейшем комментированном издании «Вертограда многоцветного», см.: *Simeon Polockij. Vertograd mnogocvĕtnyj. Vol. 3. S. 566.*

¹¹ См.: Библия, сиречь книги ветхаго и новаго завета по языку славенску. М., 1663. Л. 238.

Симеон может сохранять в переводе и межстиховые переносы, столь частые у Кохановского, ср.:

Do Ciebie, który prośbami ludzkiemi Nie gardzisz	К тебе, иже молб не презераеши Во плоти сущих,
---	---

но может и снять их, ср.:

Teraz (niestetyż) dawne nasze złości Nas dolegają	Древняя пыне злобы нам стужают, Но раби твои на тя уповают.
--	--

наконец, он может ввести свой межстиховой перенос, отсутствующий в оригинале, ср.:

Szczesliwy, kto sie upodobał Tobie I kogoś obrał przyjacielem sobie	Блажен, егоже избрал еси тебе За друга.
--	--

Из содержательных отличий перевода Симеона от оригинала стоит отметить два. Во-первых, это объем — перевод Симеона на одну строфу меньше оригинала, 4-я строфа перевода является контаминацией 4-й (два первых стиха) и 5-й (3-й и 4-й стихи) строф оригинала. Поскольку видимых причин для подобного сокращения нет, а в автографе это стихотворение не сохранилось, то надо полагать, что это произошло механически: после первого двустушия одной строфы переписчик написал второе двустушие следующей строфы. Не исключено, это было вызвано тем, что в оригинале во втором двустушии 4-й строфы есть словосочетание «w Twoim domu świętym», а во втором двустушии 5-й строфы — «Pałacu Twego». Второе словосочетание Симеон перевел «В храме ти жити»; нечто схожее, вероятно, было и в первом случае, что и могло вызвать ошибку писца; такой тип ошибок (гаплография) встречается в древнерусской книгописной практике довольно часто.¹² Второе отличие касается заглавия: вместо «псалом» у Симеона стоит этимологически точное соответствие «песнь». Назвать это отличие содержательным затруднительно, поскольку оба слова означают одно и то

¹²См.: *Лихачев Д. С.* Текстология: На материале русской литературы X–XVII веков. Л., 1983. С. 71–72.

же. Возможно, это единственное место в переводе, где Симеон во избежание возможных обвинений в искажении библейского текста употребил эквивалентный церковнославянизм.¹³

Наблюдения над текстом позволяют прийти к выводу, что Симеон Полоцкий при переводе парафразы Кохановского, с одной стороны, сохраняет строфику, метрику и стихотворные приемы оригинала, причем обращается с ними с известной долей свободы, а с другой — последовательно приглушает и сдерживает эмоциональный и интеллектуальный накал поэтической мысли Кохановского и приводит его образность в соответствие со стилистикой как церковнославянской Псалтыри, так и силлабической поэзии того времени, в том числе своей собственной. Он добивается этого, в частности, опуская большую часть эпитетов, которым Кохановского придавал огромное значение в своей парафразе.¹⁴ Так, в 65-м псалме Кохановского 34 эпитета (включая определения), в переводе же их всего 13, причем только пять из них можно считать переведенными с польского либо эквивалентными оригиналу: «dawne ... złości» — «древняя ... злобы»; «gromów srogich» — «гром страшный»; «nosną rosę» — «росу ночью»; «suche zagony» — «землю суху»; «płodu ziemskiemu» — «плоду земному». Ср. перевод одной строфы:

Ты, wielowładny, góry niezmierzone	Горы тобою ставлены бывають
W ich gruncie trzymasz, Ты morze szalone	И воды моря волны возвышają
I ludzkie burdy króćisz, mieniać boje	От глубин своих — ты люди кротиши,
W lube pokoje.	Мир в них твориши.

В переводе этой строфы опущены все пять эпитетов. По сравнению с оригиналом перевод Симеона более бледен и бесцветен в прямом смысле слова.

Перифраза Кохановского во второй строфе «wszyscy, со ро ziemi Okrągłej chodzą» передана Симеоном также перифразой, но более краткой и бедной — «Во плоти сущих» (в славянской Псалтыри: «всяка плоть»; в «Псалтыри рифмотворной» — «плоть всяка»). Именно поэтому довольно точный перевод Симеона Полоцкого стилистически неотличим от «Псалтыри рифмотворной» или стихо-

¹³Ср.: Лексикон словенороський Памви Беринди. Київ, 1961. С. 241.

¹⁴См.: Ziomek J. Wstęp // Kochanowski J. Psalterz Dawidów / Opr. J. Ziomek. Wrocław; Kraków, 1960. S. CXXXI–CXLI; Weintraub W. Styl Jana Kochanowskiego // Weintraub W. Rzecz czarnolesska. Kraków, 1977. S. 114–121.

творений из «Вертограда многоцветного». Подобные приемы адаптации иноязычного стихотворного текста, при которой стилистические особенности оригинала нивелировались в переводе, вырабатывались в русской силлабической поэзии как раз во второй половине XVII в., они известны в том числе и в творчестве самого Симеона Полоцкого (см. с. 50–55).¹⁵

В «Псалтыри рифмотворной» этот псалом (64-й по нумерации славянской Псалтыри) также написан сапфической строфой,¹⁶ в чем сказалось влияние парафразы Кохановского. Какое из двух переложений было первым — с польского или церковнославянского? И вообще — когда был сделан перевод псалма с польского языка, читающийся в «Вертограде многоцветном»?

«Песнь» отсутствует в автографе «Вертограда многоцветного» (ГИМ, Синодальное собр., № 659), который был завершен к началу февраля 1678 г., она известна по писцовой копии, куда вписана рукой Сильвестра Медведева (ГИМ, Синодальное собр., № 288. Л. 565–565 об.), а также по парадному подносному списку.¹⁷ «Вертоград многоцветный» окончательно «совершился» в августе 1678 г. Следовательно, «Песнь» появилась в составе «Вертограда многоцветного» в феврале–августе, т. е. она была и переведена в это время. К работе над «Псалтырью рифмотворной» Симеон приступил 4 февраля 1678 г., а закончил 21 марта того же года.¹⁸ Некоторую помощь в датировке «Песни» дает сравнение обеих стихотворных версий псалма. Сличение показало, что в них есть одинаковые словосочетания и даже целые строки, ср.:

«Вертоград многоцветный»: Блажен, егоже избрал еси тебе

«Псалтырь рифмотворная»: Блажен, егоже избрал еси тебе

Библия: блажен, егоже избрал еси

Кохановский: *Szcześliwy, kto sie upodobał Tobie*

¹⁵ См. также: *Николаев С. И.* Адаптация польской поэзии в России (конец XVII — первая половина XVIII в.) // *Traduzione e rielaborazione nelle letterature di Polonia, Ucraina e Russia XVI–XVIII secolo.* Alessandria, 1999.

¹⁶ См.: Псалтирь царя и пророка Давида, художеством рифмотворным равномерно слога и согласноконечно, по различным стихом родом преложенная. М., 1680. Л. 51–52.

¹⁷ См.: *Simeon Polockij.* Vertograd mnogocvĕtnyj. Vol. 3. S. 47, fn.; ср.: S. XXVI, XXIX, 748.

¹⁸ Подробнее см.: *Круминг А. А.* «Псалтырь рифмотворная» Симеона Полоцкого (1680) в перепечатках Андрея Решетникова (1809 и 1811 годов) // *Славяноведение.* 2000. № 1. С. 63–75.

«Вертоград многоцветный»: Горы тобою ставлены бывают
«Псалтырь рифмотворная»: Горы тобою стверженны бывают
Библия: уготовляяй горы крепостию своею препоясан силою
Кохановский: Ty, wielowładny, góry niezmierzone / W ich gruncie
trzymasz

«Вертоград многоцветный»: Утро и вечер твой свет озаряет
«Псалтырь рифмотворная»: Утро и вечер твой свет озаряет
Библия: исходы утра и вечера украсиши
Кохановский: Ty uweselasz gany świt pozorny / I mirzk wieczorny

«Вертоград многоцветный»: Ты венец лета сам благословиши
«Псалтырь рифмотворная»: ты благословиши / Весь венец лета
Библия: благословиши венец лета
Кохановский: Rok wszytkorodny wieniec znakomity / Niesie.

Поскольку совпадающие в обеих версиях строки и словосочетания восходят к тексту славянской Псалтыри (в издании 1663 г.), значит, в «Песнь» они были внесены из «Псалтыри рифмотворной» (а не наоборот), т. е. переложение псалма в «Псалтыри рифмотворной» было выполнено раньше, чем перевод с польского. Это обстоятельство позволяет датировать перевод Симеона Полоцкого периодом с конца марта до августа 1678 г. Это дает основание предполагать, что изначально у Симеона Полоцкого вообще не было замысла перевести с польского всю «Псалтырь Давида» Яна Кохановского.

Вставки из «Псалтыри рифмотворной» позволяют не только восстановить последовательность работы Симеона Полоцкого, но и подтверждают уже высказанное наблюдение: в своем переводе с польского Симеон ориентировался на стилистику церковнославянской Псалтыри. Именно стилистическая близость обеих версий позволила Симеону вставить целые строки из своего собственного точного переложения Псалтыри с церковнославянского языка в перевод псалма с польского языка, и эти вставки не нарушали стилистического единства парафразы Яна Кохановского в церковнославянском переводе. Таким образом, декларативный отказ Симеона Полоцкого от подражания Кохановскому «во украшении пиитическом» при переложении Псалтыри в полной мере относится и к его переводу псалма Кохановского с польского языка.

До сих пор перевод из Кохановского в «Вертограде многоцвет-

ном» мы рассматривали с точки зрения литературной истории. Установив историю перевода, можно взглянуть на него и с точки зрения теории литературы, ведь этот перевод позволяет увидеть некоторые особенности литературной эстетики эпохи барокко.

Два поэтических перевода одного текста одним и тем же автором — ситуация для поэзии XVII–XVIII вв. вовсе не исключительная, а скорее заурядная. Но сколь сложны в данном случае взаимоотношения между обеими версиями и сколь различны их генеалогии! Эти сложные взаимоотношения, возникшие (вернее, намеренно созданные поэтом) при переводе одного и того же псалма, во многом напоминают интертекстуальность эпохи модернизма или постмодернизма, что, впрочем, не удивительно, а скорее ожидаемо.¹⁹

Один и тот же древнееврейский псалом пришел в поэзию Симеона Полоцкого совершенно разными путями. В одном случае — это перевод с польского языка парафразы Яна Кохановского, который, в свою очередь, основывался преимущественно на латинском тексте Вульгаты, а также целом ряде других источников XVI в. (переводе псалмов с древнееврейского на латынь, иных поэтических переложениях псалмов на латинском языке и на польских переводах Библии). В другом случае источником переложения является славянская Библия, переведенная с греческого языка. Церковнославянский текст псалма Симеон Полоцкий облакает в строфику и метрику польской парафразы Яна Кохановского, а при переводе этого же псалма с польского Симеон, сохраняя строфику и метрику оригинала, ориентируется на стиль и лексику церковнославянской Псалтыри, сознательно жертвуя возвышенным псалмическим стилем польского поэта. Симеон Полоцкий не только одновременно удерживает в своем сознании обе литературные традиции, но и сознательно экспериментирует с ними. Оба текста составляют для него единое целое, недаром он вставляет в перевод с польского строки, переведенные с церковнославянского и даже прямо цитирующие церковнославянскую Библию, окончательно скрепляя в своем творчестве обе традиции в неразрывное единство.

Стилистический облик «Песни» Симеона Полоцкого помогает понять, почему попытки обнаружить в «Псалтыри рифмотворной» следы воздействия «Псалтыри Давида» Яна Кохановского не увенчались успехом. Стилистическое решение «Псалтыри рифмотвор-

¹⁹ См., напр.: Барокко в авангарде — авангард в барокко: Тезисы и материалы конференции. М., 1993.

ной» было predeterminedо уже тем, что собственно языковых проблем у Симеона не было, поскольку стихотворное переложение делалось в пределах одного языка — с церковнославянского на церковнославянский. Не было у него и намерения воссоздавать в переводе из Кохановского стилистику польского оригинала. Практика стихотворных и прозаических переводов того времени не предусматривала воспроизведения стиля оригинала, стиль перевода во многом определялся не столько жанром оригинала, сколько соответствующим ему жанром русской литературы и его стилистическими характеристиками. Именно поэтому в некоторых случаях в конце XVII — начале XVIII в. затруднительно определить язык оригинала несомненно переводного памятника. Несколько иначе обстояло дело при переводе на упрощенный церковнославянский язык или на язык деловой письменности, но и здесь могут возникнуть затруднения.

Симеон Полоцкий, превосходно знавший польскую поэтическую традицию XVI–XVII вв. (именно на польском языке он написал свои первые произведения),²⁰ несомненно понимал и ценил поэтический стиль парафразы Яна Кохановского. Однако в своем переводе псалма Кохановского с польского языка Симеон сознательно держался «словес псалтирных всячески и разума толкования приличнаго» и поэтому пожертвовал не только стилем польского поэта, но и его ренессансным пониманием Псалтыри, его гуманистической интерпретацией библейской книги. Решение Симеона Полоцкого было обусловлено, вероятно, конфессиональными причинами, т.е. он исходил из того, что переложение или перевод одной из книг Священного писания на церковнославянский язык не может отступать содержательно от первоисточника или подвергаться интерпретации. Положение изменилось радикально только в середине — второй половине XVIII в., когда появились стихотворные переложения Псалтыри на русский язык В. К. Тредиаковского, М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова и других русских поэтов.

²⁰См.: *Witkowski T.* From «A Forest of Things» to «A Garden of Many Flowers»: Simeon Polockij's Polish Affiliations // *Russian Literature*. 1990. Vol. 28. N 1. P. 145–154; *Marinelli L.* «Akafist Naświętszej Pannie» (1648) — pierwszy utwór Symeona Polockiego // *Ricerche Slavistiche*. 1995. Vol. 42. P. 239–280.

ТРИ ФРАШКИ ЯНА КОХАНОВСКОГО В ПЕРЕВОДЕ XVII в.

Творчество великого польского поэта эпохи Возрождения Яна Кохановского (1530–1584) было хорошо известно русским писателям и книжникам конца XVII — начала XVIII в. Воспитанники профессоров Киево-Могилянской коллегии, оказавшиеся в Москве в XVII в., твердо усваивали в классах поэтики, что Ян Кохановский — первый польский поэт, учитель поэзии и образец для подражания, недаром на протяжении десятилетий он не только обильно цитировался и разбирался в лекциях, но ему даже приписывали произведения других авторов, причем псевдоэпиграфы можно встретить даже у такого тонкого знатока, как Феофан Прокопович.¹

Выученики профессоров «Киевских Афин» привезли в Москву не только убеждение, что Кохановский — poeta polonicus primus, но и его книги, получившие довольно широкое распространение у русских читателей второй половины XVII — первой трети XVIII в. Анализ состава русских библиотек той поры показывает, что Кохановский был самым читаемым поэтом, не только польским, но и вообще европейским.² Его слава и авторитет не уменьшились и во второй половине XVIII в., хотя не выходили уже за пределы курсов

¹ См.: *Luźny R. Pisarze kręgu Akademii Kijowsko-Mohylańskiej a literatura polska. Z dziejów związków kulturalnych polsko-wschodniosłowiańskich XVII-XVIII w. Kraków, 1966.*

² См.: *Лыбницев Ю. А. Распространение польских произведений Яна Кохановского на фоне общей рецепции польской книги и литературы в России XVII в. // Советское славяноведение. 1980. № 6. С. 74–78; Николаев С. И. Польская поэзия в русских библиотеках XVII — первой трети XVIII в. и ее читатели // XVIII век. Сб. 14. Л., 1983. С. 165–179.*

поэтики многочисленных духовных училищ России.³ Таким образом, сбылось предсказание самого Кохановского:

Известен стану я Москве, и бусурманам,
И света жителям иного — англичанам,
Испазчу храброму, и немцам, и пароду,
Который Тибра пьет глубокоструйну воду.⁴

Между тем в истории восприятия Кохановского в России отсутствовало немаловажное звено: против ожидания до сих пор не было обнаружено переводов XVII — первой трети XVIII в., т. е. периода наибольшей популярности в России как самого Кохановского, так и польской поэзии вообще. В этот период на русский были переведены (включая переводы в курсах поэтики) произведения В. Коховского, Б. Папроцкого, С. Х. Любомирского, С. Твардовского, Я. Гавиньского, Ш. Шимоновица, М. К. Сарбевского, А. Инеса и других поэтов, не говоря уже о произведениях западноевропейской поэзии, переводившихся в России с польских переводов (например, «Освобожденный Иерусалим» Т. Тассо). Недавно были обнаружены переводы из «Псалтири Давида» (137-й псалом) и «Тренов» (3-й псалом) Кохановского, выполненные в Вятке в 1741 г. преподавателем поэтики Михаилом Финицким.⁵ Однако поиски переводов Кохановского были безрезультатны. Немногим лучше дело обстояло и позднее: следующий перевод появился лишь в 1829 г.⁶

³См.: Lewin P. 1) Wykłady poetyki w uczelniach rosyjskich XVIII w. (1722–1774) a tradycje polskie. Wrocław, 1972; 2) Jan Kochanowski: The Model Poet in Eastern Slavic Lectures on Poetics of the Seventeenth and Eighteenth Centuries // The Polish Renaissance in its European Context. Bloomington, 1988. P. 429–443.

⁴Кохановский Я. Лирика / Пер. с пол. и лат. М., 1970. С. 114 (пер. Л. Мартинова).

⁵См.: Lewin P. Rosyjskie tłumaczenia z Jana Kochanowskiego: (1 poł. XVIII w.) // Archiwum literackie. Wrocław, 1972. Т. 16. S. 81–85.

⁶Это был анекдот о шуте Станьчике из «Апофегм», см.: Вестник Европы. 1829. Ч. 163, № 1. С. 64; польский оригинал см.: Kochanowski J. Dzieła polskie / Oprac. J. Krzyżanowski. Warszawa, 1976. Т. 2. S. 225. — Вопрос о переводах XIX в. нуждается в дальнейших библиографических разысканиях и уточнениях, ср.: Sybienko H. O tłumaczeniach utworów Jana Kochanowskiego na język rosyjski // Janowi Kochanowskiemu ziemia rodzinna. Kraków, 1981. S. 337–346. (Rocznik Świętokrzyski. Т. 9); Мочалова В. К истории восприятия Яна Кохановского в России: («Трены» в оценке русской критики и в переводах) // Советское славяноведение. 1984. № 6. С. 41–53; Мочалова В. Echo poezji Jana Kochanowskiego

В русской поэзии XVII в. есть только один памятник, связанный с именем Кохановского, это «Псалтирь рифмотворная» (1680) Симеона Полоцкого. Во втором предисловии к ней Симеон писал: «Видех и па приискрнем нашему славенскому языку диалекте полском книги печатныя, Псалтыр стихотворно преложенную содержащя, не точию во странах полских, но и в царствующем граде Москве обносимыя. <...> Мнози... возлюблше сладкое и согласное пение полския Псалтири, стиховно преложенныя, обыкоша тыя псалмы пети, речей убо или мало или ничтоже знающе и точию о сладости пения увеселяющесе духовне».⁷ Эта отсылка на опыт соседней литературы (причем отсылка «глухая», так как Кохановский назван в предисловии «преводником полским») была сделана Симеоном Полоцким для пояснения и оправдания причин, побудивших его взяться за очень смелое в XVII в. предприятие — стихотворное переложение Псалтыри. Отсылка была раскрыта уже в XVII в. патриархом Иоакимом, который в увещательном слове 1690 г. отметил, что Симеон Полоцкий свою книгу «или с полских книг... собра, или готовую преведе от Яна некоего Кохановского, латинина суща».⁸ Заявление Иоакима, сделанное, несомненно, по подсказке Евфимия Чудовского, является лишним подтверждением популярности «Псалтыри Давида» Кохановского в московских литературных кругах. Это заявление дало начало традиции (отзвуки ее, к сожалению, иногда слышны и до сих пор), согласно которой Симеон перевел произведение Кохановского. По сути своей это неверно, более того, добросовестное сличение разных текстов Псалтыри (Яна Кохановского, Симеона Полоцкого, церковнославянско-

w literaturze rosyjskiej // Jan Kochanowski 1584–1984: Epoka — Twórczość — Receracja. Lublin, 1989. T. 2. S. 43–57. — В этих работах первый перевод датирован 1842 г., когда в «Маяке» было опубликовано несколько тренов в переводе Писемского. См.: *Николаев С. И.* О ранних русских переводах Яна Кохановского // Русская литература. 1985. № 4. С. 230–232; *Matek E.* Dzieje poznania Jana Kochanowskiego w Rosji // Staropolskie teksty i konteksty. Katowice, 1994. T. 2. S. 9–31.

⁷ *Симеон Полоцкий.* Избранные сочинения / Подг. текста, ст. и примеч. И. П. Еремина. М.; Л., 1953. С. 213. — Свидетельство Симеона не голословно, известно, что в русских песенниках XVII в. есть 11 псалмов Кохановского, транслитерированных кириллицей, все они есть в песеннике 1680-х годов (РНБ, собр. Погодина, № 1974) см.: *Позднеев А. В.* Светские польские песни в русских рукописных песенниках XVII в. // Польско-русские литературные связи. М., 1970. С. 59.

⁸ Остен. Памятник русской духовной письменности XVII в. Казань, 1865. С. 137.

го текста, польского, латинского и др.) показало, что зависимость Симеона от Кохановского сильно преувеличена.⁹

Наиболее очевидно влияние польского поэта в области версификации: полностью совпадает построение 68 псалмов. Однако на уровне стилистическом и интерпретационном влияния практически нет. Выявленные места, где это влияние безоговорочно сказалось, для текста подобного объема слишком немногочисленны, т. е. ренессансная концепция Кохановского не заинтересовала Симеона. Об этом, между прочим, сам Симеон заявил во втором предисловии к своему переложению: «Тоже известую, яко не подражах переводника полскаго во украшении пиитическом, ни в толковании еже противу еврейскаго, но держахся словес псалтирных всячески и разума толкования приличнаго».¹⁰

Отрицание переводного характера «Псалтири рифмотворной» нисколько не умаляет роли Кохановского, но она сказалась в другом: польский поэт был образцом для Симеона Полоцкого, вдохновил его, поэтому инспирирующая роль Кохановского в начале русской псалмической поэзии несомненна и неопценима.¹¹

Почему все-таки русские силлабические поэты, столь высоко ценившие Кохановского, не переводили его и остались в целом глухи к его поэзии? Ответить на этот вопрос можно будет только после сопоставительного анализа польской и русской поэзии и их взаимосвязей в XVII в. Обнаруженные переводы фразек, вторично переведенные на русский лишь триста лет спустя, общей картины принципиально не меняют, но показывают, что русская поэзия XVII в. не была совершенно безучастна к столь ценному самим Кохановским жанру.

Публикуемые тексты обнаружены в сборнике конца XVII в.¹²

⁹См.: *Смирнов Н.* Из литературной образованности XVII столетия // ЖМНП. 1894. № 12. С. 375–401; *Гложке Н.* «Рифмотворная псалтирь» Симеона Полоцкого и ее отношение к польской Псалтири Яна Кохановского // Киевские университетские известия. 1896. № 9–10. С. 1–18; *Luźny R.* «Psalterz gymowany» Symeona Połockiego a «Psalterz Dawidów» Jana Kochanowskiego // *Slavia Orientalis*. 1966. № 1. С. 3–27.

¹⁰*Симеон Полоцкий.* Избранные сочинения. С. 214.

¹¹Ср.: *Pelc J.* Inspiratorska rola Jana Kochanowskiego jako twórcy literatury narodowej w krajach słowiańskich i ościennych w dobie baroku // *Z polskich studiów slawistycznych*. Ser. 6. Literaturoznawstwo. Folklorystyka. Problematyka historyczna. Warszawa, 1983. С. 167–175.

¹²ГИМ. Собр. Барсова. № 1531, сборник последней четверти XVII в., в большую 8-ку, 129 л. (по старой фолиации, по которой в дальнейшем и даются

вместе с оригиналами и снабжены в рукописи точной, хотя и неполной библиографической ссылкой, что довольно редко встречается в переводной поэзии XVII в.

СТИХИ ВЫПИСАНЫ ИЗ КНИГИ ПОЛСКОЙ
ЯНА КАХАНОВСКАГО, ЛИСТ 21

НА МЛАДОСТЬ

Яко без весны лето быти хотят,
Иже прежити младым в твердости мнят.

тож по-полску

Jakoby też rok bez wiosny mieć chcieli,
Ktorzy chcą,¹³ żeby młodzi nie szaleli.

НА СТАРОСТЬ

Бедная старость, вси тебе желаем,
Внегда же уже будеши, рыдаем.

по-полску тож

Biedna starości,¹⁴ wszyscy cię żądamy,
A kiedy przydziesz, to zaś narzekamy.

НА СМЕРТЬ

Прелестный мире, яко же се зрится,
Почих аз, паче сей многим глумится.

по-полску

Obłudny świecie, iako¹⁵ się tu widzi,
Doszedłem portu, już więc z inszych szydzi.¹⁶

ссылки), переплет — картон в коже; из трех филиграней (две — типа филиграни «рожок» и одна — «семь провинций») удалось отождествить только последнюю; см.: Водяные знаки рукописей России XVII в. / Сост. Т. В. Дианова, Л. М. Костюхина. М., 1980. № 873 (1684 г.). Фрашки — на л. 11 об. — 12. Владельческие записи-скрепы: «Сия книга разных вещей сибирскаго пехотнаго полку иерея Феодот[а] Гри<...> сына Смиренина домовая собственная купленная ево ценою... подписал я, иерей Феодот Смиренин своею рукою, обретаючись при Гелзинфорсе 1721-го году апреля в 5 день» (л. 4-44); «Сия книга глаголемая разных вещей села Никифорова церкви Николая Чудотворца дьячка Бориса Никитина сына Крылова, а подписал сын его Гаврил Борисов майя в 3 день, а дал сию книгу макарковский дьячек Григорий Михайлов сын Смиренин» (л. 70-97). Эту рукопись любезно указала мне Н. П. Саблина.

¹³ Испр., в ркп.: chsą.

¹⁴ Испр., в ркп.: starosti.

¹⁵ Испр., в ркп.: jakoś.

¹⁶ Испр., в ркп.: szudzi.

По приведенным польским оригиналам легко устанавливается их источник — это 82–84-я фрашки из первой части «Фрашек» (1584) Яна Кохановского.¹⁷ Издание, которым воспользовался переводчик, можно указать лишь предположительно, поскольку в наших библиотеках есть только 7 из 12 изданий «Фрашек» XVI–XVII вв.¹⁸ Из просмотренных нами¹⁹ лишь в изданиях 1612, 1617, 1629 и 1639 гг. эти фрашки напечатаны на указанной в переводе 21-й странице, а в изданиях 1584, 1590 и 1604 гг. — на 31-й странице, поэтому можно предположить, что переводчик пользовался изданием не XVI в., а поздним изданием XVII в. (именно такие издания Кохановского и были преимущественно распространены в России).²⁰ Установить нужное издание на основании отличий приведенных в рукописи польских текстов от первого издания «Фрашек» затруднительно по той же причине. Эти отличия сводятся к четырем опискам («chsą» вместо «chcą» в первой фрашке, «starosti» вместо «starości» — во второй, «szudzi» вместо «szydzi» и «jakoś» вместо «jakoć» — в третьей); пятое различие («przydziesz» вместо «przydziesz» во второй фрашке) может быть бесполезно при установлении нужного издания, так как такое написание в доступных нам изданиях «Фрашек» встретилось только в издании 1629 г.²¹

¹⁷ *Kochanowski J. Dzieła polskie*. Т. 1. S. 150. Ср. современный перевод Л. Мартынова:

На молодость

Как лета без весны желать — одно и то же
Благоразумия хотеть от молодежи.

На старость

До тебя мы, старость, все дожить желаем,
А сего достигнув, тебя проклинаем!

На смерть

О мир обманчивый, каким ты виден оку, —
Достиг я гавани; других вводи в мороку.

(*Кохановский Я. Лирика*. С. 44–46).

¹⁸ См.: *PiekarSKI K. Bibliografia dzieł Jana Kochanowskiego: Wiek XVI i XVII*. Kraków, 1930. S. 26–34. — Вторым изданием этой книги, исправленным и дополненным (1934), нам воспользоваться не удалось.

¹⁹ 1584 (ред. В — РГБ), 1590 (ред. В — РНБ), 1604 (ред. В — БАН), 1612 (ред. В — БАН), 1617 (ред. В — РГБ), 1629 (ред. С — РГБ), 1639 (ред. С — БАН).

²⁰ Единственное известное нам исключение — это «*Psalterz Dawidów*» (Kraków, 1586) из библиотеки Сильвестра Медведева (РГБ).

²¹ В изданиях 1590, 1604, 1612, 1617 гг. — «przydziesz»; 1639 — «przydziesz»; «przydziesz» также в изд. 1584 (ред. В) и 1584 (ред. А) гг., по которым опубликованы «Фрашки» — См.: *Kochanowski J. 1) Dzieła wszystkie*. Warszawa, 1884. Т. 2. S. 357; 2) *Dzieła polskie*. Т. 1. S. 150.

По нашему предположению, именно оно и было в руках русского переводчика.

Уже оформление перевода показывает, что переводчик — привычный к общению с книгой человек и едва ли не профессионал. Об этом свидетельствуют не только ссылка на издание, но и приведенные польские тексты, наличие которых как бы предполагает оценку мастерства переводчика читателем. Перевод действительно сделан мастерски: сохраняя 11-сложник оригинала и не отклоняясь от содержания,²² переводчик подыскивает фразеологические сочетания (*doszedłem portu* — почих аз) и находит удачные эквиваленты (*szynki* — глумится; *młodzi nie szaleli* — прежити младым в твердости), используя при этом устойчивые поэтические словосочетания (*obłudny świecie* — прелестный мире). Это, к сожалению, все, что можно сказать об анонимном переводчике, так как в рукописи нет ни его имени, ни даты перевода. Сама рукопись представляет собой сборник выписок и небольших произведений последней четверти XVII в. Анализ состава сборника, и в первую очередь приписок составителя, позволяет приблизительно датировать перевод и высказать соображения о литературной среде, в которой он возник.

На л. 1–2 об. помещено «слово» о Христе, явившемся некоему старцу и поведавшем свои крестные муки; на л. 1 приписка: «списано у старца Евфимия». Затем идет слово «О трех царях, принесших дары во время рождения Христова» (л. 3–3 об.) с двумя приписками на л. 3: «рок[у] 1[нрзб.] списано у учителя царева Афанасия Иоанновича»; вторая повторяет ее простейшим видом тайнописи — латинскими буквами: «188 hod[u] u uczytela [c]arewa ou afanasia ioannowicza». Речь идет о Афанасии Иоанновиче Федосееве, который в 1667 г. был определен учить грамоте царевича Федора Алексеевича; жил в Чудовом монастыре и известен как «славенска писания учитель». К нему в марте 1685 г. хотели поселить прибывших в Москву «самобратьев» Лихудов, но позднее их поместили в Бого-явленском монастыре, где они и открыли свою школу.²³ В литературной жизни Москвы 1670–1680-х годов. Афанасий, видимо, играл

²² В переводе третьей фразы с этим менее удачно справился Вс. Рождественский:

Угнетены печальми своими,
Лишь в порт войдем, смеемся над другими.

(Козановский Я. Избранные произведения. М.; Л., 1960. С. 106).

²³ См.: Сменцовский М. Братья Лихуды. СПб., 1889. С. 37.

не последнюю роль: в 1679 г. он «понудил» Мардария Хоникова (Ханыкова) переложить с латыни стихотворные подписи к Библии Николая Пискатора. В предисловии к своему труду Мардарий называет Афанасия «мужем всеблагим» и «рачителем писаний».²⁴

Далее в сборнике идет «Врачевство на богохулных и скверных мысли от бесов человеком наносимых, а не от человеческия воли бываемая» (л. 4–8 об.) с двумя приписками на л. 4: «списано у старца Мардария» и «spisano u starca mardaria». Затем на л. 8 об. небольшая выписка «Лекарство глазам» с припиской (частично простой литореей): «Spisano nieкоеho czełowieka czinom podiaczego zowomaho lkezap szostosz s slow» («списано некоего человека чином подиачего зовомага Стефам (так! — С. Н.) Волков с слов»). После «Словес всякому человеку всегда разсуждати и памятовати треба» (л. 9–9 об.), (в том числе и их стихотворных переложений) на л. 9 записан «Эпитафион»

Лета семь тысяч по мира здани,
Сто же осмьдесят седмаго в звани;
Марта во осмый день zde есть погребен
Бывый Иоани Иоанном рожен.
Сие читай, помолися о нем,
Не лишися бо и ты ползы о сем

с двумя приписками на полях. Одна из них — пояснение к слову «эпитафион»: «[н]агробная надпись [от]ца моего»; вторая, латиницей, — «sloh star: mar:» («слог стар[ца] мар[дария]»), несомненно, имеет в виду упомянутого выше Мардария Хоникова, справщика Печатного двора. Следующие выписки в рукописи также связаны с Мардарием. На л. 10 «Приповесть»: «Людие суть яко очи: иных видят, себе же никакo; островижевы вне дома, в дому же своем кротовы». Тут же приписка: «spisan u s: mar:» («списан у с[тарца] мар[дария]»). «Приповесть» записана в строку, при перестановке местами слов «яко» и «очи» получается четверостишие (8-сложник, во втором стихе 10 слогов).²⁵ На том же л. 10:

²⁴ Русская силлабическая поэзия XVII–XVIII вв. Л., 1970. С. 180.

²⁵ Не исключено, что это перевод какой-нибудь польской эпиграммы, в которой использована известная польская поговорка XVI–XVII вв.: «Ostrowidzowie przed domem, w domu swoim kretowi właiśni» (Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich. Warszawa, 1970. Т. 2. S. 750).

Аще во веки хоцет кто не согрешати,
Сей должен есть смерть, суд, ад, небо поминати.
Да тщится же первых трех присно хранитися,
Во четвертом же оном вечно вселитися.
Аще хоцещи в час смерти бед не познати,
Потщися лестей мирских присно убегати.

Приписка к виршику: «spisan: u st: mar:» («списан[о] у ст[арца] Мар[дария]»).

На л. 10–10 об. записан ответ на вопрос «Что в Бозе видети будут благословеннии?» с пометой «iz knihi wienec wiewu» («из книги Венец веры [кафолической]» Симеона Полоцкого). На л. 10 об.–11 записано толкование на 4-й стих 145-го псалма с пометой «spisan: u st: mar:» («списан[о] у ст[арца] Мар[дария]»); на л. 11–11 об. — «Загадка царя Антиоха ко Аполлину» из Повести об Аполлонии Тирском с пометой «wypisano iz dieu rimskich» («выписано из Дей римских»); на л. 11 об.–12 — перевод фразек Я. Кохановского. На л. 12–12 об. записаны «Вирши просительныя ко господу Богу о милости некоего полоняника *czinom skospitu laroysa pitosesza*». Здесь кроме латиницы использована простая литорея («чином столника Самойла Николева»), приписка на поле: «perewodil starec mardariy i spisano s ruki ewo» («переводил старец Мардарий и списано с руки ево»). Стольник Самойло Федорович Николев,²⁶ сын выезжого француза (Nicol de Manog) и сам родившийся в католичестве, был крестником знаменитого мецената Ф. М. Ртищева²⁷ и, очевидно, через него был знаком с литераторами, служившими на Печатном дворе, в том числе с Мардарием Хониковым. «Вирши просительные» С. Ф. Николева (тайнопись, как известно, самый надежный способ атрибуции)²⁸ — еще один перевод Мардария, вероятно, с латыни. Приводим текст «Вирш просительных».

Иисусе, владыко мой,
Ты утеха, есмь бо раб твой,
Иже при пути плененный,
Биен, зелне оскорбленный.

²⁶ Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах. М., 1853. С. 293.

²⁷ См.: Русский биографический словарь. Пг., 1918. Т. «Романова — Рясковский». С. 334.

²⁸ См.: Лихачев Д. С. Текстология: На материале русской литературы X–XVII вв. Л., 1983. С. 321.

Прилежно вси да внимаем,
Егда в мире пребываем.
Крест смерти, Спасе, твоя.
Защита души моя.
Ибо кроме щедрот всяких,
Ради злых дел моих клятых
Был еси окровавленный,
Да от грех буду спасенный,
До конца ты мене храни,
Вредити мя злым возбрани,
Да искус всяк души моей
Не вредит о силе твоей.
Такожде здравие мое
В милосердие же твое,
Господи, аз повергаю,
Искупления желаю,
Понеже бо есмь заключен,
Человеком злым оскорблен.
Ангел твой буди со мною
Всюду весма предо мною.
Десно око соблюдая
И шуй бок назирая,
На всякий час молю о сем,
Быти в защищении сем.
Благодарим убо Бога,
Да будет ему честь многа.
Слава же от всех во веки
От ангел со человеки.

На л. 12 об.-24 помещены следующие выписки и заметки без приписок: «Вопрос списан с руки Павла, митрополита сарскаго и подонскаго», «Ответ списан с руки иеромонаха Симеона Полоцкаго» и «Ответ списан с руки иеромонаха Епифания Славинецкого» — о времени пресуществления святых даров; «Мосхос есть животное малое, мыши подобное», о гермафродите, отрывок сказания о семи свободных искусствах, оглавление книг Ветхого и Нового завета, «О имени божию тетраграмматон», расположение часов дневных и ночных, притча о душевном врачевании. На л. 24 об.-27 об. — небольшое сочинение «О силе и власти пап римских» с припиской на поле: «spisano s ruki swiaszczennika nikiфора simeonowicza» («списано с руки священника Никифора Симеоновича»). Из при-

веденных приписок очевидна связь составителя сборника с кругом литераторов Печатного двора и Чудова монастыря, поэтому в нем можно предположить сотрудника Епифания Славинецкого, «вдового иерея Никифора Семенова», служившего на Печатном дворе с 1665 до марта 1680 г., когда его место занял Мардарий Хоников.²⁹ Сочинение «О силе и власти пап римских» известно также по сборнику, принадлежавшему Афанасию Холмогорскому и написанному в Чудовом монастыре в 1685 г. (БАН, собр. Архангельское С, № 164),³⁰ т. е. примерно в то же время, что и рассматриваемый сборник ГИМ.

Далее в сборнике на л. 28–29 об. помещены вирши — «Речь до начальных людей», «До начальных же», «На смерть»; выписки из «Неба нового» Иоанникия Галятовского, «Купели душевной» С. Роховича, заметка «О житии воздержном краткое писанейце» с припиской: «spisano s ruki star: mar:» («списано с руки стар[ца] Мар[дария]»). Отметим, что «Купель душевная» была переведена с польского языка в 1684 г. чудовским монахом Феофаном. На л. 29 наклеена напечатанная в Вильне картинка с изображением Богородицы. На л. 30 записано стихотворение «На младость» («Юноше, не почивай на посланном ложи») с припиской: «s ruki star: ewfim: szudow:» («с руки стар[ца] Евфим[ия] Чудов[ского]»). Евфимия Чудовского, надо полагать, подразумевает и приписка на л. 1. Это стихотворение известно в конвое «Гражданства обычаев детских»,³¹ переведенного, возможно, Епифанием Славинецким.³² На этом же листе записаны рецепт приготовления чернил («Чернил скорый состав») и двустиише «Надпись к рукомоинику, а человеку добра»:

Приходяй лице же и руки умывати.

Тщися же присно, друже, смерть воспоминаати,

— с краткой припиской на поле: «таг:» («Мар[дарий]»).

²⁹ См.: *Прозоровский А.* Сильвестр Медведев: Его жизнь и деятельность. М., 1896. С. 167, 169, 175, 396; *Ромодановская Е. К.* Никифор Симеонов // *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* СПб., 1993. Вып. 3: XVII век. Ч. 2. С. 384–391.

³⁰ О составе сборника см.: *Алексеев М. П.* Эразм Роттердамский в русском переводе XVII в. // *Славянская филология.* М., 1958. Сб. 3. С. 294–295.

³¹ См.: *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв. СПб., 1903. С. 164.

³² Подробнее см.: *Алексеев М. П.* Эразм Роттердамский в русском переводе XVII в. Ср.: *Численко Н. Д.* «Гражданство обычаев детских» и его польский источник // *Зарубежные славяне и русская культура.* Л., 1978. С. 5–17.

На л. 30 об.–31 помещен «Подарок учащимся детям во младости» — знаменитые вирши о розге (отметим, что в сборнике 1685 г. Афанасия Холмогорского (БАН, собр. Архангельское С, № 164) они также помещены после стихотворения «На младость».³³

На л. 31–31 об. — небольшая выписка об изобретении пороха и приписка в конце: «Зри книг[у] Архелиа albo Awtilleria, drukowana polski roku 1643, in folio».

На л. 32–37 — «История о венчании царским венцем царя и великого князя Феодора Алексеевича», памятник, по мнению И. М. Кудрявцева, составленный в 1676 г. в Посольском приказе.³⁴

На л. 37 об.–38 — заметка «Аристотель философ Александру Македонскому сице писа» с припиской, сделанной условным алфавитом. Аналогичный шифр (с незначительными графическими отличиями) употреблялся в Посольском приказе и известен по переписке 1670-х гг. русского посланника в Польше В. М. Тяпкина.³⁵ Подстановка букв дает следующую расшифровку: «списано у священника Кариона Чудовского [.....] 7199» (т. е. 1691 г.); одно слово из пяти букв не расшифровано.

На л. 38–38 об. — слово Иоанна Дамаскина о Пасхе и приписка: «spisano u diakona wasilia rozdestwenskocho wo 199 roku» («списано у дьякона Василия Рождественского во 199 году»); на л. 39–39 об. — известные вирши «Что есть смерть, потреба знати» с припиской: «spisano u wasilia szernocho stepanowicza wo 199 roku iulia wo 20 den» («списано у Василия Черного Степановича во 199 году июля во 20 день»). Об этих двух Василиях определенных данных нет. Дьякона Василия не удалось найти среди причта этого года Рождественского монастыря или московских Рождественских церквей.³⁶ Второй Василий — лицо явно светское, и, учитывая, что предыдущая часть сборника связана с Печатным двором, можно с некоторой долей

³³Ср.: *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв. С. 164.

³⁴См.: *Кудрявцев И. М.* «Издательская деятельность» Посольского приказа // Книга: Исследования и материалы. М., 1963. Сб. 8. С. 206–207.

³⁵*Попов А.* Русское посольство в Польше в 1673–1677 гг. СПб., 1854. С. 274–276.

³⁶См.: *Забелин И. Е.* Материалы для истории, статистики и археологии г. Москвы. М., 1884. Т. 1. — Отметим, правда, упоминания за 1705–1711 гг. о дьяконе Василии в церкви Рождества Богородицы в Кадашеве и упоминания за 1684 г. о попе Василии в соборе Рождества Богородицы (Там же. Стб. 889, 180).

вероятия предположить, что это тередорщик Василий Степанов, значащийся в штате Печатного двора в 1683 г.³⁷

На л. 40–51, 52–52 об. — «Выписано из книги Яна Запсица о добронравии человеческом краткими речениями сладостно и зело изящно изображено». Это перевод с польского, более известный под заглавием «Выдание о добронравии», сделанный переводчиком Посольского приказа С. Ф. Чижинским в июне 1691 г.³⁸

На л. 51 об. записаны две эпитафии:

НАДПИСЬ ГРОБНАЯ ŽENU MOEIA EVFIMIY PETROWNY TAKOVA

Зри, человек, гроб сей, Богу помолися,
Зде Евфимиа жена умерши склонися,
Михаила подьячего Посолска приказа
Родостамова, та ждет от Христа указа.
Да егда приидет он в славе люд судити,
Изволил бы ю в небо на веки вселити.
Седь тысяч девятьдесят в лето сто девято,
В двадесят четвертый день мая жизнь отъято.

НАГРОБОК STARUCNIE PELANIY

Седь тысяч девятьдесят ста девята лета,
Мая в двадесят пят день разлучися света
Раба божия вдова честна Пелагиа,
Дщерь Афанасиева надежды благия.
Жена бысть Иоанна Емелианова
Пивовара, зде зяят телом земна рова.
Просит у всех христиан о душе молитвы.
Боже, сподоби огу небесной гоститвы.

Упомянутый в первой эпитафии Михаил Иванович Родостамов известен как подьячий, а затем и дьяк Посольского приказа.³⁹ Без

³⁷См.: Покровский А. А. Древнее псковско-новгородское письменное наследие // Труды XV археологического съезда в Новгороде 1911 г. М., 1916. Т. 2. С. 305.

³⁸Этот список не учтен в исследовании и издании этого перевода, см.: Николаев С. И. Произведения Яна Жабчица в русских переводах XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 163–192. — Пользуясь случаем, укажем еще четыре списка XVII в. этого перевода: РГБ. Собр. Попова. № 166. Л. 175–181 об.; БАН. 24.5.19; ГИМ. Собр. Музейное. № 381. Л. 282–289; ГИМ, ОПИ. Ф. 96. Инв. № 42938/3350. Л. 94–103.

³⁹См.: Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 449; Богоявленский С. К. Приказные судьи XVII в. М.; Л., 1946. С. 131. — По данным И. М. Кудрявцева, М. Родостамов уже в 1685 г. был подьячим Посольского

особой натяжки его можно отождествить с Михаилом Родостамовым, служившим писцом, а потом подьячим на Печатном дворе в 1670-х — начале 1680-х годов: в 1674 г. он вошел вместе с Евфимием Чудовским, старцем Сергием и Никифором Семеновым в библейскую комиссию, которую возглавил Епифаний Славинецкий, а в 1683 г. был подьячим Верхней типографии.⁴⁰

На л. 53–61 об. помещено «Поучение пред святым покаянием, написанное иереем Иоанном Поборским» (без конца) с припиской: «spisano u stolnika michaila rtiszewa» («списано у стольника Михаила Ртищева»). Это единственное известное нам произведение Иоанна Поборского, который в 1687–1701 гг. был священником церкви Воскресения Христова в Кремле, а в 1697–1698 гг. принимал участие в Великом посольстве Петра I. Иоанн Поборский был связан с культурными кругами Москвы, познакомился в свое время с филологом Г. В. Лудольфом, переписывался с ним,⁴¹ а последний подарил ему свою «Русскую грамматику», изданную в Оксфорде в 1696 г.

Комнатный стольник царя Иоанна Алексеевича Михаил Федорович Ртищев,⁴² отправленный Петром I в Италию, был племянником Ф. М. Ртищева и поддерживал дружеские отношения с упоминавшимся стольником С. Ф. Николевым. Надо полагать, что от своего дяди М. Ф. Ртищев унаследовал не только богатую библиотеку,⁴³ но и связи в литературных кругах Москвы, прежде всего с Чудовым монастырем.

приказа (см.: *Кудрявцев И. М.* «Издательская деятельность» Посольского приказа. С. 214). Дьяком Посольского приказа М. Родостамов оставался по меньшей мере до Полтавской битвы, как видно из письма канцлера Г. И. Головкина от 19 июля 1709 г. (см.: *Древняя и новая Россия.* 1876. № 2. С. 201. Ср.: *Каган М. Д.* Родостамов М. И. // *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* СПб., 1998. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 3. С. 312–313).

⁴⁰См.: *Сменицовский М.* Братья Лихуды. С. 392; *Покровский А. А.* Древнее псковско-новгородское письменное наследие. С. 304, 308, XXV.

⁴¹См. письмо о. Иоанна Г. В. Лудольфу 1698 г.: РНБ. Ф. 444. № 6. Находившиеся в Москве иезуиты считали, что «единственным человеком, способным прозносить проповеди, остается отец Поборский, царский духовник, весьма добродетельно относящийся к нашим» (письмо Франциска Эмилиана 1699 г.). См.: *Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII века.* СПб., 1904. С. 29–30; см. также: *Харламович К. В.* Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914. С. 313–314.

⁴²См.: *Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах.* С. 359.

⁴³См.: *Русский биографический словарь.* Т. «Романова—Рясковский». С. 343.

На л. 62–76 (л. 69, 74–75 отсутствуют, а л. 63 об., 68, 76 об. — без текста) записано несколько силлабических стихотворений. Одно из них (о Пасхе, л. 76) имеет приписку: «sey stich tworil perewodczik stefan czizinskoj» («сей стих творил переводчик Стефан Чижинской»). Это тот самый С. Ф. Чижинский, чей перевод «Выдания о добронравии» помещен на л. 40–51, 52–52 об.

На л. 77–79 записана молитва «за их царское величество» с припиской: «списана у иноземца Ивана Якимова» — с датой 1695 г. И. Якимов известен своими переводами с немецкого календарей Я. Фохта на 1676, 1693 и 1694 гг.⁴⁴ На л. 79 об.–84 помещен «Рецепт противу горести смертелной, переведен с cesарского языка»; на л. 86–86 об. записан стихотворный панегирик Петру I «Каменем Давид гиганта порази...» с припиской: «сии wirszy spisany u michaila fedorowicza rtiszewa ewo tworenia, w 1700 hodu henvaria v 18 den» («сии вирши списаны у Михаила Федоровича Ртищева, ево творения, в 1700 году генваря в 18 день»).

На л. 87–96 об. читается медицинское сочинение «Из лечебной книги дохтора Иоанна Бевервиния сказание о болезни сухотной» с припиской: «списано в 7202 hodu s ruki diaka andreia winiуса w noiabre miesiace» («списано в 7202 году с руки дьяка Андрея Виниуса в ноябре месяце»). Андрей Андреевич Виниус — достаточно заметная фигура в культурной жизни Москвы того времени и в представлении не нуждается, отметим лишь, что в указанном 1693 г. он был дьяком Посольского приказа.

Далее (с л. 97) идет другое медицинское сочинение — «Описание изрядного спирта, или духа, из травы кохлеарин нареченной», а после него (л. 104–104 об.) — комплекс текстов, начинающийся виршиком «Коло в мире превращает» (известный в другой рукописи XVII в.,⁴⁵ а в XVIII в. попавший в лубок)⁴⁶ с приписками: «списано у писца Ивана Дмитриева» и «spisasia w 1700 hodu». О писце И. Дмитриеве никаких конкретных сведений нет. Известно,

⁴⁴См.: *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв. С. 136. — Календари Я. Фохта на 1690, 1691, 1692, 1695 и 1696 гг. были переведены переводчиками Посольского приказа (Там же. С. 135–136), среди которых, очевидно, был и Якимов.

⁴⁵См.: *Николаев С. И.* К интерпретации притчи А. П. Сумарокова «Коловратность» // *Русская литература.* 1982. № 1. С. 212–214.

⁴⁶См.: *Ровинский Д.* Русские народные картинки. СПб., 1881. Кн. 3. С. 88 (№ 731).

что у братьев Лихудов в 1690–1691 гг. обучался Иван Дмитриев,⁴⁷ о дальнейшей судьбе которого ничего не известно.

Заключает сборник «Наука разных философов о обирании жены» (л. 107–124 об.) — перевод неоднократно издававшейся в XVI–XVII вв. сатирической книги польского писателя Бартоша Папроцкого (ок. 1543–1614) «*Nauka rozmaitych filozofów obierania żony, jako młodzieńcom jedni radzą, drudzy odradzają żenić się dla przyczyn rozmaitych*».⁴⁸

Л. 125–126 отсутствуют, на л. 127–128 выписаны различные стихи из Библии, л. 128 об.–129 — без текста, л. 129 об. — пробы пера.

Прежде чем перейти к анализу сборника, отметим, что известна еще одна рукопись XVII в. с аналогичными приписками — ГИМ, Синодальное собр., № 776. В ней, по указанию А. И. Соболевского, на л. 1 записан перевод небольшого стихотворения Григория Богослова «О житии человеческом» («Коло есть некое непостоянное водружено. . .») с припиской латиницей: «списано у старца Сергия справщика»; в несколько исправленном виде это стихотворение напечатал Ф. Поликарпов в своем «Букваре» (М., 1701. Л. 69 об.–70). Вслед за стихотворением в рукописи ГИМ, Синодальное собр., № 776 идет «Подпись на вертоград личной, переведена с италианского» с припиской латиницей: «списано во 195 году у стольника Самойла Николева».⁴⁹ В 1766 г. эти произведения были скопированы неким синодальным служителем вместе с приписками.⁵⁰ По указанию А. И. Соболевского, «Подпись на вертоград личной» известна также в автографе Кариона Истомина.⁵¹ Из упомянутых здесь лиц С. Ф. Николев уже встречался нам ранее, хорошо изве-

⁴⁷ См.: *Забелин И. Е.* Материалы для истории, статистики и археологии Москвы. Т. 1. Стб. 1045, 1046; *Сменцовский М.* Братья Лихуды. С. 82.

⁴⁸ См. издание текста: *Николаев С. И.* Польская поэзия в русских переводах: Вторая половина XVII — первая треть XVIII в. Л., 1989. С. 176–188. О русских переводах второй половины XVII в. других сочинений Б. Папроцкого см.: *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв. С. 80–81, 172; *Николаев С. И.* «Круг рыцарский» Б. Папроцкого в русском переводе середины XVII в. // Материалы республиканской конференции СНО. 1977: Русская филология. Тарту, 1977. С. 14–29.

⁴⁹ *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв. С. 253–254, 297.

⁵⁰ БАН. Собр. Археографической ком. № 90. Л. 6 об.–8.

⁵¹ *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв. С. 254. Ср.: *Протасьева Т. Н.* Описание рукописей Чудовского собрания. Новосибирск, 1980. С. 166 (№ 290).

стен и справщик Сергей: бывший игумен Путивльской Молченской пустыни Сергей работал с перерывом на Печатном дворе с 1669 г., в 1674 г. входил в библейскую комиссию Елифания Славинецкого, с 1687 г. был начальником Печатного двора, после его смерти в феврале 1698 г. начальником Печатного двора был назначен Карион Истомин.⁵²

Довольно подробное рассмотрение содержания сборника ГИМ было необходимо для датировки перевода фразек Яна Кохановского и установления если не переводчика, то литературной среды, в которой перевод появился. Обзор содержания позволяет заключить, что сборник состоит из двух неравных частей. Первая часть (до л. 40), заполненная в 1680-е годы, связана с Печатным двором, вторая, относящаяся к 1690-м годам, — с Посольским приказом. Об этом делении говорят не только упомянутые в многочисленных приписках имена, но и подбор произведений.

На основании приписок можно уверенно говорить о близком знакомстве составителя сборника с сотрудниками Печатного двора, а потом Посольского приказа, поскольку он получал для переписки рукописи, принадлежавшие нескольким видным литераторам эпохи, в том числе и авторские. Благодаря этой близости составитель сборника был хорошо осведомлен в деталях литературной жизни и сообщил много ранее совершенно неизвестных сведений о литературных занятиях Мардария Хоникова, С. Ф. Николаева, Ф. М. Ртищева, С. Ф. Чижинского и др. Поэтому первую часть сборника можно рассматривать как своеобразную хронику литературной деятельности (причем не основной профессиональной, а любительской) кружка писателей, связанных с Печатным двором.⁵³ Поэтому в сборнике большинство произведений — новинки, которые сразу по их появлении составитель заносил в свой «альбом» по авторским («с руки ево») или верным рукописям. Исходя из этого наблюдения, считаем возможным датировать перевод фразек Яна Кохановского, сообразуясь с их положением в рукописи, началом 1680-х годов.

Перевод возник в кругу поэтов, связанных с Печатным двором, но указать переводчика даже предположительно мы не можем, так

⁵²См.: Браиловский С. Н. Один из «пестрых» XVII столетия. СПб., 1902. С. 136.

⁵³О писателях, связанных с Печатным двором, см.: Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII в. Л., 1973. С. 116–129, 144–150.

как на Печатном дворе в то время служило несколько поэтов, среди них Сильвестр Медведев, Карион Истомин, Мардарий Хоников. У Сильвестра Медведева, например, были превосходно подобраны сочинения Яна Кохановского, но он как раз наименее подходящая кандидатура вероятного переводчика, так как составитель сборника его ни разу не упоминает, да и вообще заметно его тяготение к литераторам Чудова монастыря.

Если вопрос о переводчике остается открытым, то попытка установить составителя сборника имеет достаточные основания. Как уже указывалось, составитель сначала был связан с Печатным двором, а затем с Посольским приказом, поэтому был, скорее всего, светским лицом. В связи с этим представляет интерес приведенная выше эпитафия жене М. И. Родостамова. Она уже была дважды опубликована по тексту надгробной плиты⁵⁴ и, конечно, без заголовка. В заголовке («Надпись гробная ženu moeia Evfimiū Petrownyu такова») примечательно не только наличие отчества, которого в тексте эпитафии нет, но и употребление латиницы, которой составитель сборника обычно «шифровал» свои приписки. Уместно поэтому предположить, что составитель записал латинскими буквами имя своей жены, а поскольку в эпитафии муж назван, то составителя сборника можно считать установленным. Это бывший писец, а затем подъячий Печатного двора М. И. Родостамов, в середине 1680-х годов ставший подъячим, а в июле 1695 г. дьяком Посольского приказа. Приведем дополнительные соображения, подтверждающие нашу гипотезу. На л. 96 об. под припиской с именем А. А. Виниуса записана лигатура из букв РМР, которую можно раскрыть как «подъячий Михаил Родостамов»; на л. 9 записана приведенная выше эпитафия некоему Иоанну Иоанновичу, сочиненная в 1679 г. Мардарием. Если наше предположение о составителе сборника верно, то приписка на поле («[н]агробная надпись [от]ца моего») не противоречит нашему предположению, так как отчество Михаила Родостамова известно по документам — Иванович. Лигатура РМР встречается также в записи на черновом экземпляре «Жития Варлаама и Иоасафа», правленном Симеоном Полоцким: «Pisasia lieta 7188 rukoiu mnohohriesznoho podiaczeho РМР». ⁵⁵ Эта запись окончательно подтверждает причастность со-

⁵⁴ См.: Мартынов А. А. Надгробная летопись Москвы // Русский архив. 1895. № 6. С. 231; Московский некрополь. СПб., 1908. Т. 3. С. 38.

⁵⁵ ГИМ. Синодальное собр. № 766. Л. III.

ставителя сборника к Печатному двору, точнее, к Верхней типографии.

Установив составителя сборника, мы, однако, мало приближаемся к решению вопроса об атрибуции перевода фрашек. Может возникнуть соблазн атрибутировать перевод Родостамову, тем более что для этого есть аргументы, хоть и слабые. Во-первых, Родостамов, безусловно, знал польский язык, о чем красноречиво говорят выписки на польском языке, а также некоторые особенности употребления им латинских букв; во-вторых, рядом с переводом нет привычной для этого сборника приписки «списано» — напротив, сказано, что «стихи выписаны из книги полской». Однако надо признать, что этих фактов недостаточно для выдвижения гипотезы, это всего лишь догадка. Важно другое: анализ сборника говорит о том, что переводчика следует искать скорее среди литераторов Печатного двора, близких к Чудову монастырю, а вовсе не среди записных полонофилов. Как наиболее вероятного кандидата, кроме М. Родостамова, можно было бы назвать Мардария Хоникова, известного по другим стихотворным переводам, поскольку фразки Кохановского находятся в сборнике между произведениями, списанными у Мардария.⁵⁶

Характеризуя перевод фрашек, мы отметили его несомненно высокий уровень. Но переводчика отличали еще и тонкая интуиция и хорошее знакомство с современной ему поэзией, проявившееся в выборе фрашек. Ян Кохановский писал о своих «безделках»:

Здесь несерьезное смешалось с серьезным,
Кому что правится, тому купить не поздно.
Пусть каждый, взяв свое, остаток даст другим.
Довольны будут все здесь выбором своим.⁵⁷

Из огромного тематического разнообразия «безделок» польского поэта, «полусмешных, полупечальных», злых инвектив и веселых эпиграмм, переводов из Греческой антологии и Катулла, перемешанных с анекдотами философскими размышлениями и эпиграфиями,⁵⁸ русский переводчик безошибочно выбрал те фразки,

⁵⁶В 1680–1690-х гг. справщиком Печатного двора был иеродиакон Чудова монастыря Феофан, неутомимый переводчик с польского. Но он начал службу только в 1682 г. (как и Карион Истомирин) и вряд ли мог выполнить перевод фрашек.

⁵⁷Кохановский Я. Избранные произведения. С. 162.

⁵⁸О фразках см. подробно в кн.: *Pelc J. Jan Kochanowski. Szczyt Renesansu w literaturze polskiej.* Warszawa, 1980. S. 270–307.

которые лучше всего могли вписаться в русскую силлабическую поэзию конца XVII в. Неслучайность его выбора подтверждается историей этих фразек в творчестве Кохановского. Все три двустишия вошли в произведение поэта «На XII ступеней человеческой жизни»,⁵⁹ опубликованное уже посмертно во «Фрагментах» (1590). Этот цикл двустиший имеет несомненные аналогии с популярным в XVI в. эмблематическим изданием «Таблица Кебета» («*Cebetis Thebani, Socratis discipuli, Tabula, vitae totius humanae cursum grafice continens*») — нравоучительной панорамой человеческой жизни от рождения до смерти, с афористическими подписями.⁶⁰ Представленная в «Таблице Кебета» философия жизни сродни некоторым древнерусским поучениям (ср. популярную в рукописной традиции статью «О седмицах жития человеческого»), да и сама «Таблица» вскоре отразилась в русской лубочной картинке «Возраст человеческий».⁶¹ Вот эту расхожую философию интуитивно и уловил русский переводчик во фразках польского поэта. По всей вероятности, он не знал ни «Таблицы Кебета», ни цикла двустиший Кохановского, однако безошибочно выбрал из почти трехсот фразек три, не самые характерные для Кохановского, зато наиболее приемлемые для русской стихотворной культуры XVII в. В целом можно сказать, что эпизод с переводом на русский язык фразек Я. Кохановского в миниатюре отражает основное направление восприятия польской поэзии в России в XVII в.

⁵⁹ *Kochanowski J. Dzieła polskie*. Т. 2. S. 44–45; *Кохановский Я.* Избранные произведения. С. 105–106. — Это произведение не рассматривалось нами как возможный источник русского перевода по следующим соображениям: ни в одном из просмотренных изданий XVI–XVII вв. оно не печаталось на 21 странице; разночтение в последнем двустишии («*omylny świece*» вместо «*obludny świece*») говорит в пользу «Фразек».

⁶⁰ См.: *Pelc J. Obraz — Słowo — Znak: Studium o emblematkach w literaturze staropolskiej*. Wrocław, 1973. S. 109–112.

⁶¹ См.: *Ровчинский Д.* Русские народные картинки. Кн. 3. С. 102–104. — Сама «Таблица Кебета» (или «Картина») неоднократно переводилась на русский язык в XVIII–XIX вв., первый перевод принадлежит А. К. Барсову (1725 г. — РГБ. Собр. Тихонравова. № 204), второй — А. Д. Кантемиру (1729), однако стала она известна значительно раньше, еще в XVI в. ее цитировал Максим Грек. См.: *Булантин Д. М.* Переводы и послания Максима Грека: Неизданные тексты. Л., 1984. С. 24–25.

ЯН КОХАНОВСКИЙ В ПОСОБИЯХ ПО ПОЛЬСКОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ РУССКИХ (XVIII — первая половина XIX в.)

Первые переводы произведений Яна Кохановского на русский язык появились еще во второй половине XVII в., но они более трех веков оставались в рукописях, в печати же первый перевод появился только в 1829 г. — это был анекдот о шуте Станьчике из «Апофегм», а публикации стихотворных переводов начались много позднее.¹ Но у истории Яна Кохановского в русской печати есть и своя предыстория.

В первый раз в русской печати имя Кохановского, по-видимому, упомянуто в 1775 г. К. А. Кондратовичем в его небольшой книжке «Ворона. Вран. Всеобщейсторическая похвала врану». Кондратович выбрал самые разнообразные упоминания о воронах (из Библии, классических авторов и др.) и написал похвальное слово вороне, в котором перемешал цитаты из древних авторов и Псалтыри («вран на нырище») с русскими пословицами: «Ворона пугана боится де куста», «Ворон ворону глаза не выклюет» и т. д. Попытка создать шутовское псевдоученое сочинение по гуманистическим образцам оказалась, как и многие другие литературные начинания Кондратовича, неудачной: ни эта книжечка, ни ее продолжение «Реприманд Воронин!» (1778), «самою выхваленною вороною сочинен», не вызвали никакого сочувственного отклика у читающей публики. В книжке «Ворона. Вран» Кондратович уделил среди прочего немного места гербу Корвин, в центре которого изобра-

¹См.: Николаев С. И. О ранних русских переводах Яна Кохановского // Русская литература. 1985. № 4. С. 230–232. О дальнейшей судьбе Яна Кохановского в России см.: Matek E. Dzieje poznania Jana Kochanowskiego w Rosji // Staropolskie teksty i konteksty. Katowice, 1994. Т. 2. S. 9–31.

жен ворон (corvinus — лат. воронов, corvus — лат. ворон), заметив при этом: «Сим гербом печатаются Кохановские».² Кондратович почерпнул эти сведения из польских гербовников Шимона Окольского «Orbis Polonus» (1641–1645) и Каспера Несецкого «Kogona Polska» (1728–1744), которые он сам назвал среди своих источников и из которых он в разное время делал переводы по истории тех или иных дворянских фамилий по поручению Герольдмейстерской конторы. Поскольку в польских гербовниках уже с XVI в. при описании герба Корвин в первую очередь непременно расточались похвалы Яну Кохановскому,³ то очевидно, что именно его имел в виду и Кондратович.⁴ Это упоминание, несомненно, многое говорило таким же, как Кондратович, выученикам русских духовных училищ, постигавшим правила и азы поэтического искусства преимущественно на примере польских авторов,⁵ но для современной ему русской литературной публики, воспитывавшейся на новейших западноевропейских образцах, оно вряд ли что-то значило.

В 1796 г. в Москве впервые было напечатано кириллицей стихотворение Кохановского, но это был не перевод, а транскрипция, напечатанная вместе с оригиналом в учебнике польского языка для русских в разделе «Примеры для чтения, с российским произношением против польского»:

Wy, którzy pospolitą rzeczą władacie,
Вы, ктуржы посполито ржечо владаць,
I ludzką sprawiedliwość w ręku trzymacie:
И людзко справедливосьць в рэнку тршимаце:
Wy, mówię, którym ludzi paść poruczono,
Вы, мувѣ, ктурым людзи пасць поручоно,
I zwierzchności nad stadem Bożem źwierzono;
И звѣржхносьци над стадем Божим звѣржоно;
Mieycie to przed oczęma zawždy swoiemi,

² Кондратович К. Ворона. Вран. Всеобщей исторической похвала врану. СПб., 1775. С. 12.

³ См., напр., воспроизведение страницы с изображением герба и портретом Яна Кохановского из гербовника Б. Папроцкого (1578): *Pelc J. Jan Kochanowski. Szczyt Renesansu w literaturze polskiej*. Warszawa, 1987. Ill. 1.

⁴ См.: *Pelc J. Jan Kochanowski w tradycjach literatury polskiej (od XVI do połowy XVIII w.)*. Warszawa, 1965. S. 84; *Starnawski J. Dzieje wiedzy o literaturze polskiej (do końca wieku XVIII)*. Wrocław, 1984. S. 88–89, 160.

⁵ См.: *Lewin P. Wykłady poetyki w uczelniach rosyjskich XVIII w. (1722–1774) a tradycje polskie*. Wrocław, 1972.

Мѣйцѣ то пршед очема завжды своими,
Zeście mieysce zasiedli Boże na ziemi;
Жесьцѣ мѣйсце засѣдли Боже на земи;
Z kтórego macie nie tak swe własne rzeczy,
З ктупего мацѣ пѣ так све власне ржечы,
Jako wszystkim ludzki mieć rodzaj na pieczy.
Яко вшистек людзки родзай на пѣчы.

Kochanowski.⁶

Это две первые строфы одной из «Песен» (II, 14) Яна Кохановского,⁷ которая впервые была опубликована в 1578 г., она составила второй Хор его трагедии «Отказ греческим послам».⁸ Впрочем, Благодаров взял текст Кохановского не из его сочинений, а из первой польской школьной грамматики польского языка, изданной Онуфрием Копчинским.⁹ В грамматике Копчинского польская поэзия XVI–XVIII вв. представлена небольшой антологией, из которой Благодаров позаимствовал только два стихотворения — Кохановского и Шимона Зиморовича.

Текст из учебника Благодарова стал первой публикацией произведений Кохановского в России, но был далеко не первой и совсем не последней кириллической транскрипцией его стихотворений. Впервые транскрибированные (а частично и транслитерированные) тексты Кохановского появились в русских рукописных песенниках во второй половине XVII в., всего в них встречается 11 псалмов из «Псалтыри Давида».¹⁰ Вот текст 91 псалма по рукописи XVII в.:

⁶ *Благодаров Я. И.* Краткие правила польского языка с присовокуплением к ним употребительнейших слов, разговоров и примеров для чтения. М., 1796. С. 79. — Об авторе см.: *Словарь русских писателей XVIII в.* Л., 1988. Вып. 1: А–И. С. 92–94.

⁷ См. современные переводы на русский язык: *Кохановский Я.* 1) Избр. произведения. М.; Л., 1960. С. 69 (пер. Вс. Рождественского); 2) Лирика. М., 1970. С. 109 (пер. Л. Мартынова).

⁸ См.: *Кохановский Я.* Избр. произведения. С. 233–234.

⁹ См.: *Korczyński O.* Gramatyka dla szkół narodowych na klasę III, drugi raz wydana. Wilno, 1783. S. 52 (первое изд.: Warszawa, 1781). Ср.: *Walecki W.* Jan Kochanowski w literaturze polskiej doby Oświecenia. Wrocław, 1979. S. 49. — Труды по грамматике Копчинского и позднее вызывали интерес в России, см.: *Вестник Европы.* 1823. № 11. С. 178–206; *Булич С.* Очерк истории языкознания в России. СПб., 1904. Т. 1. С. 1049.

¹⁰ См.: *Позднеев А. В.* Светские польские песни в русских рукописных песенниках XVII в. // Польско-русские литературные связи. М., 1970. С. 59.

Кто сѣ в опѣкѣ пода Пану свему,
А цалым сердцем смѣле уфа ему,
Смѣле рзечь може: мам обронцѣ Бога,
Нѣ прзийдзе на мне жадна страшна трвога.

Цѣбѣ он з ловцѣх обѣры вызуѣ,
А в заразливом повѣтрзу ратуѣ,
В цѣню свых скрзыдел захова цѣ вѣчиѣ,
Под ѣго пиоры¹¹ улежеш безпѣчиѣ.

Статечносць ѣго тарчѣ и пуклерз мощны,
За кторым стоюнцѣ, на жаден страх поцны,
На жадно трзвоге апи дбай на стрзалы,
Кторѣми сѣе¹² прзигода в дзень бялый.

Зтоид ведлѣ цѣбѣ тысионц глов полеже,¹³
Зтоид други тысионц, цѣбѣ нѣдосѣнже¹⁴
Мѣчь нѣухрошны, а ты прзецѣ свеми
Очима уйзриш помсте над грзешнеми.

Ижесь рзекл Пану: тысь надзѣя моя,
Ижѣ Бог найвышши ѣсть уцѣчка твоя,
Нѣ достонпи цѣ жадна зла прзигода,
Апи сѣ найдзѣ в дому своим шкода.

Аниолом своим каже цѣ пилюваць,¹⁵
Гдзѣколвѣк стоппиш, кторзы цѣ пястоваць¹⁶
На ренку бецдо, абысь идонце дрого,
На остры камень нѣ угодзил ного.

Бендзеш по жмиях беспѣчне гневливых
И по падалцах дептал нѣцерпливых,
На лва срогѣго без образы всѣндзѣш,
И на огромным смоку ѣдзиць бендзеш.

Слухай, цо мови Пац, иже цѣ милуе,
А прзецивко мѣ щерзе постенпуѣ,
Я го теж также в ѣго каждо трвога
Нѣ запамѣтам и овшем вспомого.

¹¹ *Испр., в ркп.: шоры.*

¹² *Испр., в ркп.: ей.*

¹³ *Испр., в ркп.: положены.*

¹⁴ *Испр., в ркп.: нѣдосѣнж.*

¹⁵ *Испр., в ркп.: пилюваць.*

¹⁶ *Испр., в ркп.: пястова.*

Глос Ёго у мнѣ иѣ бѣндзе взгартзоны,
Я з ним и в прзигодзѣ; оде мно оброны
Нѣх певеп бѣндзе, певѣи и зачносци,
И лят сѣндивых и мей¹⁷ жичловосци.¹⁸

Сравнение с другими записями этого псалма¹⁹ в рукописных песенниках показывает, что текст кириллической транскрипции был крайне неустойчив, поскольку общепринятые «правила транскрипции и передачи текста» отсутствовали, и со временем текст неуклонно подвергался русификации при переписке.

Следующим этапом была практическая транскрипция в учебнике Благодарова, который намеревался обучить русских правильно-му чтению на польском языке. Несколько иные цели преследовал П. П. Дубровский в своих «Образцах польского языка, в прозе и стихах, для русских», изданных в 1852 г. Автор, известный пропагандист польской литературы в России и составитель польско-русских словарей,²⁰ решил «облегчить» русскому читателю знакомство с польской литературой в подлиннике и для этого предложил печатать польские произведения кириллицей. Вот ход рассуждения Дубровского: «Предлагая русским читателям образцы польского языка, напечатанные в виде опыта русскими буквами, с главной целью сделать польский язык доступным для русских, издатель преимущественно заботился о том, чтобы, для начала, хотя приблизительно показать польское словопроизношение, надеясь со временем представить аналогическое изложение польско-русского правописания». Дубровский попытался отыскать и аналоги своему предприятию: «Русскими буквами писали по-польски уже в давние времена, как известно нам из многих исторических памятников. Так, например, в “Симбирском сборнике”, изданном в Москве в

¹⁷ *Испр., в ркп.*: мен.

¹⁸ *Spiritual Songs in Seventeenth-Century Russia: Edition of the MS 1938 from Muzejnoe Sobranie of The State Historical Muzeum in Moscow (GIM) / Transcribed and edited by Olga Dolskaya. Köln; Weimar; Wien, 1996. P. 58–59. В текст внесены некоторые исправления очевидных ошибок писца по рукописи РНБ. Q. XIV. 25. Л. 81 об.*

¹⁹ См., напр.: РНБ. Собр. Погодина. № 1974. Л. 96 об.; РНБ, Q. XIV. 25. Л. 81 об.

²⁰ См.: *Mucha B. Piotr Dubrowski — zapomniany polonofil i propagator literatury rosyjskiej wśród Polaków // Slavia Orientalis. 1973. N 2. S. 165–176; Kucharska E., Lachur C. Piotra Dubrowskiego «Wzory języka polskiego prozą i wierszem dla Rosjan» // Slavia Orientalis. 1984. N 3–4. S. 409–421.*

1845 г. между разными историческими актами мы находим в отделе “Малороссийские дела” многие грамоты польских государственных лиц XVII столетия, писанные ими при сношениях их с Россиею. Эти грамоты заслуживают внимания тем, что писаны на чистом польском языке — русскими буквами». ²¹ Дубровский ссылался также на пример чехов, которые «уже издавна пытались заменить свою азбуку русскою», а затем приводил правила передачи польских букв буквами русскими. ²² Вот как выглядит в его транскрипции текст Кохановского:

Псалъм ХСІІІ.

Пршез

Яна Кохановскѣго

Пан хцѣ крулѣваць, одзял се зацносцию,
Окрыл се меизтвем вшистек и дзѣльносцию,
Пан, пршез ктурего кронг непорушоны

Земски створжоны.

Столица Его од почонтку свята

Ест заложона, а Он вшисткѣ лята

Упршедзил, але и вѣкув не станѣ —

А он застаѣ!

Нѣх гучо ржеки, нѣхай глосье валы

Свым генстым шикѣм удержаю в скалы:

Грознѣйши моржа и вшех навалносци

Буг з высокосци!

Хибиць ни може, цо Ты кѣды своим

Словем выржечеш; пршего в дому Твоим

Вѣчна повага, вѣчна чещц застаѣ,

Правдзивы Панѣ!²³

Опыт Дубровского был благожелательно и даже одобрительно встречен современной критикой. В. Григулевич в своей обширной рецензии писал: «Итак, по внимательном рассмотрении всех мнимых затруднений к замене польско-латинских букв русскими, нельзя не видеть, что эта замена не только не представляет никаких действительных несообразностей, но напротив даже представляет

²¹ Образцы польского языка, в прозе и стихах, для русских, изданные П. Д. Wzory języka polskiego, prozą i wierszem, dla Roszjan, wydane przez P. D. СПб., 1852. С. II.

²² См.: Там же. С. IV, IV–VII.

²³ Там же. С. 43.

значительные выгоды как для облегчения русским польского языка, так и для сравнения его с своим родным языком. <...> Вообще говоря, перемена букв не научит нас польскому языку, но она облегчит русским изучение его и сделает его понятнее даже для тех из них, которые вовсе его не знают».²⁴

В 60-е годы XIX в. появляются уже более привычные учебники польского языка для русских и хрестоматии, в которых стихотворения Кохановского печатались на польском языке с объяснением отдельных слов в подстрочных примечаниях.²⁵ Однако история транскрипции польских текстов кириллицей на этом не закончилась, только на следующем этапе это была транскрипция уже не для русских, а для поляков.

Судьбы польского языка в течение нескольких десятилетий после поражения восстания 1830–1831 гг. были трагичны, причем не только в Царстве Польском, но и на всех бывших польских землях. В Царстве Польском родной язык последовательно заменялся русским языком в административной сфере, а также вытеснялся из польской школы.²⁶ После поражения восстания 1863 г. русификаторская политика только усилилась. В преподавании польского языка наиболее ярко это проявилось в издании в 1860-е гг. целого ряда учебных пособий (букварей, грамматик, хрестоматий) для поляков, напечатанных русскими буквами. Замена латиницы кириллицей обосновывалась, в частности, тем, что польские буквы «мога быць докладне выражонэ литэрамі рускеми, уживанэми презь вѣкшоць люду словянского, для взаємнэго вѣць и латвейшого користаня зь постэповь науковыхъ, до якихъ дошли вшистке щепы тэгожь люду».²⁷ Как видно из этой небольшой цитаты, это

²⁴ ЖМНП. 1853. Апр. Отд. VI. С. 15.

²⁵ См.: Учебник польского языка, составленный Ф. И. Кургановичем. *Przewodnik do praktycznej nauki języka polskiego dla Roszjan ułożony przez T. Kurhanowicza*. Варшава, 1865. С. 72–74; Польская хрестоматия для упражнения в переводах с польского языка на русский с приложением словаря польско-русского. Варшава, 1872. Ч. 2. С. 173–174. — Составитель этой хрестоматии в издании не указан, но предисловие подписано буквами «П. Д.», что можно раскрыть как «Петр Дубровский». Таким образом, двадцать лет спустя П. Дубровский отказался от своего первоначального плана знакомить русских с польской литературой в русской транскрипции.

²⁶ См.: *Klemensiewicz Z. Historia języka polskiego*. Warszawa, 1972. Т. 3. С. 33–36.

²⁷ Грамматыка ызыка польскаго уложона вэдлугъ такей же грамматыки, выданэй въ 1860 року дэцьызя ясьневельможнэго министра освещэня народовэго

была не просто кириллица и даже не смесь польских и русских букв: были придуманы и введены буквы, отсутствующие в других известных алфавитах, но при этом исключен, например, «ять». Эти попытки ввести русскую графику для польского языка под прикрытием славянофильских идей не могли восприниматься в Польше иначе как проявления неприкрытой русификаторской политики. Вот как выглядел в такой транскрипции 8 псалом Яна Кохановского:

Хымын до Бога

(I. Кохановского)

Вшехмоцны Пане, векуисты Боже!
Кто сѣ Твым справом выдзивоваць може?
Кто розумови, ктѳрым незмероны
Тен свят створоны?
Гдзекольвек слоньцэ руца стралы свое,
По цалым свеце, слыне имѣ Твое,
А славы — небо огарнаць не може
Твэй, вельки Боже!
Твѳй чин ест небо, Твоих раќ работа
Гвязды тэ в горе яспейше од злота;
Ты в поцы сличнэм святлэм здобиш вдзѣчи?
Коло месѣчнэ!
А человек чэм ест? Вшак Ты нествѳроны,
Вшисткаго твѳрца и пан незмероны,
Рачиш наш помнець. Чему сын чловечи
Годзен Твэй печи?
Далэсь в моц его вшистка быдла польнэ,
Далэсь и леснэ зверѣта свавольнэ.
Он на поветру птаствэм, под водами
Владне рыбами.
Вшехмоцны Пане, векуисты Боже!
Кто сѣ Твым справом выдзивоваць може?

для шкѳль окрѣгу науковэго варшавскаго на класэ 1. С. Пѣтѣрсбургъ, 1866. С. 4. Об этих учебниках см.: *Brzezina M.* 1) *Nieznane polskie podrѣczniki dla szkѳl podstawowych pisane graždanką* // *Socjolingwistyka*. Krakѳw, 1994. Т. 14. S. 85–98; 2) *Propozycje zastosowania graždanki do jѣzyka polskiego z drugiej połowy XIX wieku* // *Słowiani Wschodni. Miѣdzy jѣzykiem a kulturą*. Krakѳw, 1997. S. 161–167; 3) *Die polnische Variante der Grašhdanka* // *Vielfalt der Sprachen. Festschrift für Aleksander Szulc zum 75. Geburtstag*. Wien, 1999. S. 119–130.

Кто розумови, котрым незмероны
Теп свят створоны?²⁸

Теоретическую базу подобных новаций в деле сближения славян обосновал в «Общеславянской азбуке» (1871) А. Ф. Гильфердинг,²⁹ много писавший в 1860-е годы по «польскому вопросу».³⁰ Его рассуждения и практические предложения подверг уничтожающей, но вполне корректной по тону критике И. А. Бодуэн-де-Куртенэ, коснувшись в подробном разборе как теоретической, так и практической стороны вопроса.³¹ Насколько вопрос об «общеславянской азбуке» был щекотлив и деликатен в применении к польскому языку и имел под собой не только одни лингвистические основания, говорит то обстоятельство, что как только рецензент предложил в конце своего разбора взглянуть «на вопрос об азбуке и графике с точки зрения политических интересов, но лишь настолько, насколько политические блага народов и племен не идут вразрез с благом отдельных людей по отношению к народу и с благом народов по отношению к целому племени», редакция журнала тут же сочла необходимым заметить в примечании: «Все последующее изложение составляет личное мнение автора, не разделяемое редакцией» (183). Между тем высказанные далее мысли И. А. Бодуэна-де-Куртенэ

²⁸Хрѣстоматія вейска чили збиор выписов з рожных польских ауторов. Варшава, 1866. С. 2–3.

²⁹См.: *Общеславянская азбука с приложением образцов славянских наречий* / Сост. А. Гильфердинг. СПб., 1871. С. 1–18. — Первые шаги по введению русской азбуки для польского языка были предприняты еще в 1844 г., когда для этих целей при Министерстве народного просвещения был создан особый комитет, который выработал и первые практические указания, просмотренные и одобренные Николаем I. См.: О предположениях заменить в польском языке латинский алфавит русскою азбукою. [СПб., 1864]. На этом небольшом издании (19 страниц) стоит гриф «Секретно». См.: *Успенский Б.* Николай I и польский язык: (Языковая политика Российской империи в отношении Царства Польского: вопросы графики и орфографии) // *Die Welt der Slaven*. 2004. Bd 49. N. 1. S. 1–38.

³⁰См.: *Гильфердинг А.* Собрание сочинений. СПб., 1868. Т. 2. С. 291–360.

³¹См.: *Бодуэн-де-Куртенэ И.* Несколько слов по поводу «общеславянской азбуки» // *ЖМНП*. 1871. Ч. 155. Май. С. 149–195. Далее ссылки на эту статью даются в тексте с указанием в скобках страниц. Статья вскоре была переведена (без ведома автора) на польский язык, см.: *Hilferding czy ksiądz Malinowski, Moskale czy Polacy dadzą Słowianom wszechsłowiańskie abecadło? Pytania, na które czytelnik znajdzie odpowiedź w niniejszym tłumaczeniu broszury Jana B. de C. pod tytułem «Несколько слов по поводу “общеславянской азбуки”»* / *Wyd. L. Rzepcecki. Poznań, 1872.*

звучали вполне тактично: «Не очень-то большую пользу извлекут и те отдельные славянские народы, которые ради взаимного сближения с другими славянскими народами принесут свой обычный алфавит в жертву какому-нибудь общеславянскому» (186), «Но едва ли полезно было бы литературное объединение в такой степени, чтоб оно повело к полному забвению отдельными славянскими народами их исторически развившихся, до известной степени самостоятельных литератур» (187), «Если когда-нибудь в массах славянских народностей проснется и разовьется настоящее сознание общности интересов и целей, основанное на потребности, по крайней мере, всех более просвещенных людей и на разумном понимании общего дела и солидарном противодействии общим врагам, если все славяне станут когда-нибудь серьезно знакомиться друг с другом в проявлениях литературы и общественной жизни, тогда и без “общеславянской азбуки” сделается возможною *общеславянская жизнь*» (184).

Трудно сказать, в какой степени лингвистически компетентное мнение И. А. Бодуэна-де-Куртенэ, который и до этого писал на схожие темы,³² оказало влияние на дальнейший ход событий, но время только подтвердило справедливость его рассуждений: идея перевода польского языка на русскую графику была благоразумно отложена, а затем и вовсе забыта. А в том же самом 1871 г. в Петербурге под редакцией Н. В. Гербеля вышла известная антология «Поэзия славян», в которой раздел польской поэзии открывался поэтическими переводами стихотворений Яна Кохановского на русский язык. Стало очевидно, что русскому читателю, не знающему польского языка, не придется знакомиться с произведениями великого польского поэта только в русской транскрипции.

И в издании Дубровского, и в учебниках для поляков второй половины 1860-х годов в русской транскрипции печатались, конечно, не только произведения Кохановского — в таком же виде печатались стихотворения Игнация Красицкого, Францишека Карпиньского, Адама Мицкевича и других польских поэтов, но только стихотворения Яна Кохановского существовали в русской транскрипции уже два века.

³²См. его анонимно изданную брошюру: *Kilka słów z powodu wzmianki Tygodnika ilustrowanego o rozprawie dr. J. Ew. Purkyniego «O korzyściach z ogólnego rozprzestrzenienia łacińskiego sposobu pisania w dziedzinie języków słowiańskich»*. Warszawa, 1865.

История русской транскрипции произведений Яна Кохановского за эти два столетия прошла несколько этапов: в XVII в. запись русскими буквами просто облегчала пение псалмов на незнакомом языке; в конце XVIII в. транскрипция служила узко практическим целям овладения иностранным произношением (для этого она употребляется и доныне в учебниках и разговорниках); в первой половине XIX в. она была использована для неудачной и в чем-то наивной попытки сделать таким образом польскую поэзию более понятной русскому читателю и тем самым послужить делу сближения двух славянских народов в духе славянофильских идей, а во второй половине столетия, уже под знаменем панславизма, кириллическая транскрипция должна была заменить и польскую графику для самих поляков. Одна и та же лингвистическая процедура могла обслуживать самые разные нужды: житейские, филологические и идеологические.

Добавляют ли приведенные тексты что-нибудь новое в историю восприятия Яна Кохановского в России? Безусловно, да. С одной стороны, еще раз подтверждается неизменный интерес к творчеству великого польского поэта, с другой — выявляется ранее не отмечавшаяся особенность: в XVII — первой половине XIX в. Ян Кохановский воспринимался в России в первую очередь как создатель стихотворного переложения «Псалтыри Давида» на польский язык, поэтому переводятся³³ и транскрибируются именно переложения псалмов. С середины XIX и до начала XXI в. переложения псалмов Кохановского в русской печати больше не появлялись ни в переводе, ни тем более в транскрипции. Этот подход, обусловленный в значительной степени господствовавшими в этот период концепциями Ренессанса, повышает значение публикаций Яна Кохановского в учебных пособиях по польскому языку.

³³ В 1678 г. Симеон Полоцкий перевел переложение 65 псалма, а в 1741 г. Михаил Финицкий перевел 137 псалом, см.: *Lewin P. Wykłady poetyki w uczelniach rosyjskich XVIII w. (1722–1774) a tradycje polskie.* S. 173.

МИКОЛАЙ КОХАНОВСКИЙ В ОБРАБОТКЕ СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО

Новейшее отлично подготовленное издание «Вертограда многоцветного» Симеона Полоцкого¹ вводит в научный оборот обширный корпус текстов, а обстоятельный комментарий дает возможность проанализировать работу автора с разнообразными источниками. При знакомстве с комментарием к двум первым томам бросается в глаза одна характерная черта: круг выявленных источников «Вертограда» составляют только прозаические поучения, стихотворений или поэтических книг нет.² Это довольно неожиданно для поэзии барокко, в которой «чужое» поэтическое слово — в виде парафразы, подражания или цитаты — обычно играет важную роль. То обстоятельство, что Симеон при создании своей грандиозной *поэтической* энциклопедии, в значительной своей части основанной на иноязычных источниках, опирался на *прозаические*, а не на *стихотворные* тексты, заслуживает, как представляется, обсуждения и объяснения.

Вместе с тем хорошо известно, что Симеон Полоцкий безусловно владел техникой стихотворного перевода. В составе его второго авторского стихотворного сборника «Рифмологион» сохранилась

¹*Simeon Polockij. Vertograd mnogocvětnyj. Vol. 1: «Aaron» — «Detem blagoslovenie» / Ed. by Anthony Hippisley and Lydia I. Sazonova; With a Foreword by Dmitrij S. Lichačev. Köln; Weimar; Wien, 1996; Vol. 2: «Emmanuil» — «Pocitanie 2». 1999.*

²Единственное исключение в первом томе — стихотворение «Блудница, 3», восходящее к эмблематическому сборнику Андреа Альчиаги (см.: *Ibid.* Vol. 1. P. 105, 326). См. также: *Hippisley A. A Jesuit Source of Simeon Polotsky's «Vertograd mnogotsvetnyi» // Oxford Slavonic Papers. NS. Vol. 27. 1994. P. 23–40.* — В комментариях ко второму тому нет ни одного указания на иноязычный стихотворный источник.

«Песнь из полсакого диалекта преведенная на славенский о прелести мира».³ Задолго до этого перевода Симеон Полоцкий перевел на польский и церковнославянский латинское стихотворение XIII в. о презрении к миру,⁴ причем перевел настолько искусно, что некоторые исследователи предполагали обратную зависимость текстов: стихотворение на церковнославянском было якобы переведено самим автором на латынь и польский.⁵ Между тем никаких других стихотворных переводов или иных следов иноязычной поэзии в огромном поэтическом наследии Симеона до сих пор не выявлено. Известно, правда, что на «Псалтирь рифмотворную» Симеона оказало влияние стихотворное переложение псалмов Яна Кохановского, но добросовестное сличение текстов показало, что зависимость Симеона от польского поэта сильно преувеличена и сказалась в основном в области версификации.⁶ На уровне стилистическом или интерпретационном влияния практически нет, о чем сам Симеон предупреждал во втором предисловии к своему переложению

³См.: ГИМ. Синодальное собр. № 287. Л. 423–424 об. Польский источник был установлен В. Н. Перетцем (*Перетц В. Н.* Историко-литературные исследования и материалы. Т. 1: Из истории русской поэзии. СПб., 1900. С. 131–150), а польские издания XVII в., по которым был сделан перевод, обнаружил Я. Сокольский (*Sokolski J.* Polski pierwowzór «Pieśni o prieliesti mira» Symeona Połockiego // *Slavica Wratislaviensia*. Wrocław, 1992. Т. 69. С. 3–12). Отметим, что В. Н. Перетц изучал перевод по рукописному песеннику и не знал, что перевод принадлежит Симеону Полоцкому, а Я. Сокольскому остались неизвестны результаты разысканий В. Н. Перетца.

⁴См.: *Николаев С. И.* Стихотворение Якопоне да Тоди «О суете мира» в русских переводах XVII в. // Труды отдела древнерусской литературы. СПб., 1996. Т. 49. С. 225–227; *Поляков Ф. Б.* Иерархия языков и память культуры: польские и неолатинские элементы в поэтике Симеона Полоцкого // *Traduzione e rielaborazione nelle letterature di Polonia, Ucraina e Russia XVI–XVIII secolo*. Alessandria, 1999. P. 258–262.

⁵См.: *Илюшин А. А.* 1) С польского на славяно-русский. (К проблеме перевода «*Sargmina variorum*» Симеона Полоцкого) // Советское славяноведение. 1990. № 1. С. 94–95; 2) Ранние стихи Симеона Полоцкого (заметки переводчика с польского на церковнославянский) // *Studia polonica*: К 60-летию В. А. Хорева. М., 1992. С. 189; *Симеон Полоцкий*. Вирши / Составление, вступительная статья, подготовка текстов и комментарии В. К. Былинина, Л. У. Звонаревой. Минск, 1990. С. 410–411.

⁶См.: *Смирнов Н.* Из литературной образованности XVII столетия // ЖМНП. 1894. № 12. С. 375–401; *Гложе Н.* «Рифмотворная псалтирь» Симеона Полоцкого и ее отношение к польской Псалтири Яна Кохановского // Киевские университетские известия. 1896. № 9–10. С. 1–18; *Luźny R.* «*Psalterz gymowany*» Symeona Połockiego a «*Psalterz Dawidów*» Jana Kochanowskiego // *Slavia Orientalis*. 1966. N 1. S. 3–27.

нию: «Тоже известую, яко не подражах преводника полскаго во украшении пиитическом, ни в толковании, еже противу еврейскаго». ⁷ Это, конечно, нисколько не умаляет роли Яна Кохановского, но она сказала в другом – польский поэт вдохновил Симеона, его инспирирующая роль в начале русского псалмизма несомненна.

В комментариях к первому тому «Вертограда многоцветного» не отмечены параллели в творчестве самого Симеона Полоцкого на польском языке. Так, источник цикла из четырех стихотворений «День и ночь» не указан, ⁸ между тем известно, что ранее Симеон написал на польском языке цикл «Cztery części dnia», ⁹ а для «Вертограда» перевел его на церковнославянский язык, ср. отрывок «Полудень»:

Gdy sie w pól nieba wzbierze Phebus złoty,
Posilek bierze, spocznie od roboty
Strudzony człowiek, zwierzęta do wody
Lub w cień kwapią się, szukając ochłody.

Уже среде небесе солнце бег свой деет,
палит нивы, а скоты лучми зело греет.
Иже в сени при водах от трудов хладятся,
жнеци пищею и сном по трудех крепятся.
Так естество отчески строит, еже быти,
закон всем пишет вещем нуждный сохрани. ¹⁰

Это не единственный случай автоперевода в «Вертограде многоцветном» — можно указать также стихотворения «Стихии четыре», «Молитва в скорби сущего и клевету терпящего». ¹¹ Эти переводы выполнены достаточно свободно — автор развивает моралистическую и аллегорическую интерпретацию, меняет стилистику, следуя своему собственному правилу — «сниходя обычаю рода и страны», их можно скорее назвать свободными парафразами.

Творчество Симеона Полоцкого на польском языке представляет особый интерес для нашей темы, поскольку именно на польском

⁷ Симеон Полоцкий. Избранные сочинения. М.; Л., 1953. С. 214.

⁸ *Simeon Polockij*. Vertograd mnogocvĕtnyj. Vol. 1. P. 263–264, 349.

⁹ См.: *Luźny R.* Pisarze kręgu Akademii Kijowsko-Mohylańskiej a literatura polska. Kraków, 1966. S. 120.

¹⁰ *Simeon Polockij*. Vertograd mnogocvĕtnyj. Vol. 1. P. 264.

¹¹ См.: *Николаев С. И.* Польская поэзия в русских переводах: Вторая половина XVII — первая треть XVIII века. Л., 1989. С. 28.

языке Симеон написал свои первые произведения¹² и именно польская литературная традиция оказала решающее влияние на его становление как поэта. К сожалению, его произведения на польском языке изданы не всегда удовлетворительно, а изучены еще далеко не в полной мере.¹³ Вопрос же о возможных источниках и связях с польской поэзией по-настоящему не поставлен. Повышенный интерес исследователей вызвало только следующее двустишие Симеона Полоцкого:

Człowiek jest bombol, szkło, lód, bajka, cień, proch, siano,
Sen, punct, głos, dźwięk, wiatr, kwiat, nic, by go królem zwano.¹⁴

К этой веренице вариаций на тему *Vanitas* отыскивается параллель в поэзии польского поэта Даниэля Наборовского (1573–1640), который в стихотворении «*Krótkość żywota*» сравнил жизнь человеческую с теми же самыми символами тленности и эфемерности:

Dźwięk, cień, dym, wiatr, błysk, głos, punkt — żywot ludzki słygnie.¹⁵

Эта параллель, которую почти одновременно отметили несколько исследователей,¹⁶ безусловно, очень показательна для размыш-

¹² *Witkowski T.* From «A Forest of Things» to «A Garden of Many Flowers»: Simeon Polockij's Polish Affiliations // *Russian Literature*. 1990. Vol. 28. N 1. P. 145–154; *Marinelli L.* «Akafist Naświętszej Pannie» (1648) — pierwszy utwór Symeona Polockiego // *Ricerche Slavistiche*. 1995. Vol. 42. P. 239–280.

¹³ *Luźny R.* Pisarze kręgu Akademii Kijowsko-Mohylańskiej a literatura polska. S. 109–128, 147–149; *Симеон Полоцкий*. *Вирши*. С. 88–234 (см. рецензию П. А. Ролланда на это издание: *Slavic and East European Journal*. 1993. N 2. P. 243–245); *Broggi Bercoff G.* Plurilinguism in Eastern Slavic Culture of the 17th Century. The Case of Simeon Polockij // *Slavia*. 1995. Č. 1–2. S. 3–14; *Roksolański Parnas*. *Polskojęzyczna poezja ukraińska od końca XVI do początku XVIII wieku*. Część II. *Antologia / Wybrał i opracował R. Radyszewski*. Kraków, 1998. S. 231–245.

¹⁴ *Luźny R.* *Pisarze kręgu Akademii Kijowsko-Mohylańskiej a literatura polska*. S. 125.

¹⁵ *Poeci polscy od średniowiecza do baroku / Opr. K. Żukowska*. Warszawa, 1977. S. 354.

¹⁶ См.: *Helikon sarmacki. Wątki i tematy polskiej poezji barokowej / Wybór i wstęp A. Vincenz*, opr. M. Malicki, Wrocław 1989. (BN I, 259). S. 284, 285, 290, 291; *Симеон Полоцкий*. *Вирши*. С. 193, 413; *Witkowski T.* From «A Forest of Things» to «A Garden of Many Flowers». P. 149; *Pelc J.* *Barok — epoka przeciwieństw*. Warszawa, 1993. S. 125; *Marino G.* — *Anonim*. *Adon / Opr. L. Marinelli, K. Mrowciewicz*. Roma; Warszawa, 1993. T. 2. S. 16; *Маркасова Е. В.* К вопросу о соотношениях древнерусской литературной традиции и поэтики польского барокко в виршах Симеона Полоцкого // *ТОДРЛ*. СПб., 1997. Т. 50. С. 145–147.

лений о поэтике Симеона Полоцкого, однако предположение о непосредственном знакомстве Симеона с неизданным тогда стихотворением Наборовского вряд ли справедливо. Более вероятно допущение, что двустишие Симеона является переводом какой-нибудь распространенной в школьной среде латинской эпиграммы на популярную в эпоху барокко тему *Vanitas*, например:

Quid vita humana

Somnus, bulla, vitrum, glacies, flos, fabula, foenum,
Umbra, cinis, punctum, vox, sonus, aura, nihil.¹⁷

Как видно из сравнения текстов, у анонимной латинской эпиграммы больше оснований считаться источником двустишия Симеона, чем у стихотворения Даниэля Наборовского. Однако осторожнее будет назвать приведенную латинскую эпиграмму гипотетическим, хотя и вполне вероятным источником. Но одно из стихотворений Симеона все же можно проанализировать с точки зрения его работы с выявленным польским образцом. Речь пойдет о стихотворении «*Czasu odmiana i różność*» («Переменчивость и разнообразие времени»). Оно уже было дважды опубликовано,¹⁸ однако мы печатаем его в своей рецензии с уточнением ряда чтений по рукописи,¹⁹ уточнением пунктуации и введением прописных букв для персонифицированных отвлеченных понятий.

CZASU ODMIANA I RÓŻNOŚĆ

Okrągłe niebo do koła się toczy,
Czas dniem i nocą skrzydlat z temi kroczy.
Wiatr, Ogień, Ziemia tu na wozie z Wodą,
Wzwyż cztery wiatry świat w odmianę wiodą.
Bogactwo z córą Pychą tryumfuje,
Lupiestwo, Zdradę, Chytróść forytuje
By konie jakie, Lichwa po prawicy,
Weny z wydaniem biegą po lewicy.
Próżna zaś Rozkosz z Weselem pozadzie
Za pysznym wozem stopy swoje kładzie.

¹⁷ Trembecki J. T. *Wiryardz poetycki* / Wyd. A. Brückner. Lwów, 1910. T. 1. S. 107.

¹⁸ Симеон Полоцкий. *Вирши*. С. 174–175; Roksolański *Parnas*. S. 241–242. В книге «Вирши» это стихотворение (помимо многочисленных ошибок в передаче текста) механически объединено с другим стихотворением Симеона.

¹⁹ ГИМ. Синодальное собр. № 731. Л. 152–153.

Pycha na wozie z Zajzdrością, złą córą,
 Konie — Ciekawość, Upór — ciągną którą.
 Wzgarda powozi, Chępliwość przy boku,
 Śmiech, Nieposlušność z lewej idą w kroku.
 Z Zajzdrością Wojna, z której urodzona,
 Na wóz Nieprawdy wspaniały wsadzona,
 Szczypaniem sławy, Potwarzą się wozi,
 Którym Nienawiść biczem woźnic grozi.
 Zła Turbatio, niepokój rokoszy
 Pilnują Niechęć, Rozgon konie płoszy.
 Wojna na wozie niecnej Pomsty siedzi,
 W którejże u nóg źle Pokora biedzi;
 Zguba, Pustota wóz ten pociągają,
 Gniew za woźnicę, z ognia bicze mają.
 Bluźnierstwo, Swary i Głód oplakany —
 Obok, a pozad — mnogi plon zabrany.
 Ubóstwo wozem Niedostatku z córą,
 Chromym i Słabym, wlecze się Pokorą.
 Gniusność pogania, Słabość tu przodkuje,
 Cierpliwość osi z Niewolą pilnuje.
 Pokora na wóz cierpień wysadzona,
 U nóg jej Pokój — córa z niej spłodzona;
 Cichość, Stateczność ciągną wmiasto koni,
 Bojaźń kieruje i postrachem goni.
 Wiara, Nadzieja i Miłość przy boku
 Nie odstępują od jej wozu kroku.
 Pokój z dostatkiem jedynomyślności
 Użyły za wóz, woźnicę — miłości.
 Za asystenty Prawdę, Pilność mają
 I Sprawiedliwość, które przy nich stają.
 Para tu cudnych koni usługuje:
 Zgoda, Pożytek — któż ich nie lubuje?
 A gdy już przydzie ostatni dzień świata,
 Tam złym i dobrym odda się zapłata.
 Pyszni, bogacze, zazdrosny, wojenny
 Pójdą do wiecznej na zgubę gehenny,
 Ubóstwo zasie, Pokój i Pokora —
 Na wieczną rozkosz do rajskiego dwora.

Р. Лужный, впервые опубликовавший шесть строк этого стихотворения, не зря выделил его среди иных поэтических аллего-

рий Симеона Полоцкого.²⁰ В действительности это не оригинальное стихотворение, а парафраза эмблематического цикла из сборника элегий «Ротулы к своим сыновьям» Миколая Кохановского (ок. 1533–1582), младшего брата великого польского поэта.²¹ Посмертно вышедший сборник, единственное его оригинальное произведение, был переиздан в 1611 г. и затем несколько раз перепечатывался вместе с собранием сочинений старшего брата «Jan Kochanowski» (1617, 1629, 1639), а иногда их стихотворения вместе попадали и в рукописные сборники.²² В состав «Ротул» вошли и два цикла подписей к изображению человеческой жизни: «Pod obrazy konterfetu żywota ludzkiego» и «Na drugie obrazy». Второй цикл из девяти стихотворений («Świat», «Pokój», «Bogactwo», «Pycha», «Zazdrość», «Wojna», «Ubóstwo», «Pokoja», «Sąd»)²³ и послужил образцом для переладки Симеона Полоцкого.

Приведем для сравнения только два стихотворения из цикла Миколая Кохановского и их обработку Симеоном:

Миколай Кохановский	Симеон Полоцкий
Bogactwo	
Bogactwo jedzie sobie na wozie wysokiem, Córka jej Pycha siedzi przed nią z bystrym okiem;	Bogactwo z córą Pychą tryumfuje, Lupiestwo, Zdradę, Chytróść forytuje By konie jakie, Lichwa po prawicy, Weny z wydaniem biegą po lewicy.
Fortel woźnica, Chytróść i Drapiestwo konie,	Próżna zaś Rozkosz z Weselem pozadzie Za pysznym wozem stopy swoje kładzie.
A Lichwa pani stara z workami na lonie; Próżne Wesele idzie, Wszeteczności Zdrada Przy wozie i obłudnych Roskoszy gromada.	

²⁰ *Luźny R. Pisarze kręgu Akademii Kijowsko-Mohylańskiej a literatura polska.* S. 122.

²¹ Ротулы Миколая Кохановского до сыновъ свых, które małżonka jego, Katarzyna z Jasińca Kochanowska, po śmierci wydała, roku Pańskiego 1584. Kraków, 1585.

²² См.: *Korzeniowski J. Zapiski z rękopisów Cesarskiej Biblioteki Publicznej w Petersburgu i innych bibliotek petersburskich.* Kraków, 1910. S. 264.

²³ См.: *Kochanowski M. Rotuły.* Kraków, 1611. S. 17–20. См. новейшее комментированное издание: *Kochanowski M. Rotuły do synów swych /* Wydał A. Karpiński. Warszawa, 1997. S. 33–41, 59–63. — Об этих эмблематических стихах Кохановского см.: *Pelc J. Obraz-słowo-znak. Studium o emblematach w literaturze staropolskiej.* Wrocław, 1973. S. 140; *Goliński J. K. Peccata capitalia. Ze staropolskich dziejów motywu //* Pamiętnik Literacki. 2002. Z. 3. S. 80–82. Ср. иную трактовку тех же аллегорий в одной из песен Яна Кохановского: *Kochanowski J. Pieśni /* Opr. L. Szczerbicka-Ślęk. Wrocław, 1970. S. 114–117.

Pokora

Miła Pokora jedzie a Pokój piastuje,
Woznica Bojażn wozi, ze wszech stron pilnuje;
W wozie idzie Laskawość i Powolność cicha,
Przy wozie Wiara, Miłość i Nadzieja wzdycha.

Pokora na wóz cierpień wysadzona,
U nóg jej Pokój — córka z niej splodzona;
Cichość, Stateczność ciągną wmiasto koni,
Bojażn kieruje i postrachem goni.
Wiara, Nadzieja i Miłość przy boku
Nie odstępują od jej wozu kroku.

Как Симеон Полоцкий обработал стихи Кохановского? В первых, он снял названия отдельных стихотворений, объединил их в одно и дал свое название. Во-вторых, силлабический 13-тисложник образца заменил на 11-тисложник. В-третьих, шестистишия Кохановского (его цикл состоит из пяти шестистиший и четырех четверостиший) Симеон может передавать как шестистишием (два раза), так и четверостишием (три раза), а все четверостишия изложены шестистишиями. Один раз нарушен порядок следования стихотворений Кохановского: парафраза второго по счету стихотворения «Рокój» у Симеона заняла предпоследнее место. В своей парафразе Симеон сохраняет часть лексики образца, в первую очередь наименования абстрактных понятий, остальные отклонения вызваны, вероятно, требованиями избранного стихотворного размера. В парафразе Симеона Полоцкого не чувствуется присущего поэтическим парафразам XVI–XVII в. соревновательного духа (*aemulatio*), она, скорее, производит впечатление учебного упражнения, наподобие тех, которые практиковались во время занятий в классе поэтики для овладения поэтическим мастерством и стилем.²⁴

Проанализированная парафраза Симеона Полоцкого позволяет по-новому взглянуть на другое его стихотворение — «Odmiany wszech rzeczy ludzkich»:

Czas dzień i z nocą kolem zawsze chodzą,
Sławie, bogactwom i wszem rzeczom szkodzą.
Matką jest Pychy Bogactwo światowe,
Kto im nie władnie przez rozsądki zdrowe?
Z Głupstwem zmieszana Pycha Zazdrość rodzi,
Pożytek cudzy takowemu szkodzi.
Serdcogryząca Zajzdrość szczęśliwości,

²⁴См.: Словник литературы старопольской: (Średniowiecze. Renesans. Barok). Wrocław, 1990. S. 537–538.

Swar, wojnę, gniewy rodzi i wsze złości.
Wojny są cory, ogień, szarpanina,
Nędza, Ubóstwo, w głodzie żebranina.
Ubóstwo matką pokornej Cichości:
Ufność wydarszy, uczy Cierpliwości.
Cichość pokorna zawsze Pokój daje.
Odpłosza Zazdrość i waśniwe zgraje.
Żądany Pokój w naukach ćwiczenie
Światowi daje i dostatków mienie.²⁵

Приведенное стихотворение также является парафразой того же самого эмблематического цикла Кохановского, но уже не оригинала, а парафразы самого Симеона (ср. первые стихи обоих стихотворений). Это подтверждается и тем, что понятие Pokój тоже перенесено в заключительную часть стихотворения. Вторая парафраза в три раза меньше первой (в ней 16 строк) — это краткое и достаточно емкое изложение извечной борьбы грехов и добродетелей в мире.

Симеон Полоцкий нигде не упомянул Миколая Кохановского. Единственный, кажется, раз во всем его творчестве имя другого поэта названо им в самом первом произведении — в «Akafście Naświętszej Pannie» (1648) он процитировал два стиха из 143 псалма с пометой «według Kochanowskiego».²⁶ Даже в предисловии к «Псалтыри рифмотворной», говоря о Яне Кохановском, он называет его только «преводником полским», что, кстати, не помешало литературным недоброжелателям Симеона в Москве тут же догадаться, о ком идет речь — известность польского поэта была слишком велика.²⁷

Приведенные ранее примеры позволяют предположить, что в своей поэтической практике как на польском, так и на церковнославянском языке Симеон Полоцкий при работе с чужим текстом отверг перевод и выбрал парафразу, т.е. отдал предпочтение не столько *verbum*, сколько *res*. О таком обращении с чужим текстом Феофан Прокопович писал в своих лекциях по поэтике (1705),

²⁵ Стихотворение печатается по книге «Roksolański Parnas» (s. 230–231) с отдельными исправлениями орфографии и пунктуации по рукописи: ГИМ. Синопальное собр. № 731. Л. 151 об.

²⁶ См.: *Marinelli L.* «Akafist Naświętszej Pannie» (1648) — pierwszy utwór Symeona Połockiego. S. 248.

²⁷ См.: Остен. Памятник русской духовной письменности XVII в. Казань, 1865. С. 137.

что это упражнение «состоит в том, чтобы передать произведение какого-нибудь писателя другим размером, — или на другом языке, или выразить более подробно то, что у него дано кратко или — наоборот, или же, наконец, прозаическую речь другого переложить в стихи. Это упражнение полезно не только для выработки стиля, но также и для такого способа подражания, посредством которого можно выдать за свои переживания другого писателя. Ведь таким образом нелегко обнаружить подражателя, а если он и будет обнаружен, то вовсе не станут порицать и считать, что он живет похищенным».²⁸

Свой творческий метод сам Симеон Полоцкий сформулировал в предисловии к «Вертограду многоцветному» следующим образом: «Тем же аз, многогрешный раб Божий, Его божественною благодатию сподобивыйся странных идиомат пребогатоцветныя вертограды видети, посетити и тех пресладостными и душеполезными цветы услаждения душеживителнаго вкусити, тцание положих многое и труд немалый, да и в домашний ми язык славенский, яко во оплот или ограждение Церкви Российской, отгуду пресаждение кореней и пренесение семен богодухновенноцветородных содею».²⁹ Метафора «переводчик-садовник» не была изобретением Симеона. Вацлав Потоцкий, современник Симеона Полоцкого, применил ту же метафору, когда писал о польских переводчиках (в том числе о Кохановских):

Z włoskich, francuskich tekstów, abo więc z łaciny
Przesadzają owoce w ojczyznie dziardyny.³⁰

Таким образом, теоретические размышления Симеона Полоцкого вполне соответствовали тенденциям европейской переводческой мысли. Однако Симеон выбрал не перевод, а парафразу и обрабатывал не лучшие достижения польской поэзии, а произведения второстепенных авторов. Именно этим можно объяснить его интерес к такому в общем-то малозначительному автору, как Миколай Кохановский. Примечательно, что история восприятия Миколая Кохановского в России не ограничивается парафразой Симеона Полоцкого. Р. Лужный отметил в свое время, что в рукописном учебнике поэтики Нектария Трояновского (1724 г.) встречается схожее сти-

²⁸ *Феофан Прокопович*. Сочинения. М.; Л., 1961. С. 353–354.

²⁹ *Simeon Polockij*. *Vertograd mnogocvėtnyj*. Vol. 1. P. 4.

³⁰ *Potocki W.* *Dziela*. Warszawa, 1987. T. 3. S. 218.

хотворение на польском языке (без указания авторства).³¹ П. Левин посчитала его реминисценцией стихотворения Симеона Полоцкого «Czasu odmiana i góźność» и, соответственно, русские переводы середины XVIII в. отрывков из стихотворения Кохановского ошибочно назвала переводами реминисценций творчества Симеона Полоцкого на польском языке.³² Между тем речь идет все о том же стихотворении Миколая Кохановского. Приводим тексты русских переводов по рукописи поэтиски московской Славяно-греко-латинской академии 1748 г. «Phoebus poeticus».³³

Ubóstwo

Nieszczęśliwe Ubóstwo w pułkoszkach się wlecze,
Strętwienie wóz powożąc srodze konie siecze,
Jednego Chorym zową a Słabym drugiego,
Cierpliwość podle woza idzie ubogiego;
I niewola łańcuchem i pętem ściśniona,
I człowieczej natury Podłość przyrodzona.

Скудное Убожество в телеге влечется,
От алчбы, зноя, мраза знемогши трясется.
Нужда, седши на коня, стена, погоняет,
От жажды позы сечет, зело уязвляет.
Неволя, скованная скорбми наготовою,
Стоит, милости просит:³⁴ «Дай за нищетою!»
Вопль, Горесть, Беда, Болезнь, Печаль присутствуют,
Источивая гладом, на ю ж негодуют.
В натуре человек свар древле начася
У Нищеты³⁵ с Фортуной и не окончася.

Pycha

Na złotym wozie jedzie Pycha urodziwa,
Przed nią córka jej siedzi Zazdrość nieżycziwa;

³¹ *Luźny R.* Pisarze kręgu Akademii Kijowsko-Mohylańskiej a literatura polska. S.122.

³² *Lewin P.* Wykłady poetyki w uczelniach rosyjskich XVIII w. (1722–1774) a tradycje polskie. Wrocław, 1972. S. 155, 183.

³³ Тексты опубликованы: *Ibid.* S. 183. Приводим их с исправлением ряда чтений по рукописи: РНБ. Разнояз. Q. XIV. 67. Л. 39 об. Второй список этой же поэтиски: РНБ. Разнояз. Q. XIV. 66. Л. 71 об.–72. В этих рукописях читается только русский перевод отрывков. П. Левин сопоставляла их с польским текстом по рукописи упомянутой поэтиски 1724 г.

³⁴ *Испр., в ркп.:* простит.

³⁵ *Испр., в ркп.:* Нищет.

Wzgarda konie pogania, Uporem jednego,
A drugiego Skrzętnością zową naręcznego;
Harde Nieposłuszeństwo podle woza kroczy,
Chelpliwość z Pośmiewaniem patrzą sobie w oczy.

На колеснице грядет Гордость пресвирепа,
Пред ней сидит Зависть — дщерь ея пелепа.
Презор, Высокоумство копя³⁶ горе правит,
Гнев, Клевета, Убивство, Ненависть злославит.
Татба, Чревобесие, Кичение, Слава,
Упрямость, Любодейство и Лихва неправа,
Обида, Лесть, Неправда возблюдут жестоко,
Правосудия на ню зрит с небеси око.

Оба перевода в московской поэтике являются в значительной степени и парафразами в самом прямом значении, в которых сознательно развивается мысль оригинала. Надо полагать, Миколай Кохановский долгое время считался одним из наиболее подходящих авторов для школьного обучения, не очень сложным и в меру дидактичным, недаром приведенная «Руча» в начале XIX в. была включена в хрестоматию образцовых стихотворений для польского юношества.³⁷

В творчестве Симеона Полоцкого на польском языке заметна общая ориентация на устоявшийся канон школьных авторов. Именно поэтому он обрабатывал расхожие и узнаваемые мотивы. Приведем некоторые параллели. Так, стихотворение «Trudno wszystkim wugodzić» написано на распространенный басенный сюжет о старике, мальчике и осле — в польской поэзии этот сюжет был обработан М. Блажевским;³⁸ к циклу из четырех стихотворений «4 świata wieki» находим параллель у Веспасиана Коховского;³⁹ к стихотворению «Widok żywota ludzkiego» отыскивается параллель у Яна Кохановского — «Na XII tablic ludzkiego żywota»⁴⁰ и т. д. Сличение

³⁶ *Испр.*, в ркн.: коним.

³⁷ См.: *Wybór różnych gatunków poezyi z rymopisów polskich dla użytku młodzieży*. Warszawa, 1811. Cz. 1. S. 72.

³⁸ См.: *Błażewski M. Setnik przypowieści uciesznych*. 1608. Kraków, 1897 S. 3–5.

³⁹ См.: *Kochowski W. Utwory poetyckie*. Wybór. Wrocław, 1991. S. 279–280.

⁴⁰ См.: *Kochanowski J. Dzieła*. Warszawa, 1976. T. 2. S. 44–45. Обширные материалы на эту тему см.: *Шляпкин И. А. Возрасты человеческой жизни: (Из литературной истории человеческих понятий)*. СПб., 1909; *Шевченко С. Ф. Заметка о «Возрастах человеческой жизни»* // ИОРЯС. 1911. Кн. 4. С. 30–36;

текстов показывает, что это лишь совпадение ходячих мотивов и тем, а не возможные источники Симеона. Его поэтическое творчество на польском языке вполне вписывается в картину польского барокко.⁴¹ Однако при переработке своих стихотворений с польского на церковнославянский Симеон, как видно из приведенных сопоставлений, очищал текст от античных имен и реалий (напр.: Phebus — солнце), менял стилистику и развивал дидактическую интерпретацию разрабатываемого сюжета. В результате текст на церковнославянском становился свободной парафразой, в которой уже нелегко увидеть оригинал.

Примечательно, что Симеон Полоцкий, который превосходно знал польскую поэзию вообще и творчество всех Кохановских в частности,⁴² вполне обдуманно выбрал для парафразы произведение не Яна Кохановского или его племянника Петра, знаменитого переводчика Тассо, а брата первого и отца второго — Миколая, чей вклад в польскую поэзию был неизмеримо скромнее. Однако для «пресаждения корней и пренесения семян богодухновенноцветородных» в «домашний... язык славенский» именно такая поэзия и представлялась Симеону наиболее отвечающей его замыслам, а свободная парафраза — наиболее адекватным методом воплощения замысла. Это дает основания полагать, что дальнейшие поиски источников отдельных стихотворений «Вертограда многоцветного» могут быть плодотворны как раз среди польских поэтов второго и третьего ряда.

Thomson F. J. The Ages of Man in Slavonic translated and original Literature down to the Time of Peter the Great // Slavica Gandensia. 2000. Vol. 27. P. 247–277.

⁴¹См.: *Radyszewskij R.* Polskojęzyczna poezja ukraińska od końca XVI do początku XVIII wieku. Część I. Monografia. Kraków, 1996. S. 202–204.

⁴²См.: *Николаев С. И.* Польская поэзия в русских библиотеках XVII — первой трети XVIII в. и ее читатели // Русская литература XVIII — начала XIX в. в общественно-культурном контексте. Л., 1983. С. 173–179. (XVIII век. Сб. 14).

СЛОВАРЬ ГРИГОРИЯ КНАПСКОГО В РОССИИ (Библиографические разыскания)

Имя польского лексикографа Григория Кнапского (1564–1639) в истории русской переводной лексикографии никак не отмечено,¹ между тем бытование его словарей в России любопытно не только для истории техники лексикографической работы, но и для истории польско-русских литературных связей в целом.

Хотя перу Г. Кнапского принадлежат и другие литературные труды (три трагедии на латыни), в историю польской филологии он вошел прежде всего как автор вышедшего в трех томах словаря «*Thesaurus polono-latino-graecus*»: в 1621 г. вышел первый том, содержащий польско-латинский словарь, в 1626 — второй, латинско-польский, а в 1632 — третий том, в котором Кнапский собрал польские пословицы («*Adagia polonica selecta*»). Вплоть до начала XIX в., т. е. до выхода «Словаря польского языка» С. Б. Линде, словарь Кнапского оставался лучшим словарем польского языка. Он выдержал множество переизданий, так, до 1793 г. польско-латинская часть выдержала 35 изданий, латинско-польская — 15 изданий до 1780 г., а сокращенное издание сборника пословиц («*Idiotismi polonici*») — 19 изданий до 1766 г.² С середины XVII в. стали появляться сокращенные и переработанные издания словаря, он прочно вошел в школьную практику и стал незаменимым пособием как при обучении польскому языку, так и при переводе с латинского на польский. Именно из польских училищ он попал в

¹См.: *Цейтлин Р. М.* Краткий очерк истории русской лексикографии. М., 1958. С. 15–17; *Якимович Ю. К.* Очерки истории переводной лексикографии в России // Переводная и учебная лексикография. М., 1979. С. 149–175.

²См.: *Bibliografia literatury polskiej «Nowy Korbut»*: Piśmiennictwo staropolskie. Warszawa, 1964. Т. 2. S. 328–329.

Киево-Могилянскую коллегию, а уже ее выученики привезли словарь Кнапского в Москву. Словарь даже специально доставлялся в Россию для продажи, так, в конце XVII в., по данным таможенных книг 1693–1694 гг., «киевский житель» Григорий Прокофьев привез в Москву из Киева на продажу довольно много книг, в том числе 2 книги «латынские Кнапеуши».³

В редкой библиотеке русских гуманитариев второй половины XVII — первой трети XVIII в. не было томов словаря польского лексикографа. В описи библиотеки Симеона Полоцкого — Сильвестра Медведева значатся «Книга Кнапиуш, на два языка», «Книга Адагия, на трех языках», «Книга Кнапия, том второй», «Книга Лексикон Григория Кнапи, латинская», «Книга Лексикон Григория Кнапи, полонолатинская».⁴ Словарь был также в библиотеках митрополита сарского и подонского Павла («Книга Синонима полонолатинская, стара, неполна, 2 алтына, <...> Книга Кнапиуш, полская»)⁵ Евфимия Чудовского («К<нига> печатная, Лексикон польско-латино-гречкой Григориа Кнапия том 1-й, в досках <...> Того ж Григориа Кнапия том 2-й в полдесть латино-полский Кнапеуш»)⁶ Дмитрия Ростовского («Кнапеуш. Другий Кнапеуш»)⁷ Федора Поликарпова («Кнапиуш латинополский»)⁸ Феофана Прокоповича («Георгий Кнапии Тезаврус полоно-лятино-грекус»)⁹ Гавриила Бужинского («Сокровище языка польскаго и греческаго Григория Кнапия», «Григория Кнапия том второй»)¹⁰ Феофилакта Лоп-

³ См.: Кафенгауз Б. Б. Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII в. (По материалам внутренних таможен). М., 1958. С. 291, примеч.

⁴ Временник ОИДР. М., 1863. Кн. 16. Отд. 3. С. 58, 59. Здесь и далее данные описей или записей на книгах цитируются без исправлений, ошибки и описки не оговариваются.

⁵ Там же. 1850. Кн. 5. Отд. 3. С. 66, 69.

⁶ Летописи русской литературы и древностей. М., 1863. Кн. 5. Отд. 3. С. 52. Евфимий делал и выписки из словаря, например: «О техжде днеш (седмицы. — С. Н.) из Лексикона великаго Григориа Кнапия» (ГИМ. Синодальное собр. № 473. Л. 27 об.). См.: Strakhov O. V. The Byzantine Culture in Muscovite Rus'. The Case of Evfimii Chudovskii (1620–1705). Köln; Weimar, 1998. P. 144.

⁷ Шляпкин И. А. Св. Дмитрий Ростовский и его время (1651–1709). СПб., 1891. Приложения. С. 58.

⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 3. № 1217. Л. 68.

⁹ Верховский П. В. Учреждение Духовной коллегии и Духовный регламент: Материалы. Т. 2. Ростов-на-Дону, 1916. С. 43. Ср.: Феофан Прокопович. Философські твори. Т. 3. Київ, 1981. С. 378.

¹⁰ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Синода. Т. 11. СПб., 1903. Стб. 833, 834.

тинского («Тезавр полский латинский греческий»),¹¹ Лаврентия Горки («Сокровище или подобоимения Георгия Кнапия»),¹² игумена Варфоломея Филевского (все три тома).¹³

Словарь был распространен и у людей со светским образованием: у А. А. Виниуса был том с пословицами («Adagiogum polonicorum. Tom 3. Srasoviae 1632»),¹⁴ у А. А. Матвеева все три тома,¹⁵ у В. Н. Татищева — второй том («Спаниі Thesaurus latino-polonicus, tom 2. Srasau, 1648»),¹⁶ у Я. В. Брюса (Познань, 1698),¹⁷ кн. И. Щербатова (Познань, 1698)¹⁸ и у А. П. Волинского — по одному тому («Лексикон на польском и латинском»).¹⁹ Вероятно, благодаря Татищеву в библиотеку екатеринбургской горной школы попал словарь Кнапского, который значится в ее описи 1788 г. («Кнапии Лексикон на полском, латинском, греческом языках»).²⁰ Надо отметить, что словарь Кнапского попадал в Россию не только через Украину. Так, одним из первых его читателей в России был Юрий Крижанич, который прибегал к нему не только как лингвистическому, но и энциклопедическому труду.²¹

¹¹РГИА. Ф. 796. Оп. 20. № 576. Л. 143 об.

¹²Там же. Л. 92 об. Ср.: *Мосин А. Г.* Библиотека Лаврентия Горки. Материалы для реконструкции. Екатеринбург, 1997. С. 32, 41, 47, 53.

¹³См.: РГИА. Ф. 796. Оп. 20. № 576. Л. 189.

¹⁴ПФА РАН. Ф. 158. Оп. 1. № 212. Л. 6. Экземпляр сохранился — БАН, шифр: ХХІХ/6. 21861; записи: «Книга Андрея Виниуса цена 2 рубли с полтиною», «Кнапиуш на 3 языках», «Книга Андрея Виниуса».

¹⁵См.: Библиотека А. А. Матвеева. (1666–1728): Каталог. М., 1985. С. 116–117 (№ 502–504).

¹⁶*Астраханский В. С.* Каталог екатеринбургской библиотеки В. Н. Татищева 1737 г. // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник 1980. М., 1981. С. 33.

¹⁷БАН. ХХІХ/6 8093. На экземпляре есть экслибрис Я. В. Брюса, однако он не учтен в кн.: Библиотека Я. В. Брюса. Каталог / Сост. Е. А. Савельева. Л., 1989.

¹⁸РНБ. Шифр: 7. 9. 12. 69; запись на внутренней крышке переплета: «Ex libris principis Joannis Szczerbatow». Вероятно, книга принадлежала дипломату кн. Ивану Андреевичу Щербатову (1696–1761).

¹⁹*Луцков С. П.* Библиотека Артемия Волинского // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1978. Л., 1979. С. 125.

²⁰*Ситников Л. А.* Западноевропейская книга в Сибири во второй половине XVIII в. // Книга в Сибири XVII — начала XX вв. Новосибирск, 1980. Приложение 1. № 159 (таблицы без пагинации после с. 98).

²¹См.: *Юрий Крижанич.* Политика. М., 1965. С. 397, 446, 448, 707, 711 и др.; *Liżny R.* Autorzy polscy XVI i XVII wieku w kręgu lektury Juraja Kriżanicia // Sprawozdania z prac naukowych Wydziału I PAN. Warszawa, 1969. Z. 1. S. 21–22.

Безусловно, сохранившийся экземпляр говорит много больше библиографической записи. Так, на принадлежавшем Феофилакту Лопатинскому польско-латинском томе (Краков, 1621 — БАН, № 1172л), кроме польской владельческой записи 1626 г. и записи «*Ex cathedrali bibliotheca episcopi Tferensis*», на титульном листе видна выцветшая запись «Зенов. Иванов», а на первых листах книги две записи-скрепы: «Лета 7207 [1698] ноября в день сия книга богоспасаемого града Танбова дому боголепного Преображения Господня преосвященного Игнатия епископа танбовского домовая казенная»; «Та ксенга Семена Корсака дарована Василью Азанчеву». На последней странице — дата славянскими буквами «Лета 7172 [1664]-го», т. е. книга находилась в России с 1660-х годов и сменила нескольких владельцев, прежде чем попала к Феофилакту Лопатинскому. Ему же принадлежало еще два экземпляра: сокращенная переработка «*Synonyma seu Dictionarium polono-latinum...*» (Калиш, 1698 — БАН, № 38л) с записью «*Ex cathedrali bibliotheca episcopi Tferensis*» и записью-скрепой на первых листах «Сия книга глаголемая синонема Иоанна Соколовскаго харковской академии, а купил за десять алтын»; латинско-польский том (Краков, 1693 — БАН, № 763л) с пометой «*Ex cathedrali bibliotheca Tferensis episcopi*».

Два тома латинско-польского словаря попали на русский Север. Оба принадлежали Афанасию Холмогорскому. Один из них (Краков, 1691 — БАН, шифр: 14799о/27168q) до Афанасия принадлежал студенту московской Славяно-греко-латинской академии, а второй (Познань, 1698 — БАН, 9743q/2727r) — будущему деятелю духовного просвещения в Иркутске Иннокентию Кульчицкому (запись: «*Ex libris Inocentij Kolczycki manu pgorgia*»).

Обилие словарей Кнапского, особенно латинско-польского тома, в русских библиотеках рубежа XVII–XVIII вв. объясняется просто. И для обучения латыни в новосозданных учебных заведениях, и для многочисленных переводов с латыни словарь был необходим, и при отсутствии общеупотребительного латинско-русского словаря его роль с успехом выполнял словарь Кнапского, тем более что для большей части русских гуманитариев польский язык был языком культурного обихода. О популярности словаря говорит и то обстоятельство, что в описях библиотек он зачастую именуется просто «Кнапиуш», а это вовсе не первое слово на титульном листе (таким же понятным сокращением названия словаря до

имени составителя во второй половине XVIII в. станет «Целлярый».²²

Арсений Могилянский, впоследствии известный придворный проповедник императрицы Елизаветы Петровны, будучи учителем Тверской семинарии, в 1740 г. рекомендовал своим ученикам словарь Кнапского для лучшего изучения латыни;²³ а преподаватель поэтики ярославской семинарии в 1757 г., рассуждая о необходимости большого запаса слов для амплификации, советовал накапливать его «частым и прилежным чтением Кнапского, его словаря, который у тебя в руках».²⁴

Феофан Прокопович, как известно, весьма критически относился к польскому ораторскому искусству, в частности к макароническому языку польских проповедей, насыщенных отдельными латинскими словами и выражениями. Язык этих проповедей, по мнению Феофана, нельзя назвать ни польским, ни латинским. В подтверждение своего мнения о языковом пуризме Феофан сочувственно цитирует предисловие «ученейшего мужа» Кнапского к первому тому словаря, в котором польский лексикограф обрушивается на макаронические речи своих земляков, которых «не смог бы понять ни поляк, ни латинянин».²⁵

К словарю Кнапского обращался и такой тонкий филолог, как Тредиаковский. Рассматривая, например, в «Трех рассуждениях о трех главнейших древностях российских» (1757) слово «Гиспания», он утверждал, что «оно повреждено с славенского, и есть Выспания, как-будто полуостровная. Речь Выспа на славенопольском значит полуостров, кой с трех сторон окружен водами, а с четвертая соединен с твердою землею. Однако, значит сие слово и целый остров».²⁶ К слову «выспа» Тредиаковский дал отсылку на «Сокровищницу» «иезуита Кнапия», однако ни здесь, ни в дру-

²²См.: Keipert H. Cellarius in Russland // Russian Linguistics. 1987. Vol. 11. P. 297–317.

²³См.: Колосов В. И. История Тверской духовной семинарии. Тверь, 1889. С. 50.

²⁴Цит. по: Lewin P. Wykłady poetyki w uczelniach rosyjskich XVIII w. (1722–1774) a tradycje polskie. Wrocław, 1972. S. 155.

²⁵См.: Feofan Prokopowic. De arte rhetorica libri X. Kijoviae 1706 / Hrsg. von R. Lachmann. Köln; Wien, 1982. S. 209–210; Феофан Прокопович. Філософські твори. Київ, 1979. Т. 1. С. 245–246. Ср.: Luźny R. Teofan Prokopowicz a literatura polska // Slavia Orientalis. 1965. N 3. S. 342–344.

²⁶Тредиаковский В. К. Сочинения. СПб., 1849. Т. 3. С. 357.

гих случаях словарь Кнапского, конечно же, не давал поводов для подобных фантастических этимологий.²⁷

Довольно рано словарь Кнапского стал одним из источников собственно восточнославянской лексикографии. Первый фундаментальный латинско-славянский словарь был составлен Епифанием Славинецким в 1642 г.: «Лексикон латинский з Калепина преложенный на славенский лета от создания мира 7150».²⁸ Подыскивая славянские соответствия для латинских слов из словаря знаменитого итальянского лексикографа эпохи Возрождения Авмросия Калепино (1435–1511), Епифаний в сложных случаях (особенно для ботанической и зоологической номенклатуры) находил нужное слово в латинско-польском словаре Кнапского и переводил польское толкование на славянский.²⁹ В 1650 г., уже после переезда в Москву, Епифаний вместе с Арсением Корецким-Сатановским составил новую редакцию словаря, а вместе они подготовили «Лексикон словенолатинский, трудолюбием иноков Арсения и Епифания в богоспасаемом граде Москве составлен». Основу церковнославянского словника составители заимствовали из «Лексикона» П. Берынды, но использовали также и словарь Кнапского, его польско-латинскую часть: для польского слова подыскивалось «словенское» соответствие и добавлялось латинское слово из Кнапского.³⁰ В 1659 г. на основе этого словаря П. Т. Семенников (именно он в 1649 г. привез из Киева Епифания и других «киевских старцев») попытался составить славяно-латинско-польский словарь, взяв польскую часть из словаря Кнапского.³¹

²⁷См.: Там же. С. 458, 515.

²⁸См.: *Погорелов В.* Латинско-славянский словарь XVII в. // Русский филологический вестник. 1904. № 1-2. С. 337–340; *Н. П.* О списках латинского словаря А. Калепина с русским переводом // Литературный вестник. 1904. Т. 8. С. 127–129; *Німчук В. В.* Староукраїнська лексикографія в її зв'язках з російською та білоруською. Київ, 1980. С. 218–246; *Birgegård U. Johan Gabriel Sparwenfeld and the Lexicon Slavonicum. His Contribution to 17th Century Slavonic Lexicography.* Uppsala, 1985. P. 105–113. См. издание словарей Епифания Славинецкого: Лексикон латинський Є. Славинецького. Лексикон словено-латинський Є. Славинецького та А. Корецького-Сатановського / Підготував до видання В. В. Німчук. Київ, 1973.

²⁹См.: *Німчук В. В.* Староукраїнська лексикографія в її зв'язках з російською та білоруською. С. 235.

³⁰См.: Там же. С. 249.

³¹См.: *Сперанский М. Н.* Один из источников «Триязычного лексикона» Федора Поликарпова — рукописный белорусско-латинско-польский словарь XVII в. // Сперанский М. Н. Из истории русско-славянских литератур-

В 1670 г. в Москве был составлен «Лексикон языков полскаго и славенскаго скорога ради изобретения и уразумения, бывающих в неведомых вещех и неискусства языков», насчитывающий более 15 тыс. слов и сохранившийся в двух списках.³² Составитель словаря Симеон Полоцкий³³ для польской части своего труда использовал первый том словаря Кнапского, сократив его и добавив отсутствующие у Кнапского польские слова. При переводе с польского на русский Симеон создавал и типичные для лексикографии той поры искусственные слова («рожденные в чернильнице»³⁴): «мускиеначальник», «ветхолатательное художество», «мылоторец» и т. п.³⁵ Возможно, один из списков этого словаря («Словарь польского и российского языков, писанный в 1688 г. В печати

ных связей. М., 1960. С. 198–210; *Kochman S. Przyczynek do dziejów leksykografii rosyjskiej. (Słownik XVII w. — Siemionnikowa) // Zeszyty naukowe wyższej szkoły pedagogicznej w Opolu: Filologia rosyjska. Т. 2. Opole, 1963. С. 121–146.* В жизни книжной Москвы Семенников до конца жизни играл заметную роль, а после его кончины в 1695 г. ему написал эпитафию Карлон Истоминон, см.: *Перетц В. Н. Московский книгочий XVII в. // Литературный вестник. 1901. Т. 1. Кн. 4. С. 430–431; Харлампович К. В. П. Т. Семенников-Зеркальников // Там же. Кн. 7. С. 221–225; Памятники литературы Древней Руси: XVII век. Кн. 3. М., 1994. С. 258.*

³²См.: РГАДА. Ф. 381. №1792; ГИМ. Чудовское собр. №366. Библиотека Московской синодальной типографии. Ч. 1: Рукописи; Вып. 2: Сборники и лексиконы / Описал В. Погорелов. М., 1899. С. 100–106; *Witkowski W. Dwa rękopismienne słowniki polsko-cerkiewno-ruskie z XVII w. // Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace językoznawcze, zeszyt 4. Kraków, 1961. С. 217–225; Дидиакин М., Стрекалова З. Н. Из истории русской лексикографии («Лексикон полонославенский» 1670 г.) // Славянское источниковедение: Сб. статей и материалов. М., 1965. С. 124–131; *Смольникова Л. Н. «Лексикон полонославенский 1670 г.» как источник по русской исторической лексикологии // Питання східнословянської лексикографії XI–XVII ст. Київ, 1979. С. 47–50; Birgegård U. Johan Gabriel Sparwenfeld and the Lexicon Slavonicum. P. 145–148; Бахтурина Р. В. Два польско-русских рукописных словаря XVII в. // История русского языка и лингвистическое источниковедение. М., 1987. С. 29–37.**

³³См.: *Перетц В. Н. Новые труды по источниковедению древнерусской литературы и палеографии. Третья серия. Пг., 1915. С. 36; Мильников А. С. Международные культурные связи России конца XVII — начала XIX в. как фактор книгораспространения // 3-я Всесоюзная научная конференция «Книга в России до середины XIX в.»: Тезисы докладов. Л., 1985. С. 6.*

³⁴См.: *Алексеев М. П. Словари иностранных языков в русском азбуковнике XVII в. Л., 1968. С. 49.*

³⁵См.: *Дидиакин М., Стрекалова З. Н. Из истории русской лексикографии. С. 131.*

не существует. В лист, № 9»)³⁶ находился в библиотеке профессора Ф. Г. Баузе.

У профессора Баузе было несколько рукописных словарей, в том числе «Словарь трех языков: латинского, славено-русского и польского. Весьма полный и с отличным тщанием писанный в половине сочиненный в Ростове в 1701 году Иваном Филиповичем», «Словарь Калепинов на латинском, российском и польском языках, писанный весьма чистым почерком в 1722 году, в печати не существует; в лист».³⁷ В другом каталоге библиотеки последний описан с важным добавлением: «... Иваном Филиповичем из Калепинова и Кнапиева, в печати не существует, в лист».³⁸ Судя по всему, речь здесь идет об одном и том же словаре, появившемся на рубеже веков (датировка первого словаря «половиной XVII века» представляется неубедительной). Действительно, ни у Калепино, ни у Кнапского русской части в словарях не было, поэтому сомнительно, чтобы идея объединить эти словари в одной последовательности могла спонтанно возникнуть приблизительно в одно время у трех разных людей.

Собрание рукописей проф. Баузе сгорело в Москве в 1812 г., однако можно предполагать, что в собрании Библиотеки Академии наук представлен именно тот тип словаря, который находился в собрании Баузе, объемистой рукописью на 778 листах рубежа XVII–XVIII вв.³⁹ Титульного листа или пояснений в рукописи нет, только сам текст словаря в три столбца: латинский, славянский и польский. Сличение показывает, что два первых столбца — копия (с незначительными разночтениями) латинско-русского словаря Епифания Славинецкого, его перевода словаря Калепино. Третий столбец — польские соответствия, взятые из словаря Кнапского. Таким образом, сведения каталога собрания профессора Баузе подтверждаются, не исключено, что справедливы и его указания о дате составления словаря (1701 г.) и его составителе Иване Филиповиче.⁴⁰ В рукописи словаря есть две записи. Одна — владельческая:

³⁶ Моисеева Г. Н. «Собрание российских древностей» профессора Баузе // ТОДРЛ. Т. 35. Л., 1980. С. 312.

³⁷ Там же. С. 312, 313.

³⁸ ЧОИДР. 1862. Кн. 2. Смесь. С. 45.

³⁹ См.: БАН. 16.15.12. Бумага 1690-х гг. (филигрань «двуглавый орел» см.: Водяные знаки рукописей России XVII в. / Сост. Т. В. Дианова, Л. М. Костюхина. М., 1980. № 1022-1695 г.).

⁴⁰ Известно, что у Димитрия Ростовского был писарь «Иван Филипьев», при-

«A. Ribeyro Sanches. St. Peterburg 1734». Эта запись расшифровывается легко: рукопись принадлежала лейб-медику А. Н. Р. Саншесу, который приобрел ее в 1734 г., через три года после приезда в Россию.⁴¹ Вторая запись — «Вокабулы Максимовича» (на верхней внутренней крышке переплета) — выводит на сцену новое действующее лицо.

Упомянутый во второй записи Максимович, несомненно, Иван Петрович Максимович, племянник митрополита Иоанна Максимовича, известного литератора Петровской эпохи. Он был приближенным к гетману И. Мазепе лицом, после бегства Мазепы оказался вместе с ним в Турции, затем был прощен Петром и с несколькими другими прощенными мазепинцами оказался в 1714 г. в Москве, где и скончался в 1732 г.⁴² За годы жизни в Москве Максимович был

бывший с ним в Москву в 1701 г., однако еще в феврале 1701 г., т. е. до отъезда в Ростов, Дмитрий отпустил писаря на Украину, см.: *Шляпкин И. А.* Св. Дмитрий Ростовский и его время. С. 280. Однако, согласно другим сведениям, Иван Филипович все-таки остался учителем в школе Дмитрия, см.: *Жигулин Е. В.* 1) Московско-ростовский театральный круг святителя Дмитрия // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1992. Сб. 4. С. 366; 2) Декламация «На Воскресение Христово» в ростовской школе Святителя Дмитрия // Святой Дмитрий митрополит Ростовский: Исследования и материалы. М., 1994. С. 138–139. (Филевские чтения, вып. 9). В библиотеке Лаврентия Горки хранился рукописный словарь «Lexicon latinoslavonicum collectum ex Calepino et Suario per Ioannem Filipowycz descriptum ver. per eundem Rostoviae, в белом пергамене в десять рукописный», см.: *Мосин А. Г.* Библиотека Лаврентия Горки: Материалы для реконструкции. Екатеринбург, 1997. С. 41. После 1737 г. рукопись была передана в Московскую славяно-греко-латинскую академию. Вероятно, этот словарь достался Лаврентию от Гавриила Бужинского вместе с рядом других книг, см. запись в каталоге библиотеки последнего: «Лексикон латино-славенский, собранный из Калепина и Кнапия чрез Иоанна Филиповича, рукописный» (Описание документов и дел, хранящихся в архиве Синода. Т. 11. Стб. 842).

⁴¹О библиотеке Саншеса см.: *Хотеев П. И.* Книга в России в середине XVIII в.: Частные книжные собрания. Л., 1989. С. 100–119.

⁴²О его жизни и трудах см.: *Пекарский П.* Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1. С. 191–197; *Слуховский М. И.* «Каталог универсальный» 1727 г. // Археографический ежегодник за 1979 год. М., 1981. С. 75–85; *Николаев С. И.* Литературные занятия Ивана Максимовича // ТОДРЛ. Т. 40. Л., 1985. С. 385–399. К сожалению, только по завершении этой работы мне стала известна статья: *Horbatsch O.* Ivan Maksymowycz, ein verkannter ukrainischer Lexikograph des 18. Jahrhunderts und sein Wörterbuch // The Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the U. S. 1960. Vol. 8. P. 95–114. См. факсимильное издание словаря: *Maximowicz Joannis.* Dictionarium latino-slavonicum 1718–1724. Facsimile Olexa Horbatsch curavit. Romae, 1991. Т. 1–2.

переводчиком, библиотекарем в библиотеке московской синодальной типографии и лексикографом. Первым литературным опытом Максимовича стал стихотворный перевод с латыни элегий брюссельского мистика Германа Гуго «Pia desideria» («Желания благоговейные»). В предисловии к латинско-русскому словарю, завершённому им в 1724 г., Максимович вспоминал о первом переводе: «Начатое дело аще и соверших, обаче не без трудности, никким же латинославенскаго лексикона подкрепляем помоществованием. Тем же за ползу возмнех тоскливое время мое изжидвати на читании священных книг латинских купно и славенских ради удобнейшаго в сицевых преводех искусства. И не токмо сицевому прилежащу чтению, вся яже внятию моему неудобна вменяхуся, отмечая, но и отмеченная преписывая и по чину алфавита чинопологая, неколико иждивих лет, вознамерен бо бех краткое собрание во образ лексикона латинославенскаго собственной ради нужды и ползы своей составить».⁴³

По ходу работы Максимович переменял свое намерение и решил «общенародной возугодити ползе. И предпочитая общее благо паче, неже собственную корысть, уне восхотех послужити благоволеннию всеавгустейшаго императора и рачителство мое явити святейшему синоду, неже себе самому единому в тайных угождати» (л. XIII). За образец Максимович решил взять хороший латинский словарь, с которым бы он мог «трудолобийце мое сообразити. Ибо вновь индексы латинских речений сочиняти не точию излишний труд, но и всеусетный вознепщевах быти, занеже толь много лексиконов со избранными своими индексами давно уже везде обретаются. К чему же убо пристало бы всеу железо варити и тождества туне возумножати? Аще убо иных многих лексиконов не возмогах имети, имех же в руках моих Григория Кнапия Фесавр, его же второй том латинополский паче прочиих, их же прежде видети возмогах, лексиконов угоден явися сих ради изрядных вин. 1, яко не с единых кихждо речений, но с припряженных и частиц такожде, и с многообразного простых речений преношения и связания сочинен. 2, яко не недовольными фрасиами, паче же единому глаголу начинателному и к предлогом неким приданными понаполнен, из каких мер (яко предрех) может изнаполнити звание лексикона совершеннаго. 3, еже вящшее есть, занеже в индекси своем содержит речений

⁴³ БАН. 32.6.2. Л. XI–XI об. Далее листы рукописи указываются в тексте.

чиноположение, еже никоим образом свойству и производству их причастно есть, но всякое речение по чину алфавита в множайших литерах следующее, на своих си полагает местех, да удобнее и скорее всяк, хотя в сем деле и не искусен, изобрести я возможет, что наипаче новоучащихся в учениях их способствует. Сей же чин, иже по началам речений составляется, и при едином речении главном, аки при корене вся его свойственная, производная и сложная со-громаждает, сего ради не полезен есть, яко начала речений не всяк и мерно изучивыйся удобно и верно всегда распознает, чесо ради о многих и между премудрыми людми пря бывает. 4, яко ко употреблению и нужди поетической количества просодии стихотворной, извествоанием стихотворцев утвержденная, речением неудобнейшим приложена у себе имать. 5, яко толкованием неких речений в Библии обретающихся обилует. Сими убо винами преклонен, восприях усердие прилепитися с делом моим к индексу Григория Кнапия, едино точию чиноположение речений латинских в алфавитной силе по его обычаю содержа, толкованиям же его нимало последуя, яко всякому сей ономастикон чтущему и испытующему яве будет» (л. XIII об.—XIV об.).

По словам самого Максимовича, для своей работы привлек и опыты отечественной лексикографии: «Лексикон блаженныя памяти митрополита ростовского Димитрия, его же он с Калепина сочинил, имех вместо указателя.⁴⁴ Случившаяся же мне в индексе Кнапиевом речения, их же толку ни в вышереченном лексиконе, ни в нотатах моих обрести возмогах, тым толкование по моему прилагах разсуждению, аще не по славенску, то поне по-руску, якоже речений своих Великая или Малая Россия употребляет. Да вникнут убо во вся сия ненавистнии чуждаго труда, купно и хвалы охудатели, иже еще плода ума моего не видяще, но точию слухом слышаще в плодотворении сем труждающаяся мя, не постыдешася в погаждение мое сия произнести слова: “Что великаго или труднаго есть индекс латинский Кнапиев превести по-руску?” Аще не трудно, чесо ради прежде мене сего не твориша, ниже творити помыслиша

⁴⁴Такой лексикографический труд Димитрия неизвестен, хотя слухи о нем, как видно из слов Максимовича, относятся к началу XVIII в. — Ср.: Библиотека московской синодальной типографии. Ч. 1: Рукописи; Вып. 2: Сборники и лексиконы. С. IV. Скорее всего, речь идет о словаре Епифания Славинецкого, к которому добавлена польская часть, т. е. словаре, представленном в рукописи БАН. 16.15.12.

сами? Да видят и прилежно испытуют сей труд мой: еда по разуму Кнапиеву, с польского языка состроенными, или славенскими и российскими самыми едиными толковании сей есть изнаполнен?» (л. XV об.–XVI).⁴⁵

Подчеркивая как свою зависимость от Кнапского, так и самостоятельность в лексикографической обработке материала, Максимович не преминул заметить, что обратился к польскому словарю по необходимости: «Да не хвалится же тщеславием мира сего самохвалится (да тако рещи) род иезуитов люботщательнейший, заеже от сонмища их Григория Кнапия индексу случися мне возследовати» (л. XVI об.). Далее в предисловии Максимович подробно разбирает принципы обозначения в словаре долготы и краткости гласных и орфографию Кнапского. Завершается обширное предисловие самоуничижительным и вместе с тем оптимистическим обращением к читателю: «Егда сей труд мой святейший Синод за благо разсудит тиснению предати, аще что тебе, добротный читателю, в сем ономастиконе латинославенороссийском неключимое или несогласующее собству толковому либо странное коим-либо образом покажется, Бога ради, вземлющаго грехи мира, первому сему изданию прости благосозиволи. Не по мнозе времени не точию исправнейших, прибыточнейших и яснейших изданий ожидающ, но и разных на различных языках фесавров всесовершенных в всепресветлейшем сем всероссийском империи видети надеющийся» (л. XXI–XXI об.).

В отношении судьбы своего труда Максимович обманулся: словарь, поднесенный составителем Екатерине I во время ее коронации в 1724 г., издан не был. Максимович, вероятно, надеялся на содействие Феофана Прокоповича, который в 1722 г. познакомился со словарем и ободрил автора. Более того, есть основания полагать, что именно с лексикографическим трудом Максимовича связана эпиграмма Феофана «К сложению лексиков».⁴⁶ Тем не менее до издания дело не дошло, не распространялся словарь и в рукописном виде, известен всего еще один список.⁴⁷ Не исключено, что указан-

⁴⁵ Мотив защиты своего труда от критики недоброхотов развивается как раз в эпоху Петра I. Это относится и к словарной работе, как видно из эпиграммы против критиков в словаре Ф. Поликарпова, см.: *Николаев С. И.* «Зоил в российских градах»: (От Симеона Полоцкого до А. Кантемира) // XVIII век. Сб. 17. СПб., 1991. С. 22.

⁴⁶ Обоснование этой гипотезы см.: *Николаев С. И.* «Лексикографическая» эпиграмма Феофана Прокоповича // *Русская речь.* 1995. № 5. С. 3–5.

⁴⁷ См.: РНБ. Разнояз. Q. XVI. 21.

ный в описи библиотеки Стефана Яворского «*Snapius manuscrip-tus*» (в другом списке: «*Snapius latino-rutenicus scriptus*») ⁴⁸ — именно словарь Максимовича.

На верхней внутренней крышке переплета подносного экземпляра словаря Максимовича читается запись «Иоанна Максимовича», сделанная тем же почерком, что и «Вокабулы Максимовича» в упоминавшейся рукописи того же собрания 16.15.12. Обе записи сделаны еще в XVIII в., вероятно, библиотекарем. Первая из них вопросов не вызывает, смысл второй неясен: Максимович явно не был составителем словаря, появившегося до 1701 г., о принадлежности же ему рукописи можно судить только по самой этой записи.

Последний этап восприятия словаря Кнапского в России XVIII в. связан с именем другого воспитанника Киево-Могилянской академии — К. А. Кондратовича. В собрании Библиотеки Академии наук сохранился принадлежавший ранее Российской академии рукописный латинско-русский словарь, на первом листе которого написано: «Кнапиев дикционер латино-славенский, переведен Кириакон Кондратовичем, собранный в 1725 и 1726-м годах». ⁴⁹ В действительности, однако, только этот лист и имеет отношение к Кнапскому, так как сам словарь (а это рукопись 1730-х годов) — копия латинско-славянского словаря Епифания Славинецкого, причем копия довольно неряшливая, с описками. Кто-то вычитал латинскую часть словаря до буквы «С», выправил ошибки и одновременно дополнил славянский перевод Епифания Славинецкого русскими соответствиями. Работа по вычитке и редактированию не была закончена, возможно, что проделал ее Кондратович. Неясно, однако, для чего ему понадобилось назвать эту работу переводом словаря Кнапского (если только речь не шла о простой маскировке плагиата). Во всяком случае, Кондратович не упомянул о каком-либо раннем переводе Кнапского в списке своих трудов (в том числе нескольких словарей), составленном в 1745 г. ⁵⁰

В сентябре 1747 г. Кондратович представил в канцелярию Академии наук переведенные им «на славенский язык Кнапиев дикци-

⁴⁸ Маслов С. И. Библиотека Стефана Яворского. Киев, 1914. С. XXIX. Поскольку Стефан скончался в 1722 г., то это могла быть либо ранняя редакция словаря Максимовича, либо неизвестная нам переработка словаря Кнапского.

⁴⁹ См.: БАН. 17. 16. 2. В рукописи 723 + III л.; на корешке тиснение «Кнапиев дикционер». На л. 723 об. запись: «*Petrus Tachtarow fecit*».

⁵⁰ См.: Пекарский П. Кондратович, русский прозаик и стихотворец, филолог и беллетрист XVIII столетия // Современник. 1858. № 6. С. 473–474.

онер также и Целляриев дикционер, некоторую часть».⁵¹ По решению канцелярии «Целляриев дикционер» был отдан для рассмотрения М. В. Ломоносову, а «Кнапиев лексикон» было определено «отдать к рукописным книгам в библиотеку» для сохранения.⁵² К сожалению, судьба этой рукописи неизвестна.

В 1775 г. в типографии Академии наук был напечатан первый печатный польско-русский словарь — «Польский общий словарь», составленный Кондратовичем. Польский словник Кондратович взял из польско-латинского тома Кнапского, сократив его, русская часть — плод работы самого составителя.⁵³ Это было первое, но одновременно и последнее отражение словаря Кнапского в русской печати — последующих его следов в истории русского словарного дела не обнаружено.⁵⁴

Рассказ об истории восприятия Кнапского в России хотелось бы завершить одним предположением, имеющим отношение к третьему тому словаря, собранию польских пословиц. Хотя он был известен не так широко, как двуязычные тома словаря, известны и изготовленные уже в России рукописные подборки польских пословиц: сборник выписок из Кнапского 1724 г.⁵⁵ и основанный преимущественно на словаре Кнапского рукописный сборник 1726 г.⁵⁶ Вероятно, на третьем томе словаря Кнапского основан и сборник польских пословиц с латинским переводом 1714 г. из собрания ГИМ.⁵⁷ Таким образом, русские книжники были внимательны и к Кнапскому-паремиографу.

Конец XVII — первая половина XVIII в. — время зарождения

⁵¹ *Биллярский П. С.* Материалы для биографии Ломоносова. СПб., 1865. С. 95.

⁵² См.: *Макеева В. Н.* Русская лексикография 40–50-х годов XVIII в. и Ломоносов // *Ломоносов: Сб. статей и материалов.* Т. 4. М.; Л., 1960. С. 193; *Пекарский П.* История имп. Академии наук в Петербурге. Т. 2. СПб., 1873. С. 372; *Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова.* М.; Л., 1961. С. 112.

⁵³ См.: *Обрембская-Яблонская А. А.* Об источниках польско-русского словаря Кирияка Кондратовича // *ТОДРЛ.* Т. 14. М.; Л., 1958. С. 597–604.

⁵⁴ Однажды он упоминается М. Семигиновским при описании особенностей польской фонетики, см.: *Семигиновский М.* Грамматика польская для пользы и употребления российского юношества. Киев, 1791. С. VIII–X.

⁵⁵ См.: ИРЛИ. Древлехранилище. Колл. Перетца. № 219; *Luźny R. Pisarze kręgu Akademii Kijowsko-Mohylańskiej a literatura polska.* Kraków, 1966. S. 11.

⁵⁶ См.: *Перетц В. Н.* Из истории пословицы: Историко-литературные заметки и материалы. С приложением Сборника польских пословиц по рукописи 1726 г. СПб., 1898. С. 17–39.

⁵⁷ См.: Описание рукописей собрания Черткова. Новосибирск, 1986. С. 70 (№ 278).

русской фольклористики, во всяком случае — вполне научной паремиографии. В этот период было составлено несколько сборников русских пословиц, поговорок и «крылатых слов». Имена первых собирателей нам неизвестны, затем их собирали И. В. Паузе, А. И. Богданов, В. Н. Татищев.⁵⁸ Череду сборников пословиц открывают «Повести или пословицы всенароднейшыя по алфавиту» (1690-е годы). В предисловии неизвестный нам составитель, в частности, пишет: «... западных стран жители имут мирския сия притчи своим их течтом в типография живописатель бе изследованны, якоже из них некия моима видех очима».⁵⁹ Конечно, составитель мог видеть разные сборники, в первую очередь, «Adagia» Эразма Роттердамского. Однако самым известным и доступным в России был тогда сборник Кнапского. Возможно, что именно «Adagia» Кнапского послужили образцом первому русскому собирателю пословиц. К сожалению, для подкрепления этой догадки положительных данных пока нет. Стоит отметить, что полстолетия спустя, в 1745 г., Кондратович писал в своем отчете: «Собрал все русские пословицы, к которым подвожу латинские точные».⁶⁰ Конечно, сама идея не оригинальна, однако именно так построен труд Кнапского, с которым Кондратович был безусловно знаком. Возможно, что исследование пока только намеченной темы истории польских пословиц в русском фразеологическом фонде⁶¹ заодно сможет прояснить и роль сборника Кнапского.

История бытования словарей Григория Кнапского в России в XVII–XVIII вв., возможно, небогата яркими страницами и событиями. Между тем его лексикографические труды исправно служили нескольким поколениям русских писателей, филологов и просто обучающимся латыни и польскому. Лишь с постепенным угасанием роли образования полонофильской ориентации в культурной жизни России словари Кнапского, к тому времени уже устаревая-

⁵⁸ См.: *Шагнович М.* Краткая история собирания и изучения русских пословиц и поговорок // Советский фольклор: Сб. статей и материалов. Т. 4–5. М.; Л., 1936. С. 300–305; Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII–XX вв. М.; Л., 1961.

⁵⁹ Цит. по: Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий / Собрал и приготавил к печати П. Симони. СПб., 1899. С. 71. Предисловие перепечатано (с целым рядом досадных опечаток) в кн.: Древнерусская притча. М., 1991. С. 305–307.

⁶⁰ *Пекарский П.* Кондратович, русский прозаик и стихотворец. С. 474.

⁶¹ См.: *Перетц В. Н.* Из истории пословицы. С. 11, 15.

ющие, выходят из учебного обихода. А в 1807–1814 гг., с выходом знаменитого «Словаря польского языка» С. Б. Линде, надобность в словаре Кнапского вовсе отпала. Словарь Линде был очень высоко оценен русскими рецензентами, на него заблаговременно подписывались подписчики из России, он даже попал в библиотеку А. С. Пушкина.⁶²

⁶²См.: *Модзалевский Б. Л.* Библиотека А. С. Пушкина // Пушкин и его современники. Вып. 9–10. СПб., 1910. С. 275; *Woloszyński R. W.* Polsko-rosyjskie związki w naukach społecznych 1801–1830. Warszawa, 1974. S. 223–228.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ М. К. САРБЕВСКОГО В РОССИИ

Новолатинская поэзия стала известна в России во второй половине XVII в., когда в Москве появились выученики Киево-Могилянской коллегии, в которой основы науки поэзии постигались, в частности, на одах и элегиях Д. Буханана, Г. Гуго, Д. Оуэна, М. К. Сарбевского и др.

Самым известным новолатинским автором в Киево-Могилянской коллегии (а затем академии) был польский поэт Мацей Казимеж Сарбевский (1595–1640), оды которого еще при жизни стяжали ему европейскую славу «сарматского Горация», а издавались они в общей сложности более 70 раз (титульный лист самого авторитетного издания, антверпенского 1632 г., выполнен по рисунку Рубенса). В «Киево-Могилянских Афинах» Сарбевский стал известен довольно рано — томик его стихотворений, был уже у основателя киевского училища, Петра Могилы,¹ а с 1680-х годов Сарбевский надолго занял первенствующее место среди образцовых авторов.² Не удивительно поэтому, что первые известные нам упоминания о Сарбевском принадлежат выходцам из Киева. Самое раннее — в «Епистоларе» Дмитрия Ростовского: в его письме от 28 декабря 1707 г. игумену Свято-Духова монастыря в Вильно, написанном на латинском, польском и церковнославянском языках, цитируются Ювенал, Авзоний, Вергилий, Марциал, а рядом с предложением, записанным в виде двустушия,

¹ См.: С. Г.-в. О составе библиотеки Петра Могилы // Киевские епархиальные ведомости. 1876. Отд. второй. №9. С. 300 («Sarbiewi Lyrica»).

² *Luźny R. Pisarze kręgu Akademii Kijowsko-Mohylańskiej a literatura polska. Z dziejów związków kulturalnych polsko-wschodniosłowiańskich XVII–XVIII w. Kraków, 1966. S. 36–37, 94–95.*

Fallitur augurio spes bona saepe suo,
Desunt his rupibus unde

на поле напротив второй строки помечено «*Sarbiev.*».³ Эти слова, действительно, принадлежат Сарбевскому, Дмитрий цитирует здесь фрагмент одной из эпиграмм.⁴

Известно, что читателем Сарбевского был и другой выходец из Киева, ближайший друг Дмитрия Ростовского, блестящий поэт-латинист Стефан Яворский, в описи библиотеки которого значится книга «*M. S. Sarbievij Lyricorum libri IV*».⁵ Вероятно, из Киева же привез в Псков издание Сарбевского архиепископ Симон Тодорский (1700–1754).⁶

Данные каталога личной библиотеки, а также свидетельства современника, указывают на то, что с творчеством Сарбевского был знаком и Феофан Прокопович. Из его теоретического наследия известно, что он хорошо знал польскую и польско-латинскую поэзию,⁷ однако относился к ней сдержанно, а имя Сарбевского ни разу не встречается ни в «Поэтике», ни в поэтических переводах Феофана. Между тем в описи его библиотеки значится книга «*Matthie Казамири епиграмма лирикорум*»,⁸ а биограф Феофана Т. Г. З. Байер (1694–1738) отмечал, что еще во время обучения в Риме он высоко ставил оды Сарбевского. Более того, Сарбевский оказался единственным новолатинским поэтом, которого Феофан смог поставить рядом с Горацием и Катуллом («*in odis Horatium,*

³ ГИМ. Синодальное собр. № 81. Л. 5. Фотокопию рукописи любезно предоставила мне М. А. Федотова. Ср. перевод XVIII в. этого предложения: «Но часто и хорошая надежда нас обманывает: безводны иногда бывают сии камни» (*Дмитрий Ростовский. Сочинения. М., 1818. Ч. 1. С. 362*). В XIX–XX вв. это письмо публиковалось только в переводе на русский язык.

⁴ См.: *Sarbiewski M. S. Poemata omnia. Staraviesiae, 1892. P. 434. (Epigr. XVI). «D. Magdalena sub cruce flens»:*

Alī sitio! clamas: absunt his rupibus unde;
Sola fluunt oculis flumina, sola bibe.

⁵ *Маслов С. И. Библиотека Стефана Яворского // Чтения в Историческом обществе Нестора летописца. Кн. 24. Вып. 2. Киев, 1914. С. 52.*

⁶ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Синода. Т. 34. СПб., 1912. С. 682.

⁷ *Luźny R. Teofan Prokopowicz a literatura polska. Z dziejów związków literackich polsko-ruskich na przełomie XVII i XVIII wieku // Slavia Orientalis. 1965. N 3. S. 331–345.*

⁸ *Верховский П. В. Учреждение Духовной коллегии и Духовный регламент: Материалы. Т. 2. Ростов-на-Дону, 1916. С. 49.*

Catullum, Sarbievium»⁹). Только в результате тщательных поисков выяснилось, что в латинском варианте «Епиникиона» (1709) Феофан Прокопович использовал образ (и его словесное оформление) одной из известнейших од Сарбевского, которой открывались его сборники.¹⁰

Выпускники киевской академии, преподававшие в Москве и других городах, подняли авторитет Сарбевского даже выше, чем в Киеве. В русских духовных училищах, начиная с 1722 и вплоть до 1770-х годов не было преподавателя поэтики, который бы не цитировал Сарбевского и не ставил его рядом с Горацием.¹¹ Круг произведений Сарбевского, изучавшихся в русских училищах, был значительно шире, чем в Киеве. Привезенных с собою книг явно не хватало, и покупались новые издания; известно, например, что в 1728–1739 гг. для нужд смоленской семинарии было приобретено венецианское издание Сарбевского 1697 г.¹² Иногда Сарбевский оказывался единственным «неотериком», приводившимся в поэтиках, например, у смоленского преподавателя Филофея Красногорского в курсе 1758–1759 гг.¹³

Столь широкое признание Сарбевского как поэта и теоретика литературы¹⁴ не могло не выйти за пределы духовной школы. И действительно, в библиотеке сподвижника Петра I, А. А. Виниуса было издание Сарбевского 1628 г.,¹⁵ а в 40-е годы XVIII в. в библиотеке Академии наук находились два издания од и эпиграмм Сарбевского — виленское 1628 и антверпенское 1630 г. (причем он был

⁹[*Beier Th. G. S.*]. *Vita Theophanis Procopovitsch // Nordische Nebenstunden*. Th. 1. Frankfurt; Leipzig, 1776. S. 253. Ср.: *Феофан Прокопович*. Философські твори: В 3 т. Т. 3. Київ, 1981. С. 362.

¹⁰См.: *Либуркин Д. Л.* Русская новолатинская поэзия: материалы к истории: XVII — первая половина XVIII века. М., 2000. С. 56–57.

¹¹*Lewin P.* Wykłady poetyki w uczelniach rosyjskich XVIII w. (1722–1774) a tradycje polskie. Wrocław, 1972. S. 139–147.

¹²См.: Описание документов и дел, хранящихся в архиве Синода. Т. 16. С. 647.

¹³*Lewin P.* Wykłady poetyki w uczelniach rosyjskich XVIII w. (1722–1774) a tradycje polskie. S. 143.

¹⁴См.: Ibid. S. 107–120; *Lewin P.* Teoria akuminu w estetycznej świadomości wschodniej Słowiańszczyzny XVII–XVIII wieku a traktat Sarbiewskiego // *Literatura staropolska i jej związki europejskie*. Wrocław, 1973. S. 309–324; *Софронова Л. А.* М. В. Ломоносов и М. К. Сарбевский (к опыту сопоставления двух систем) // М. В. Ломоносов и русская культура. Тезисы докл. конф. Тарту, 1986. С. 7–11.

¹⁵См. опись его библиотеки: ПФА РАН. Ф. 158. Оп. 1. №212. Л. 7 об.

единственным польским поэтом, значившимся в каталоге академической библиотеки¹⁶).

Но в то же время отмечается и определенное неприятие творчества «сарматского Горация»: не говорит о нем Феофан Прокопович, не упоминает его и М. В. Ломоносов. О знакомстве последнего с Сарбевским можно говорить уверенно, так как в 1732 г. Ломоносов слушал в московской Славяно-греко-латинской академии курс лекций Феофилакта Кветницкого «Clavis poetica». Сарбевский в этой поэтике цитируется неоднократно, а в разделе о «славянском стихе» Феофилакт Кветницкий приводит девять разных переводов на русский язык двух эпиграмм Сарбевского.¹⁷ Но позднее Ломоносов, который чутко относился к новолатинской поэзии и отлично знал новолатинскую культуру,¹⁸ нигде Сарбевского не упоминал.

Однако Сарбевский не был совершенно забыт русскими поэтами эпохи классицизма. В 1751 г. в предисловии к переводу «Аргениды» В. К. Тредиаковский вступился за латиноязычных польских писателей («Коя больше порочится латина, как польская?») и среди других выдающихся польских латинистов назвал Сарбевского: «Но Сарбиевий в одах — после Горация чтоб мог где другой сыскаться, едва ль есть надежда».¹⁹ На следующий год в новой редакции «Способа к сложению российских стихов» (§ 22 главы «О разных поэмах, стихами сочиняемых») Тредиаковский писал: «Просветическая есть поэма, которою или о чем-нибудь Бога молим, или ему какие обеты творим, или чего у высочайших лиц просим. Может она сочиняема быть и гексаметрами, и строфами. Пример ее у Сарбиевия в кн. 20 (так! — С. Н.), который весь весьма достоин есть чтения».²⁰ Три года спустя в обращенной к А. П. Сумарокову полемической статье «Ответ на письмо о сафической в горацианской строфах» он писал: «Мог бы я вам подтвердить состав сафический

¹⁶ См.: *Bibliothecae imperialis Petropolitanae*. P. IV. V. I. Typis academiae imperialis scient. 1742. P. 395.

¹⁷ См.: *Lewin P.* Wykłady poetyki w uczelniach rosyjskich XVIII w. (1722–1774) a tradycje polskie. S. 163–168; *Fedor Kvetnickij*. Clavis poetica. Eine Handschrift der Leninbibliothek Moskau aus dem Jahre 1732 mit einer Einleitung herausgegeben von B. Uhlenbruch. Köln; Wien, 1985. S. 136–142, 246–250.

¹⁸ См.: *Берков П. Н.* 1) Литературные интересы Ломоносова // Литературное творчество М. В. Ломоносова. Исследования и материалы. М.; Л., 1962. С. 38–55; 2) Проблема литературного направления Ломоносова // XVIII век. Сб. 5. М.; Л., 1965. С. 17–21.

¹⁹ *Барклай Д.* Аргенида. СПб., 1751. С. СII.

²⁰ *Тредиаковский В. К.* Сочинения. Т. 1. СПб., 1849. С. 174.

моих стихов, сверх Горация, и Сарбиевием, польским латинским пиитою, коего никто лучше поныне, по рассуждению искусных людей, не писал сафических стихов, да и едва ли есть надежда, чтоб и впредь мог кто лучше его в том быть. Но мню, что он вам неизвестен». ²¹ Последнее замечание, конечно, относилось не к одному Су-марокову. Однако «искусные люди» Третьяковским не выдуманы, одним из них был академический переводчик Кириак Кондратович (1703–1788) — плодовитый переводчик и поэт, сочинивший, по собственному признанию, 16 000 эпиграмм, из которых лишь 300 вошли в его книгу «Старик молодой» (1769). Перечисляя в предисловии источники своих переводных эпиграмм, Кондратович писал, что «из польских же эпиграмматистов мне показались Братковский и Сарбиевский, о прочих я не упоминаю, потому что у нас в России: Scribimus indocti, doctique poemata passim. Horat. Как ученые, так и неученые, почти все по природе стихотворцы, хотя не пииты». ²² С именем Сарбиевского в сборнике связаны следующие эпиграммы.

Острастка. Sarbiev.

Бойтся и болший, как на меньших гремят:
Когда собаку бьют, тогда и львы дрожат. ²³

Из Сарбиевского. Католицкое покаяние
Вавринец, что Лаврентий есть, Йозефа ²⁴ подрядил,
Чтоб Бога за его грехи покутою ²⁵ молил,
Поклоны бить, и пост хранить, и блюсть епитимию.
Ваврицу Сарбиевский рек, скривя палево выю:
«Постится, молится Йозеф, всегда поклоны бьет
Все за тебя, и за тебя до неба побредет!» ²⁶

Суетное любопытство. Sarbiev.

Сын погреб отца, спросил: «Где душа отцова?»
«У Аврама, — рек каплан, — там квартера пова».
Дав ему за то шестак, ²⁷ а назавтрие спросил:
«Где теперь душа отца?» — «У Исака», — объявил.

²¹ Пекарский П. П. История имп. Академии наук в Петербурге. Т. 2. СПб., 1873. С. 252. «Искусный» в данном контексте означает «искушенный».

²² Кондратович К. Старик молодой. Ч. 1. СПб., 1769. С. 3.

²³ Там же. С. 39.

²⁴ На поле напечатано: Иосифа.

²⁵ На поле напечатано: покаянием.

²⁶ Кондратович К. Старик молодой. Ч. 2. С. 5–6.

²⁷ На поле напечатано: 4 коп.

Дав ему за то шестак, в третий день еще спрошался,
Рек каплап: «К Иякову от Исака перебрался».
Громко сын тогда завыл, рек: «У черта быть ей там!
Что по разным она по всяк день пошла рукам!»²⁸

Это, казалось бы, первый случай появления произведений Сарбевского в русской печати, однако, проверка показывает, что у Сарбевского таких эпиграмм нет. Следовательно, в сборнике Кондратовича или ошибка, или псевдоэпиграф.²⁹ То обстоятельство, что в «Католицком покаянии» Сарбевский является «действующим лицом», ошибку исключает.

После публикации эпиграмм Кондратовича имя Сарбевского на три десятилетия исчезает из русской печати и появляется только в начале XIX в., в период оживления польско-русских литературных связей, когда в русской журналистике появляются статьи, посвященные истории польской литературы. В первый раз после долгого перерыва имя польского поэта появляется в «Ученых известиях о состоянии литературы польской», помещенных в журнале Я. А. Галинковского «Корифей, или Ключ литературы». Сарбевский предстает здесь в блеске славы: он «был славнейший лирический стихотворец», «он заслуживает прозвание второго Горация. Приятность его стихов так почувствована, что на всех почти европейских языках находятся его переводы».³⁰ Хотя русский язык в этом отношении все еще являлся исключением, известность «славного польского лирического стихотворца» в России росла. В 1810 г. П. Ф. Калайдович печатает в «Вестнике Европы» перевод небольшого отрывка из биографии Сарбевского, написанной И. Красицким,³¹ а на следующий год «Улей» В. Г. Анастасевича помещает статью «О польских стихотворцах. (Сокращенное известие из Красицкого)», в которой излагается биография «славного лирика польского» Сарбевского, история его путешествия в Рим, знакомство с папой Урбаном VIII, который увенчал Сарбевского лавровым венцом, и дается подробный перечень его сочинений.³² Если эта статья

²⁸ Кондратович К. Старик молодой. Ч. 2. С. 11.

²⁹ См.: Русская эпиграмма второй половины XVII — начала XX в. Л., 1975. С. 640; Русская стихотворная эпиграмма. СПб., 1998. С. 482–483.

³⁰ Корифей, или Ключ литературы. СПб., 1803. Кн. 6. С. 117.

³¹ См.: Вестник Европы. 1810. №7. С. 229. (Ср.: *Krasicki I. Dzieła*. Т. 3. Warszawa, 1803. S. 227–233). Там же (С. 229) напечатана одна эпиграмма Сарбевского на латыни и в прозаическом переводе.

³² См.: Улей. 1811. №4. С. 265–267.

довольно суха и не содержит особенных похвал, то статья «Первоклассные польские писатели», опубликованная в «Друге россиян» в 1817 г., ими изобилует: «Явился в шестнадцатом столетии великий Сарбевский к славе польского Парнаса. Сладкозвучная его лира гремела в пределах сарматов и римлян. И храмы божи украшались величественным его красноречием во времена счастливого царствования Владислава IV. Но потомство не столько обращает внимания на ораторскую его известность, сколько на неподражаемые его поэтические дарования. Его оды, идиллии и эпиграммы исполнены высокого духа, нежного и образованного вкуса. Он, кажется, был предметом всей нежности Муз и Граций. В своих лирических стихотворениях он столь превосходен, что кроме Горация никого с ним из современных и позднейших писателей на одном ряду ставить не можно, ибо никто еще поныне творческому его не мог равняться гению. Всякий его стих и всякая рукою его начертанная строка есть гораздо выше тех похвал, которые ему справедливо приписывали Рим и Польша».³³ Этот панегирик открывает обзор польских первоклассных писателей, в котором даже крупнейший поэт XVI в. Ян Кохановский стоит только на третьем месте (на втором — Петр Скарга).

Ряд восторженных отзывов о Сарбевском в русской печати первых двух десятилетий XIX в. венчает речь П. Гулак-Артемовского на открытии кафедры польского языка при Харьковском университете (1818). Рассуждая о необходимости изучения польского языка и словесности, Гулак-Артемовский говорит, что «ежели бы я не был уверен, <...> что сказанное мною о потребности изучения себя польскому языку не имеет нужды в дальнейшем вас убеждении, <...> я бы вам изобразил незабвенного в ученом свете Сарбиевского, который один в течении пятнадцати с лишком веков оспаривал с достоинством венки лирической музыки у Горация, который посреди Рима был торжественно увенчан лавром».³⁴

Между тем все эти годы творчество Сарбевского продолжало быть известным только «ученому свету» и некоторым «искусным людям», а в печати появился только один перевод на русский язык: в «Вестнике Европы» за 1806 г. было опубликовано стихотворение «К любезному философу П. Подражание Сарбиевскому».

³³ Друг россиян и их единомышленников обоего пола, или орловский российский журнал на 1816 год. М., 1817. № 6. Декабрь. С. 38.

³⁴ Украинский вестник. 1819. № 2. С. 139–140.

Жребий народов был меньше бы жалок,
Если б взносились и падали царства
Медленно, тихо, но рушатся быстро
Горды колоссы.
Счастье не прочно. Без отдыха время
Области, грады, людей низвергает;
Веки потребны для их возвышенья, —
В миг упадают.
Есть ли что твердое в мире подлушном?
Что устяло под млатом судьбины,
Тяжким ударом народам грозящей
И сокрушеньем?
Не оскорбляй же небес укоризной,
Смертный философ! смотря на могилы
Сердцу любезных, уснувших спокойно
Впредь до рассвета.
Помни, что все родимся для смерти.
Тот лишь в юдоли сей жил долговечно,
Кто добродетели шествуя следом,
Умер для неба.³⁵

Кем был сделан перевод — неизвестно, стихотворение подписано буквами Ж.З. Более важен вопрос об источнике перевода. Есть основания сомневаться в том, что им был латинский оригинал («*Ad Publum Memmium*» — кн. II, 7),³⁶ так как незадолго до июльской публикации «Вестника Европы» это стихотворение было опубликовано в польском переводе К. Хроминского в апрельской книжке виленского журнала «*Dziennik Wilenski*» за 1806 г.³⁷ «Вестник Европы» время от времени печатал переводы различных материалов из этого журнала, а поразительная близость по времени появления этих публикаций вынуждает внимательно отнестись к польскому переводу как возможному источнику русского. К сожалению, сам характер необыкновенно искусного «Подражания Сарбиевскому» не позволяет определенно ответить на вопрос об источнике перевода, однако некоторые детали (например, в латинском тексте отсутствует «под млатом судьбины», чему соответствует польское «*rod młotem*»), а также то обстоятельство, что русский перевод появился

³⁵ Вестник Европы. 1806. № 13. С. 41–42.

³⁶ См.: *Sarbievii M. C. Lyricorum libri IV. Antverpiae, 1632. P. 57–58. Ср.: Sarbievski M. C. Poemata omnia. P. 53.*

³⁷ См.: *Dziennik Wileński. 1806. Kwiecień. S. 93–94.*

сразу после публикации этой оды в виленском журнале, позволяет предполагать, что источником русского «подражания» послужил все же перевод К. Хроминского, а не латинский оригинал.

Эта ода оставалась единственным переводом произведений Сарбевского на русский язык до начала XX в., когда был выполнен перевод оды «Небесная отчизна»,³⁸ также сделанный не с латинского оригинала, а с польского перевода (вероятно, Л. Кондратовича).³⁹ Переводы стихотворений Сарбевского не входили в антологии польской поэзии и, конечно же, не выходили отдельным изданием.

Судьба Сарбевского в России включает все необходимые этапы восприятия иноязычного автора: чтение в оригинале, изучение творчества, лестные характеристики в критических статьях, перевод и даже псевдоэпиграфы. Однако Сарбевский остался для русского читателя известным лишь по имени «славным польским лириком», потому что по одному переводу, хоть и очень удачному, составить о нем представление невозможно.⁴⁰

Трудно объяснить удовлетворительно и однозначно внезапную вспышку интереса к Сарбевскому в начале XIX в., а затем полное его забвение, однако можно выделить несколько повлиявших на это факторов. Одна из предпосылок общего характера заключается в том, что в первой половине XIX в. все большее внимание притягивает польская поэзия эпохи Возрождения, что отчетливо видно по «Славянской поэзии» Н. Гербеля (1871), в которой старопольская поэзия представлена только Яном Кохановским и его младшим современником Шимоном Шимоновичем. Начало этого процесса отразилось уже в первой статье о Сарбевском, опубликованной Я. А. Галинковским. После похвал, приведенных выше, говорится, что Сарбевский «имеет места неподражаемые и возвышается по изящности, едва ли находимой в другом лирике; но иногда залетает в облака и там оставляет свой смысл и свой рассудок, или

³⁸ См.: *Боган Д. Д.* Из польской поэзии. Минск, 1906. С. 105. — Это 18-я, а не 9-я ода первой книги, как ошибочно указано в публикации. Стоит отметить, что в составленном в конце XIX в. библиографическом перечне переводов произведений Сарбевского на европейские языки, русский язык вообще не упомянут, см.: *Sarbiewski M. C.* Poemata omnia. P. LIII–LVI.

³⁹ См.: *Kondratowicz L.* Poezje. Warszawa, 1872. Т. 9. С. 42–43.

⁴⁰ Стоит отметить, что и в XX в. Сарбевский был основательно забыт переводчиками до самого последнего времени, лишь недавно появились новые переводы, на этот раз впервые с латинского языка, см.: Польская поэзия XVII в. Л., 1977. С. 40–44, ср. 78–79, 82, 116, 185.

падает иногда в такой низкий энтузиазм, который более может назваться грубым, готическим, нежели прямо стихотворным». ⁴¹

Польская поэзия на национальном языке, хорошо известная в России во второй половине XVII — начале XVIII в., к середине XVIII в. была почти полностью забыта. Сарбевский же остался в литературном сознании Тредиаковского и некоторых «искусных людей» только потому, что он был новолатинским поэтом, а к середине столетия центр латинской образованности переместился из духовных училищ в Академию наук, отсюда и известность Сарбевского в академических кругах (К. А. Кондратович), а также уверенность Тредиаковского в том, что Сарбевский «незнаком» А. П. Сумарокову.

После академического периода латинской образованности в России во второй половине XVIII в. ее центрами опять становятся духовные училища. Однако теперь в общекультурном сознании латинские штудии стали восприниматься как прежние «учение по латиням», заключавшееся, по остроумному замечанию В. О. Ключевского, в бессмысленном заучивании «польско-латинских вокабул, записанных русскими литератами: ликос — волк, луппа — волчица, спириды — лапти, препосит — болярин». ⁴²

Общее мнение о теории словесности в духовных училищах хорошо иллюстрируют воспоминания провинциального чиновника начала XIX в. о годах обучения в полтавской семинарии, «где поэзия латинская заключалась в узнании долгих и кратких, <... > где бедный ученик не видел и не слышал ничего из области литературы, алкал знаний и не находил их; не только не было библиотек, но еще наблюдали, чтобы какая книга случайно не попала в руки семинариста и не развратила нравственности будущего служителя алтаря». ⁴³

Эти негодующие слова, конечно, не вполне справедливы. Более того, все упоминавшиеся знатоки и ценители Сарбевского — Тредиаковский, Кондратович, Галинковский, Анастасевич, Гулак-Артемовский, обучались в духовных академиях Киева и Москвы. В своей пропаганде творчества Сарбевского (не встречавшей, очевидно, сочувствия) они остановились на половине пути: если учителя духовных училищ в своих лекциях обильно цитировали, разбира-

⁴¹Корифей, или Ключ литературы. Кн. 6. СПб., 1803. С. 118.

⁴²Ключевский В. О. Сочинения. Т. 7. М., 1959. С. 410.

⁴³Тукалевский П. Воспоминания. М., 1834. С. 31.

ли и перелагали Сарбевского, то их ученики, литераторы начала XIX в., только говорили о Сарбевском и не познакомили русского читателя с самими произведениями поэта. Впрочем, особо винить их за это не следует, ведь даже «латинский» Кохановский совсем недавно появился в русском переводе.⁴⁴

Хотя старания литераторов XVIII — начала XIX в. и не дали ощутимых результатов, всему эпизоду с Сарбевским, растянувшемуся более чем на полстолетия, принадлежит все же важная роль в истории польско-русских литературных контактов. Сарбевский оказался единственным польским поэтом, перешагнувшим с листов рукописных «схоластических» поэтик XVIII в. на страницы ведущих журналов первого десятилетия XIX в. и связавшим таким образом две эпохи польско-русских литературных связей.

⁴⁴См.: *Кохановский Я.* Лирика. М., 1970. С. 154–170.

ПОЭЗИЯ И ДИПЛОМАТИЯ (Из литературной деятельности Посольского приказа в 1670-х годах)

На заре XVII в., в 1600 г., в Москву прибыл польский посол, канцлер Лев Сапега. На аудиенции у царя Бориса Годунова он от имени всего польского народа выразил желание жить с русскими в «согласии и вечной и нераздельной любви, как люди одной веры христианской, одного языка и одного народа славянского».¹ Мысль «о вечном согласии» и варьировалась в 24-х статьях заключенного тогда договора. Однако уже события Смутного времени показали утопичность этой идеи. Многолетние войны, украинский вопрос, пограничные конфликты — все это сделало польско-русские отношения основной проблемой внешней политики России на протяжении всего XVII в., отеснив на задний план даже турецкие и шведские дела. Начиная с середины XVII в. между Россией и Польшей ведутся непрерывные дипломатические переговоры, почти ежегодно страны обмениваются посольствами. Россия со второй половины 60-х годов, после Андрусовского перемирия (1667), стремилась учредить постоянную миссию в Польше — и наконец добилась этого в 1673 г. (впервые в качестве русского резидента В. М. Тяпкин был отправлен в Варшаву в 1668 г., но тогда он не был принят по случаю межкорольевья и возвратился в Москву). В 1673 г. в Москву прибыл польский резидент П. Свицерский, а в декабре того же года в Варшаву снова был отправлен В. М. Тяпкин, который пробыл там до 1677 г. После его отъезда и до 1688 г. Россия не имела в Польше своего представительства, потом оно существовало уже

¹ См.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. 4. С. 360–363.

постоянно.² От войн и конфронтаций Россия шла к миру и союзу с Польшей.

Русские дипломаты внимательно следили за внешне- и внутриполитическим положением Речи Посполитой. В Посольском приказе переводились сеймовые конституции, привилегии, королевская переписка, манифесты и т. д. Однако кроме официальных документов русских дипломатов живо интересовала и польская публицистика, а также окказиональная политическая поэзия, прямо не касавшаяся русских дел: именно она давала самый благодарный материал для изучения общественного мнения в Польше. Брошюры и летучие листы откликались на самые различные политические события: «элекции», коронации, браки высокопоставленных особ, «виктории» и т. д. Окказиональные политические стихотворения писали не только ремесленники, но и практически все крупные поэты польского барокко: «сарматский Вергилий» Самуэль Твардовский, государственный деятель и заговорщик Ян Анджей Моршгын, арианин Збигнев Морштын, Вацлав Потоцкий, великий коронный маршал Станислав Хераклиуш Любомирский и многие другие. Трудно сказать — интересовала ли русских дипломатов при чтении проблема художественного качества стихов, но именно всеядность переводчиков приводила к тому, что наряду со слабыми сочинениями в их кругозор попадали и произведения высокого уровня. При обнаружении же произведений, заключающих в себе «бесчестье государства московского», русские посланники требовали для авторов наказания — вплоть до смертной казни. Вот характерный пример.

Посольство 1650 г. в Варшаву имело две основные цели: поздравить Яна Казимира с избранием на престол и добиться наказания тех, кто неправильно писал титул великого русского государя. Глава посольства боярин Григорий Гаврилович Пушкин — сын Гаврилы Пушкина, изображенного в «Борисе Годунове», — потребовал для авторов четырех книг с «бесчестьями» смертной казни, а кроме того — несколько городов и 500 000 золотых червонных.³

Какова же была судьба самих книг? Г. Г. Пушкин писал царю, что договорились «те книги, которые есть в Варшаве, собрать, а собрав из книг... листы, на которых печатано с безчестьем предкам великим государем царем российским... и всему Московско-

²См.: Белокуров С. А. О Посольском приказе. М., 1906. С. 65.

³См.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 5. С. 560.

му государству, выдрав, все пожечь... И те листы... на рынку (т.е. на главной площади Варшавы. — *С. Н.*) позжены, а иные и все книги... А посылали мы тех книг жечь из ответные полаты дворянина И. Т. Фустова, подьячего В. Михайлова и переводчика И. Максимова. А паны рада посылали судей И. Залеского с товарищи. А жег те книги на рынку кат... в то время многие были польские и литовские люди»,⁴ которые, кстати, говорили, что «лучше бы король с Московским государством мир разорвал или города уступил, чем такое великое бесчестье положено на Корону Польскую и Великое княжество Литовское: описание славных дел королей Сигизмунда и Владислава на рынке сожжено!»⁵

В этой истории примечательно то, что одной из книг была поэма «Владислав IV» Самуэля Твардовского, крупнейшего польского поэта XVII в., создателя национальной эпопеи.⁶ Сохранилась обширная «перечневая» выписка тех мест, которые Г. Г. Пушкин посчитал оскорбительными для русского государства.⁷ Например: «Двулетним стояньем Смоленск взят и воевода Михаило Шеин меж иными сыскан и изыман; и какое разоренье Смоленску починили, что некоторые люди со страху в огонь метались и топились в воду, и церкви и дома свои зажигали; и как, взяв Шеина с иными пленниками, отослали до Варшавы, а Потоцкий остался в Смоленску воеводую, и многие неизчетные безчестные укоризны писаны Московского государства людем, чего и писать стыдно».⁸ Хотя листы и были сожжены (в цитированной выписке указаны листы 6, 7, 9, 18, 20–22, 24–26), была прочитана, несомненно, вся поэма целиком. Заглавие — «Владислав IV, король польский и шведский» — не указывает на то, что речь в поэме идет и о России, следовательно, либо русские дипломаты имели хорошую информацию о

⁴Цит. по: *Белокуров С.* О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898. С. 32–33, прим. 2.

⁵*Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. 5. С. 564.

⁶См.: *Kubala L.* Poselstwo Puszkina w roku 1650 // *Kubala L.* Szkice historyczne. Warszawa, 1923. Ser. 1–2. S. 123–152; *Chrościcki J.* «Crimen laesae maiestatis» // *Podług nieba i zwyczaju polskiego.* Studia z architektury, sztuki i kultury ofiarowane Adamowi Miłobędzkiemu. Warszawa, 1988. S. 606–613.

⁷См.: Акты, относящиеся к истории южной и западной России, собранные и изданные археографическою комиссиею. Т. 3. 1638–1657. СПб., 1861. С. 443–444. — Г. Г. Пушкин действовал здесь самостоятельно, так как книга вышла всего за две недели до прибытия посольства в Варшаву и еще не могла быть известна в Москве.

⁸Там же. С. 444.

литературной жизни (т. е. знали, где и что искать), либо читалась подряд вся печатная продукция. Так, очевидно, и получилось с поэмой С. Твардовского, которая послужила русским дипломатам лишь для скурых выписок. Как и следовало ожидать, после сожжения весь тираж поэмы был моментально раскуплен поляками. Все хотели знать: что так оскорбило русских? В XVII в. об этом эпизоде писал и сам Твардовский в «Гражданской войне», и В. Потоцкий в поэме «Хотинская война», и В. Коховский в своих «Анналах».⁹

Память об этой экзекуции была так сильна, что десять лет спустя проезжая через Польшу в Россию, барон Августин Мейерберг довольно подробно описал суть дела, справедливо заключив, что «память об их (книг. — С. Н.) содержании никак не сгорела, напротив, засияла ярче, озаренная таким пламенем. Потому что в людях возбуждено было любопытство узнать, что бы тут было такое, что столько хлопотали скрыть москвитяне, даже до того, что и попустивших это в огласку приговорили к сожжению».¹⁰

В том же 1650 г. из Варшавы вернулся (еще до отправления посольства Пушкина) царский гонец дьяк Григорий Кунаков. Он привез из Польши шесть книг, которые были «освидетельствованы» в Посольском приказе.¹¹ Среди них оказались и две поэтические книжки: «Wyręwa plebańska» и «Albertus z wojny», которые охарактеризованы следующим образом. «В пятой тетради напечатано: “Как выправлял (или высылал) ксендз Албертуса на войну. Внове напечатана лета господня 1649-го”. А про Московское государство никаких речей в той тетради не написано. В шестой тетради напечатано: “Как Албертус с войны пошел назад. Внове напечатана в Кракове лета господня 1649-го”. А про Московское государство в той тетради ничего не написано».¹² Таким образом, уже в

⁹ Н. М. [Рец.] Czechowski H. Samuel's von Skrzypna Twardowski «Wojna domowa»: Doktordissertation. Posen, 1894 // Киевская старина. 1895. Т. 49. Май. С. 96, примеч. 1.

¹⁰ Мейерберг А. Путешествие в Московию барона Августина Мейерберга к царю и великому князю Алексею Михайловичу // ЧОИДР. 1873. Кн. 3. Отд. 4. С. 6.

¹¹ См.: Акты, относящиеся к истории южной и западной России. Т. 3. С. 416–417.

¹² Там же. С. 417. — Заключение переводчиков Посольского приказа верно, но не совсем точно. «Москва» один раз упоминается в книге «Wyręwa plebańska»: «Wywał w bitwach pod Gdańskiem, w Moskwi, na Podolu» (цит. 1-е изд. (1590 г.), перепечатанное в кн.: Literatura mieszczańska w Polsce od końca XVI do końca XVII w. / Opr. K. Budzyk, H. Budzykowa, J. Lewański. Warszawa, 1954.

1650 г. московские дипломаты познакомились как с высокой эпической поэзией, так и с совизжальской литературой — сатирической литературой социальных низов. Примечательно, что поэма «Владислав IV» хранилась долго (она значится еще в описи 1784 г. библиотеки Московского архива Коллегии иностранных дел¹³), в то время как о «военных похождениях» церковного служки Альбертуса, старопольского Швейка, никаких упоминаний в описях библиотеки в XVII–XVIII вв. нет: очевидно, что никакого интереса для дипломатов они не представляли.

Изучение фондов Посольского приказа показывает, что информация о борьбе партий, а также о русской тематике в польской поэзии год от года становится все более подробной, в посольское «свидетельство» попадает все больше польских книг. Можно предполагать, что связано это с учреждением в 1673 г. постоянной миссии в Варшаве при московском резиденте, стольнике и полковнике Василии Михайловиче Тяпкине.

«Око всей России» — Посольский приказ — придирчиво смотрит за всем. Например, в том же 1672 г. русские послы потребовали убрать следующую картину в зале королевского дворца в Варшаве: «На одной стороне король с сыном, а на другой — гетман польский гонит московские полки, царь и бояре взяты в плен, связаны».¹⁴ Что касается окказиональной поэзии, то в ней привлекают внимание не только панегирические стихотворения с такими упоминаниями о русском государстве, которые можно было использовать в дипломатической практике, но и стихотворения, отражающие либо борьбу группировок в Польше, либо критикующие ее современное состояние, политику магнатов (последняя имела целью создание магнатской республики, независимой ни от короля, ни от шляхты, а в конечном счете в XVIII в. привела страну к национальной ката-

Т. 2. С. 160).

¹³ См.: Белокуров С. О библиотеке московских государей в XVI столетии. Приложения. С. CCCXVII.

¹⁴ Соловьев С. М. История России. Кн. 6. С. 408. — Очевидно, это картина Томмазо Долабелло «Представление Василия Ивановича Шуйского с братьями на Варшавском сейме 1611 г.». См.: *Darowski A. Szkice historyczne*. Petersburg, 1894. Ser. 1. S. 33; *Адарюков В. Я.* Добавления и исправления к подробному словарю русских гравированных портретов Д. А. Ровинского (СПб., 1889) // *Старые годы*. 1910. № 2. С. 53; *Лилейко Е.* Варшавский замок. Варшава, 1980. С. 157; ср. с. 162–163. Ср.: *Wójcik Z. Rzeczpospolita wobec Turcji i Rosji: 1674–1679*. Wrocław, 1976. S. 149.

строфе). Собирать подобные сведения также вменялось в обязанность русским дипломатам. Еще в 1649 г. в инструкции Г. Кунакову говорилось: «А едучи ему дорогою и будучи в Польше и в Литве, проведати, а о чем проведати, и о том ему дано писмо по статьям: 1. Польского Яна Казимера короля паны рада польские и литовские любят ли, и нет ли на короля от них, или от иных кого, рокошу . . . 7. Паны рада польские и литовские в совете ли, и нет ли меж ими какие розни?»¹⁵

Среди печатной продукции, поступавшей из Польши до середины 1670-х годов, поэзия занимает довольно скромное место. Например, в 1670 г. в Посольский приказ поступили «Стихи, сочиненные на бракосочетание полскаго короля Михаила Коррибута с Елеонорою Мариєю Иозефою, княжною венгерскою, ерцгерцогинею австрийскою» (*Temberski S. Serenitas Claramontana. Kraków, 1669*), тогда же переведенные с латыни прозой на русский язык.¹⁶ Но более всего стихотворных сочинений поступило при Тяпкине, который долго жил в Польше, завел широкие знакомства и сам внимательно следил за литературными новинками. Так, уже через несколько дней после приезда в Варшаву ему принесли сочинение на польском языке, в котором речь шла о возможном избрании царевича Федора Алексеевича на польский престол (Тяпкин приехал в Варшаву в январе 1674 г., после смерти короля Михаила Вишневецкого).¹⁷

Русский резидент следил и за поэзией, различными путями приобретал интересующие его произведения и отсылал их в Посольский приказ. Известно, что 18 августа 1676 г. он отправил в Москву «Вирши на королевское величество»,¹⁸ а 15 сентября того же года — «Писмо виршевное уставом полским». ¹⁹ Названных текстов в архиве Посольского приказа найти не удалось, а по этим упоминаниям трудно установить, о каких именно «виршах» идет речь. Все же у нас имеются материалы, позволяющие восстановить весь

¹⁵ Акты, относящиеся к истории южной и западной России. Т. 3. С. 368, 369.

¹⁶ См.: РГАДА. Ф. 79. 1670. № 6 (л. 1–30 — лат. оригинал, л. 31–36 — рус. перев.).

¹⁷ См.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 6. С. 505.

¹⁸ РГАДА. Ф. 79. Кн. 178. Л. 417. — Здесь помещена роспись писем с сентября 1676 по ноябрь 1677 г. В самом письме к Л. Иванову, начальнику Посольского приказа, сказано: «Тут же на особном листу похвала поступкам королевского величества от его верных подданных по-полску» (Там же. Л. 307).

¹⁹ Там же. Л. 417.

процесс работы Тяпкина и русских переводчиков с польским поэтическим текстом, а затем и с использованием его результатов в русско-польских переговорах.

В январе 1676 г. вышла из печати «Польская муза на въезд Яна III в Краков» — анонимный панегирик, посвященный коронации Яна III Собеского,²⁰ которая состоялась 2 февраля того же года. Автором «Музы» был Вацлав Потоцкий — крупнейший польский поэт второй половины XVII в.²¹ Тяпкин прочел эту книгу и, видимо, остался ею недоволен, так как вскоре на просьбу великого литовского гетмана Михаила Паца прислать войска для помощи Польше ответил: «Не погневайся на меня, гетман, если скажу, что не стоите вы доброго слова царского, не только военной помощи, когда позволяете печатать такие злокозненные и укоризненные сочинения, как книга, изданна здесь в Кракове после уже коронации в типографии Петраковича».²² Пац «просил с великим прошением», чтобы резидент не посылал в Москву этой книги и вообще о ней не сообщал. Тяпкин, однако, отправил ее, но в дороге книга и сопроводительное письмо были перехвачены. У дома, где разместились русские дипломаты, был поставлен караул, Тяпкину запрещено было выходить на улицу, о чем он жаловался в письме А. С. Матвееву: «От меня зело скрываются и под смертию заказывают, чтоб со мною никто не виделся».²³

И все же «Муза» попала в Москву! Дело в том, что Тяпкин купил два экземпляра книги²⁴ и второй послал не сразу, а некоторое время спустя, через В. Тимофеева, что видно из записи на сохранившемся экземпляре: «Василий Тяпкин» и ниже «Послано

²⁰ Muza polska na wjazd Jana III do Krakowa. Kraków, 1676. Об этом издании см.: *Pirożyński J.* Nieznany warjant «Muzy polskiej» S. H. Lubomirskiego // *Biuletyn Biblioteki Jagiellońskiej*. Т. 16/1. Kraków, 1964. S. 5–12.

²¹ *Paniegirok najaśniejszemu Królowi a Panu swojemu miłościwemu*. Kraków, 1676. — Первая редакция (1675 г.) перепечатана в кн.: *Trembecki J. T.* Wirydarz poetycki / *Wydał A. Brückner*. Т. 2. Lwów, 1910. S. 158–170.

²² *Понов А.* Русское посольство в Польше в 1673–1677 гг. СПб., 1854. С. 175. — Текст «Музы» цитируется далее по экземпляру Библиотеки ни. Оссолинских (Вроцлав), шифр: XVII-17038-IV.

²³ Там же. С. 192. Ср.: *Darowski A.* Rezydent na dworze polskim w XVII w. // *Darowski A.* Szkice historyczne. Ser. 1. S. 173–175.

²⁴ В письме от 3 апреля 1676 г. он писал, что заплатил «за две пашквилные (по отношению к России. — С. Н.) книги, завомую «Музу», по ефимку за книгу» (РГАДА. Ф. 79. Кн. 178. Л. 369).

из Варшавы 184 июля 8 чрез Василья Тимофеева». ²⁵ В этом экземпляре против стихов, в которых упоминается Москва или русское государство, чернилами поставлены кресты, очевидно, самим Тяпкиным или Тимофеевым, а возможно, и переводчиком Тяпкина Семеном Федоровичем Лаврецким. Отмечены, например, такие стихи: «Z niewierną Rusią tu trudzili zdrowie», «Ze się nam Moskal w posielku nie zbliża» ²⁶ и т. д.

В Посольском приказе был сделан выборочный перевод этих двух панегириков. Кроме отмеченных крестами стихов были переведены и такие стихи или строфы, которые к России отношения не имели. ²⁷ Среди других в экземпляре Посольского приказа помечен крестиком первый стих 31-й строфы («статья», по принятой в Посольском приказе терминологии) «Музы» Потоцкого:

Ze Moskwę takie obleciały tchórze.
Nie same się też lęgną tam sobole,
Nie za Dniepr, ale uciekły za morze,
Kogo srogi strach śmierci w oczy kole.
Wróć się oni znowu na Podole.
W pieszczonem ludzie Tryonie zrodzeni
Wytrwać niewczesnej nie mogli jesieni. ²⁸

Вся октава переведена неравносложными (от 9 до 13 слогов) стихами:

Что Москву тако бы облетели хори,
Не сами там родятца соболи.
Не за Днепр, но ушол бы за море,
Ково велик страх смерти в очи колет.
Не вся Литва в таком позоре,

²⁵РГАДА. Ф. 79. 1676. № 8. Л. 1. — Тут же приписка: «1676 фев<раля> 1. Стихи печатные полские на въезд полского короля Яна третияго в Краков для коронования. Конца нет». Несовпадение дат (книга выслана 8 июля, пришла в Москву 18 августа (РГАДА. Ф. 79. Кн. 177. Л. 481), а в описании значится под 1 февраля) объясняется, очевидно, тем, что событие задним числом «приурочили» к коронации Яна Собеского, которая состоялась 2 февраля. В. Тимофеев — подьячий Посольского приказа (см.: Русский биографический словарь: «Суворова-Ткачев». СПб., 1912. С. 536; *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 514).

²⁶Muza polska. К. С, К («С неверною Русью zde здравие трудили, Стократы там себя дороже учинили», «Что к нам москвитин в помочи не спешит, Как обещал с нами сабли не случит» — РГАДА. Ф. 79. Кн. 177. Л. 482 об., 483 об.).

²⁷РГАДА. Ф. 79. Кн. 177. Л. 481–485 об.

²⁸Muza polska. К. С.

Возвратятца они паки на Подоле.
В нежном обиталищи люди урождени
Вытерпеть несчастливой²⁹ не могли осени.³⁰

Переводчики более всего внимания уделяли, конечно, «укоризненным» стихам. Вот еще несколько строк из «Музы»:

Что к нам москвитин в помочи не спешит,
Как обещал с нами сабли не случит,
Ко общему отзываяся кресту.
Тот нам в казаках обычню шатает веру,
Претворяся в различную харю.³¹

Но переводились и такие места, которые имели отдаленное к России отношение. Проиллюстрируем это большими отрывками из панегирика В. Потоцкого, который следует за «Музой»: «В той же книге в особых строках положено». В этих фрагментах Потоцкий, говоря о заслугах Собеского, уже прославленного в Европе победителя при Хотине (битва состоялась 11 ноября 1673 г.), описывает упадок Польши при прежнем короле Яне Казимире:

Даже до твоего взятия булавы
Никакой Корона полская не имела славы,
Паче безчестье и срамоту вечну,
Когда все вкратце наследник ростерял,
Что Лех храброю рукою собирал.
Где Копцы? Где столпы Болеславовы железны?
Где Днепр? Где Черное, где Варяжское море?
Где победа Грунвалская? Где Собачье поле?
Стыдливы очи Пилавцами колет,
Изметает голубь, дважды отереблен,
Орлу на очи шведов с каплуны
И печальные Корсуни и Жолтые воды,³² злословят фортуны.
.....
Бог пусть на твоей венец утвердит главе
И скиптр, которой в твои дает длани.

²⁹ *Испр.*, в *ркп.*: «несчастливой». В польском тексте — «niewczesnej» (несвоевременной), переводчик прочитал это слово как «nieszczęsnej».

³⁰ РГАДА. Ф. 79. Л. 177. Л. 481 об.-482. — Это первая октава на русском языке (*авававсс*).

³¹ Там же. Л. 483 об.

³² *Испр.*, в *ркп.*: горы.

Пусть благословит, чтоб такова слава
Ныне тебя как прежде от булавы встречала,
А скончав житие, так ж благоволит —
На небе на престоле с святыми посадит,
И видел после себя и тешился, когда
Ов побивая турка, ов крепкого шведа,
Ии дурную Москву, возвратятся с отместием в дом,
Права дальнейшим написав народом.³³

Реакцию русского резидента на подобное освещение военной истории Польши от войн Б. Хмельницкого до 70-х годов XVII в. предсказать нетрудно и, как уже говорилось, сразу по выходе «Музы» Тяпкин высказал свое неудовольствие М. Пацу, а саму книгу с «отпискою» отослал в Москву. После того как письмо и книга были перехвачены, сам Ян Собеский выговаривал Тяпкину: «Мы имеем ясные доказательства, что ты писал ссорные письма».³⁴ Польский король прекрасно понимал, что претензии русского резидента — лишь предлог в дипломатической игре.

Прошло несколько лет, и панегирику Потоцкого опять пришлось сыграть аналогичную роль. В ходе переговоров, которые закончились «вечным миром» 1686 г., польские послы в Москве подняли вопрос о возвращении Польше Киева. В. В. Голицын тут же перечислил целый ряд причин, по которым это состояться не могло, в том числе были упомянуты и «прописки в титуле царского величества», а также книги, «которые на укоризну всему русскому народу печатаются». «В книге, изданной Потоцким, помещены такие речи, что не только говорить, но и вспомнить страшно, например: “неверная Русь, дурная Москва, упрямый москвитянин”. И после этаких нестерпимых, лютых и явных досадительств, — заключал В. В. Голицын, — можете ли вы, поляки, надеяться когда-нибудь получить Киев? Возможен ли между нами вечный мир?»³⁵

По приведенным Голицыным цитатам ясно, что речь идет о «Польской музе», отрывки из которой были переведены на рус-

³³РГАДА. Ф. 79. Кн. 177. Л. 484–485 об. Ср.: Najświęszemu Królowi. K. Lav-M, O₂. — В первом фрагменте три стиха не имеют второго с ними рифмующегося. Эти «холостые» стихи появились, очевидно, из-за небрежности переписчика, так как переводчик заботился о рифмах, которые не всегда заимствованы из оригинала.

³⁴Попов А. Русское посольство в Польшу. С. 189.

³⁵Цит. по: Устрялов Н. История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. 1. С. 158–160.

ский язык, однако «Польская муза» была напечатана анонимно, но Голицын уверенно назвал автором «Потоцкого», т. е. Вацлава Потоцкого (1621–1696). Между тем все польские библиографии и справочники XIX–XX вв. называют автором «Музы» другого крупнейшего поэта конца XVII в. — Станислава Хераклиуша Любомирского (1642–1702). Думается, что источник голицынской атрибуции можно назвать почти безошибочно.

В упомянутом ранее сатирическом цикле стихотворений, переведенном в Посольском приказе в 1677 г. о «Музе» говорится следующее:

Сей волк³⁶ лукавый с своими злодеями,
Что иво хвалят лстивыми «Музами».³⁷

.....
Киев с Смоленском вечно в руках ляжет
У царя за ту «Музу»³⁸ Потоцкого
И за прописки канцлера Паца, будто умиаго.

.....
Тож нам ныне прядет песнь Потоцкого,
Ныне сладки суть стихи Сабеского.

.....
Таковых завоотчиков, понеж благочестиваго
Царя поносили, крови не желающего,
Как ныне нелепая «Муза» Потоцкого
поет на него.³⁹

Именно эти стихи и дали основания для атрибуции «Польской музыки» Вацлаву Потоцкому. Нельзя не удивляться филологической сметке русских переводчиков и дипломатов XVII в., которые провели атрибуцию анонимного польского текста в полном соответствии с научными требованиями. И это была не случайность, русские переводчики вели очень кропотливую работу при чтении польских произведений. Так, в 1677 г. в Посольском приказе было переведено несколько стихотворений из «Небездельного безделья» (1674) Веспасиана Коховского.⁴⁰ Вот ничем, казалось бы, не примечательное

³⁶ В ркп. на поле: король.

³⁷ В ркп. на поле: песни.

³⁸ В ркп. на поле: книга.

³⁹ РГАДА. Ф. 79. Кн. 177. Л. 495 об.-496.

⁴⁰ См.: Николаев С. И. «Небездельное безделье» В. Коховского в Посольском приказе // Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980. С. 251–258.

четверостишие из 38-строчного панегирика «каштеляну краковскому» Анджею Ольшевскому:

В то время, когда два взапуски борцы скоряе
один перед другим прибегали к мете близкае,
твоя им «Ценсура» стать повелевает —
не чужеземец, но свой пусть власть достигает.

А вот комментарий к ним: «Ценсура»: выдана была книга латинским писмом про выборных на королевство полское, между которыми на государское имя блаженные памяти великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича, всея Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, речи напечатаны непристойны, и о том полским камисарам на посолских съездах выговаривано, и полские комисары от той книги, что называется «Ценсура», отпирались, что та книга печатана не в их государстве. И имени у той книги, кто выдал и где и которого году и числа напечатана, нет. А ныне в тех похвалных стихах, написанных ему, Андрею Олшовскому, объявилось, что та книга латинская, что называется «Ценсура», его, Андрея Олшовского». ⁴¹ Таким образом, атрибуция «Польской музы» была проведена по отработанной и вполне убедительной методике.

Усилия русских переводчиков-дипломатов были оценены только в конце XX в. Именно материалы Посольского приказа послужили толчком, а затем и основным аргументом для атрибуции «Польской музы», ⁴² и в 1996 г. это сочинение было впервые издано под именем Вацлава Потоцкого. ⁴³

Неизвестный польский поэт, автор упомянутого цикла сатирических стихотворений, предугадал, кстати говоря, и реакцию русских на «Музу»:

Тот Собеского славу писаньем прославлял.
Хотя здох с отчаяния, нам много лиха наделал.

⁴¹Цит. по: *Николаев С. И.* Польская поэзия в русских переводах. С. 49. Речь идет о книге «*Censura candidatorum sceptri Polonici*», которая действительно была издана в 1669 г. анонимно и без выходных данных.

⁴²См.: *Karpiński A.* Sobieski — nie napisany poemat epicki Waclawa Potockiego. *Sladem atrybucji «Muzy polskiej» // Barok.* 1994. N 2. S. 71–84. См. также переиздание статьи в расширенном варианте: *Karpiński A.* Tekst staropolski. *Studia i szkice o literaturze dawnej w rękopisach.* Warszawa, 2003. S. 96–112.

⁴³*Potocki W.* Muza polska na tryumfalny wjazd najasniejszego Jana III / Wydal A. Karpiński. Warszawa, 1996.

Будет нам опять, хотя царь не живет —
сын шею отсечет.

Опять, бедная Литва, ты потети будеш
И честных сынов к тому коронных приведеш,
Изопьеш морсу, уготовленного
через Потоцкого.⁴⁴

Из приведенных выше фрагментов видно, что переводчики Польского приказа не замыкались в пределах узкой темы «gossica». Доказательством этого служит, например, перевод стихотворения «Дума. Творение благодарения Господу Богу за победу, одержанную пот Хотинем ноября 11 дня лета Господня 1673-го от поляков над Усейн пашею. Сим напевом поют как и о князе Корецком».⁴⁵ в котором не только подробно освещен ход знаменитой битвы, но и перечислены полководцы и отличившиеся в бою. Вот момент битвы: турки опрокинуты и бегут к Каменцу,

Тамо их литовские хорунг<в>и встречали,
Главы с чалмами от сабель летали;
Гетман Радзивил палашем одного —
взял бунчук его.⁴⁶

Во всей «Думе» (174 стиха) нет ни одного упоминания о России. Этот текст переведен по той причине, что стихотворная информация была тогда наиболее быстрой и полной. Например, Збигнев Морштын, выпуская в свет в 1674 г. второе издание «Славной виктории над турками под Хотинем», значительно расширил текст. Родные и знакомые присылали ему списки раненых, убитых и отличившихся, сам он неоднократно встречался с участниками битвы для того, чтобы полнее воссоздать ход боя.⁴⁷ Как раз такая информация и была нужна нашим дипломатам, да и не только им. «Дума» проникла в XVII в. в русские рукописные песенники. Из-

⁴⁴РГАДА. Ф. 79. Кн. 177. Л. 495.

⁴⁵Там же. Л. 446–450 об. Польский оригинал: Pieśń o szczęśliwym zwycięstwie z Turków w dzień Świętego Marcina pod Chocimem roku Pańskiego 1673 otrzymanym. Nóta jako o książęciu Koreckim. S.l., s. a. — Сличение делалось по экземпляру Библиотеки им. Оссолинских (Вроцлав), шифр: XVII-5690-II.

⁴⁶РГАДА. Ф. 79. Кн. 177. Л. 448.

⁴⁷См.: *Pelc J. Zbigniew Morsztyn na tle poezji polskiej XVII w.* Warszawa, 1973. S. 258–283.

вестна ее транслитерация в песеннике 1680-х годов.⁴⁸ Приведем для сравнения цитированную выше строфу по тексту песенника:

Там их литевские хоронгве витали,
Гловы в завоях од шабел лятали;
Гетман Радзивил палашем еднего,
взиол бунчук его.⁴⁹

Исключительно внутривосточной ситуации в Речи Посполитой посвящен и сатирический цикл «Перевод с польского письма с виршов, каковы писаны па бесчестье королю польскому, и королеве, и послу французскому, и бискупом и сенатором, а присланы те вирши чрез виленскую почту в нынешнем во 185 <1676> году октября в 8 <день>»,⁵⁰ который был переведен в 1676–1677 гг. Этот большой цикл (около 900 строк) представляет интерес для истории не только русской поэзии, но и польской, так как есть основания полагать, что он сохранился только в переводе, сделанном в Посольском приказе.

Оригинала среди печатных произведений, посвященных Яну Собескому — главному герою этого цикла, — отыскать не удалось,⁵¹ и вряд ли он был напечатан — тогда в переводе бы значилось, как обычно в таких случаях: «Перевод с польского письма с *печатной* тетради». Скорее всего, Тяпкину в руки попала рукописная тетрадь, в которой были собраны стихотворения разных авторов (двух или трех).

Окказиональная поэзия того времени изучена довольно неплохо, но интересующие нас тексты в литературе не указаны. Не упоминает о них К. М. Гурский в исследовании «Король Ян III в польской поэзии XVII в.»,⁵² не значатся они и в Картотеке польской литературы XVI–XVIII вв., составляемой по рукописным материалам в Институте литературных исследований Польской академии наук

⁴⁸Текст по рукописи РНБ. Собр. Погодина. № 1974 опубликован в: Позднеев А. В. Светские польские песни в русских рукописных песенниках XVII в. // Польско-русские литературные связи. М., 1970. С. 65–67.

⁴⁹Там же. С. 66.

⁵⁰РГАДА. Ф. 79. Кн. 177. Л. 486. — Далее ссылки с указанием листов рукописи даются в тексте. Текст стихотворного цикла помещен в Приложении.

⁵¹См.: *Estreicher K. Bibliografia polska*. Т. 28. Kraków, 1930. S. 355–371.

⁵²См.: *Górski K. M. Pisma literackie*. Warszawa, 1913. S. 1–187. Ср.: *Klimaszewski B. Jan III Sobieski w literaturze polskiej i zachodnioeuropejskiej XVII i XVIII wieku*. Kraków, 1983.

(Варшава).⁵³ Не был известен этот цикл и самому авторитетному знатку польской окказиональной поэзии Ю. Новаку-Длужевскому, который не пишет о нем ни в библиографии старопольской окказиональной поэзии, составленной преимущественно по рукописным источникам,⁵⁴ ни в шестом томе своего монументального труда «Окказиональная политическая поэзия в Польше», который посвящен второй половине XVII в.⁵⁵ Таким образом, мы имеем дело с неизвестными произведениями польской демократической сатиры. В самом этом факте нет ничего исключительного. В Польше при Яне Собеском ходило по рукам множество направленных против него сатирических стихотворений, которые, кстати, изымались и публично сжигались.⁵⁶ Неудивительно, что некоторые из них могли сохраниться только в переводе. Вместе с тем находки и публикации польских сатирических стихотворений до сего дня не редкость в науке.⁵⁷

Для точной датировки и атрибуции цикла исчерпывающих данных нет, но все же возможна довольно убедительная «локализация» всего цикла в общеполитической обстановке в Польше. В тексте упоминается коронация Яна Собеского (л. 504 об.), которая состоялась 2 февраля 1676 г.; о царе Алексее Михайловиче говорится, что он уже умер (л. 495), поэтому датировка всего цикла 1676 г. сомнений не вызывает. *Terminus ante quem* дан в заглавии перевода: «Присланы те вирши чрез виленскую почту в нынешнем во 185 году октября в 8 <день>», т. е. 8 октября 1676 г. *Terminus post quem* можно извлечь из стихотворения «Поздравление Яну Третьему, королю полскому, возвращения его из французской земли в

⁵³ Этими сведениями мы обязаны любезности составительниц каталога М. Захары и К. Мрочек.

⁵⁴ См.: *Nowak-Dłużewski J. Bibliografia staropolskiej okolicznościowej poezji politycznej XVI-XVIII w. Warszawa, 1964. S. 65–78.* См. также раздел, посвященный Михаилу Вишневецкому (Там же. С. 56–64). — Отметим, что в библиографии учтены стихотворения, насчитывающие несколько строк.

⁵⁵ См.: *Nowak-Dłużewski J. Okolicznościowa poezja polityczna w Polsce. T. 6: Dwaj królowi rodacy. Warszawa, 1980.*

⁵⁶ См.: *Korzon T. Dola i niedola Jana Sobieskiego (1629–1674). Kraków, 1898. T. 3. S. 11.* — На русском языке имеется основательная работа, в которой можно найти общую характеристику сатирической поэзии в Польше. См.: *Чернобаев В. Г. Политические пародии в старой польской литературе и на Западе // ТОДРЛ. Т. 3. М.; Л., 1936. С. 255–333.*

⁵⁷ См.: *Śliziński J. Sobiescianum z roku 1674 // Odrodzenie i Reformacja w Polsce. T. 22. Warszawa, 1977. S. 203–205.*

Варшаву 1676 году июля в 8 день» (л. 503 об.–506 об.). Хотя Ян Собеский не покидал тогда пределов Польши, и это лишь намек на его профранцузскую ориентацию, можно полагать, что стихотворение написано после 8 июля 1676 г. Следовательно, цикл был составлен не ранее 8 июля и не позднее 8 октября 1676 г. Анализ цикла не только подтверждает такую датировку, но позволяет и уточнить ее.

Исследуемые тексты относятся к редкой разновидности сатирической поэзии, которую можно условно назвать «солдатскими стихами». Трудно указать, к какой из нескольких существовавших тогда в Польше политических группировок принадлежит автор (или авторы), ибо весь комплекс текстов — безжалостная и беспощадная сатира на короля и королеву, духовенство — от папы до ксендзов, на гетманов, сторонников короля и его завязтых противников и т. д.

Автор только однажды говорит о себе, что он «мирской» и служит в армии 4 года (л. 493 об.), т. е. с начала польско-турецкой войны 1672–1676 гг. Во всех остальных случаях он выступает от имени войска: «нам, жолнером» (л. 487 об.), «а мы, квартяные» (л. 511); речь его явно звучит в военном лагере: «... тогда просим вас, ксендзы, до обозу» (л. 510). Обращаясь к краковскому епископу Анджею Тшебицкому, автор укоряет его: «Сам бы ты, бискупе, нужды отведал, в войске побывав, трупе, умел бы ты, как жолнера почитать, сена не давать» (л. 509 об.). Одно из стихотворений называется «Ответ некоего служивого х королю» (л. 507 об.–508), другое — «Ответ и мысль всего войска» (л. 508–509 об.). Во втором говорится, между прочим:

Пусть же слепит (Ян Собеский. — *С. Н.*) лестьцов-полковников,
Ротмистров кормит, будто бы мясников;
Нас накормил часто мертвою кониною,
смердную псиною.

.....
Так вы, тыране, что хлеб наш ядите,
Только б нас в обоз, сами не глядите,
Сами в банкеты, в вина и в бастры,
а нас на пож острый
(л. 508, 509).

Значит, эти стихотворения возникли в среде «ратных людей» (л. 486 об., 497 об.), в солдатской массе, голодной и обнищавшей,

которой государство задолжало уже несколько миллионов золотых платы («кварти», одной четвертой части доходов короля, отсюда и название войска — «а мы, квартияные»; хотя само название «квартияное войско» было отменено в 1658 г., оно еще долго держалось по традиции). Деньги и вообще казна часто упоминаются в цикле в самых разных контекстах. Это позволяет уточнить датировку цикла.

Значительное место в цикле отведено жене короля Марии Казимиры, урожденной д'Аркьен, которая прибыла в Польшу в 1646 г. десятилетней девочкой в свите Людвиги Марии, жены Владислава IV. Три десятилетия спустя и она стала польской королевой, проводившей, иногда независимо и в тайне от короля, свою политику. К королеве в Польше относились крайне недоброжелательно и даже враждебно, небезосновательно считая ее главным проводником профранцузской линии в Польше.⁵⁸ Поэтому, когда летом 1676 г. королева отправилась на лечение за границу, по всей стране поползли слухи, что она вывозит казну, а король только и ждет ее отъезда, чтобы окончательно погубить Польшу и бежать во Францию.⁵⁹ 21 июля 1676 г. королева в сопровождении короля и посла Франции марсельского епископа Форбен Жансона выехала в Гданьск. В тот же день в Гданьск прибыл из Франции еще один посол — маркиз де Бетюн, женатый на сестре Марии Казимиры. Оценив ситуацию, он отговорил королеву от поездки, о чем доносил Людовику XIV 5 августа. В начале сентября королева в сопровождении двух французских послов отправилась в имение Собеских недалеко от Львова. По нашему мнению, именно этот эпизод описан в первом стихотворении цикла:

Златы поляком лучи солнце испуцает,
Из Гданьска едина нам надежда приезжает.

.....
Казну покраденную назад всю привезла
(л. 487, 487 об.).

⁵⁸Тяпкин, например, писал А. С. Матвееву, что при коронации, «стоя меж сенаторов и воевод», он «наслушался много басен <о Марии Казимире>, их же неудобь возможно писати» (*Попов А.* Русское посольство в Польше. С. 172).

⁵⁹См.: Описание жизни Иоанна Собеского, короля польского, сочиненное г. аббатом Кое. СПб., 1773. Ч. 2. С. 108–109; *Archiwum spraw zagranicznych francuskie do dziejów Jana III / Wydał K. Waliszewski.* Т. 3. Kraków, 1884. S. 275.

Если это допущение верно, то *terminus post quem* следует перенести на начало сентября 1676 г.

Можно уточнить и *terminus ante quem*. В цикле неоднократно упоминается Львов, а одно из стихотворений называется «Песнь львовская, которую казаки сложили» (л. 490 об.). Судя по всему, лагерь, о котором идет речь в цикле («обоз»), — военный лагерь подо Львовом. Ян Собеский стал собирать там войска как раз в начале сентября, а сам прибыл туда 17 сентября, 25 сентября началась осада турками Журавно, где заперся Ян Собеский с армией. Осада окончилась 17 октября 1676 г. польско-турецким договором, по которому Польша перестала платить ежегодную дань, получила назад Подолье, которое отошло к Турции по бучачскому договору 1672 г.⁶⁰ Между тем в тексте о военных действиях речи нет. Более того — король «сам за зайцы гоняет, а нам велит к бою. Ныне в Яворове (имение Собеского. — С. Н.) на удах сидит, на сельди глядит» (л. 510 об.), т. е. короля еще в лагере нет.

Эти наблюдения можно суммировать следующим образом. Сатирический цикл мог быть составлен в период с 8 июля по 8 октября, а завершен в лагере подо Львовом в первой половине сентября 1676 г., вероятно, сторонником Вишневецких — умершего короля Михаила, и Дмитрия Вишневецкого, «польного» (а затем и великого) коронного гетмана, с которым автор большей части стихотворений знаком и которого хотел бы видеть польским королем вместо Собеского:

Знаюся с польным корошым гетманом,
Лучши жить стапет з Дмитром, нежели с Яном.
Перво князь Дмитрий пусть себя исправит,
Как гордость скинет, Бог духа свята вправит
(л. 502 об.).

Возможно, что этот цикл и есть упоминавшееся выше «Письмо виршевае уставом полским» (т. е. рукописное), которое Тяпкин выслал 15 сентября 1676 г., а к 8 октября оно вполне могло попасть в Москву.

Датировка сочинений подобного рода должна быть очень осторожной, так как в них вообще много противоречий, в частности хронологических. В данном случае это и «возвращение» Яна Со-

⁶⁰См.: *Woliński J. Z dziejów wojen polsko-tureckich*. Warszawa, 1983. S. 163–181.

беского из Франции, хотя он там не был; «Песнь львовская» может быть отнесена к лету 1675 г., так как в 1676 г. королева там не была и т. д. В только что приведенном фрагменте также есть анахронизм: Д. Вишневецкий был «польным» коронным гетманом до 2 февраля 1676 г., а после коронации Яна Собеского был назначен великим коронным гетманом, «польным» же стал Станислав Яблоновский, между тем датировка текста временем после 2 февраля 1676 г., т. е. после коронации, сомнений не вызывает.

Однако перед нами памфлет, а не историческое сочинение. Перевод сохранил то, что вообще редко попадает на бумагу, — стихию устной культуры, то, что в фольклористике принято называть «слухи и толки». Отсюда — не только хронологические сдвиги, но и явно преувеличенные слухи о распутстве короля, королевы и их приближенных, продажности, пьянстве и т. д. Вместе с тем в этом цикле видны все те противоречия, которые раздирали Польшу, подробно описано настроение в армии и т. д. И самое главное, стихотворный цикл дает ответ на вопрос: кто есть кто? Для той дипломатической деятельности, которой занимался Тяпкин, была необходима именно такая сиюминутная информация.

Памфлет «на потребу дня» иногда освещает те явления, которые не попадают в официозный отчет, да и появляется он зачастую быстрее. Русские дипломаты читали и то и другое, читали придирчиво и со знанием дела, что видно по «реальному», а иногда и «филологическому» комментарию к переводу (см. Приложение).

Посольский приказ на протяжении всего XVII в. был литературным центром;⁶¹ подвизались в нем и поэты, например Алексей Романчуков, который занимался литературным творчеством как частное лицо,⁶² к тому же кругу относится и самозванец Тимофей Акундинов. Но эта школа исчезла после никоновской реформы, и хотя традиция была жива, переводы, сделанные в 70-х, нельзя возводить к приказной школе 30–40-х годов. Переводчики того времени — в основном иноземцы на русской службе, хотя были среди

⁶¹См.: *Кудрявцев И. М.* «Издательская» деятельность Посольского приказа // Книга: Исследования и материалы. М., 1963. Сб. 8. С. 179–244; *Морозов Б. Н.* Из истории русской переводной научной и технической книги в последней четверти XVII — начале XVIII в. (Архив переводчиков Посольского приказа) // Современные проблемы книговедения, книжной торговли и пропаганды книги. Вып. 2. М., 1983. С. 107–124.

⁶²См.: *Панченко А. М.* Русская стихотворная культура XVII в. Л., 1973. С. 35–42.

них и русские, в том числе поэты (например, Л. Т. Голосов). Так, в 70–80-х годах в Посольском приказе польский язык знали Семен Лаврецкий, Григорий Кульчицкий, Иван Гуданский, Гаврила Дорофеев, Иван Васютинский (в 1677 г. они перевели «Великое Зерцало»), Стахей Гадзаловский (в 1685 г. перевел «Гиппику»), Степан Чижинский (в 1691 г. перевел «Выдание о добронравии» Яна Жабчица), Петр Долгово и Иван Тяжкогорский. Латинский язык знали Леонтей Гросс, Юрий Гибнер и Николай Спафарий. Напомним, что в эти годы в Посольском приказе было в среднем около 20 переводчиков, в том числе с польского — 3 или 4.⁶³

Пока нет возможности указать, кто именно какие стихотворения перевел, поскольку все они рассматривались как документы («вести» или «авизы») и читались наряду с дипломатической перепиской, сеймовыми конституциями, универсалами, политическими сочинениями и неизбежно сопровождалась комментарием. Впрочем, иногда он носит чисто индивидуальный, «читательский» характер, что очень важно.

Кроме несомненной для русской поэзии жанровой новизны отметим еще одну особенность посольских переводов — поэтику барочной поэзии. Характерна жалоба Тяпкина на то, что ему трудно достать верные сведения, поскольку «много составных проектов рассеивают каждый по своему желанию чрез обычные свои вертоглавные концепты».⁶⁴ Эта фраза поистине замечательна, ибо она свидетельствует о знакомстве Тяпкина (хотя бы практическом) с теорией концептизма. Тяпкин был человеком образованным, знал польский и латынь, а сын его, который и учился в Польше, однажды произнес столь искусную речь по-латыни, что Ян Собеский наградил его сотнею золотых червонных и 15 аршинами красного бархата.⁶⁵ Таким образом, барочную поэтику и риторику они знали и понимали, и «вертоглавный» не означает «невразумительный»: здесь подразумевается то, что концепт сложен для прямолинейного толкования, недаром, кстати, наши дипломаты вступали в «филологические» споры с польскими дипломатами, толкуя значение того или иного слова. И награду сын Тяпкина мог получить лишь в том случае, если превосходно владел «вертоглавными концептами». Тяпкина, как и других сотрудников Посольского приказа, они не

⁶³ См.: Белокуров С. А. О Посольском приказе. С. 136–138.

⁶⁴ Соловьев С. М. История России. Кн. 6. С. 518.

⁶⁵ Там же. С. 521.

устраивали как дипломата, а не как человека определенной культурной системы. Недаром художественно наиболее совершенны и ценны переводы сатирических стихотворений, не связанных с русской тематикой. Особенно замечательны переводы из книги «Небездельное безделье» (1674) одного из крупнейших мастеров польского барокко В. Коховского.⁶⁶

Переводчики успешно справлялись со своей задачей, сохраняя стихотворную форму оригинала, сапфические строфы или октава не представляли для них трудностей. Единственная особенность переводов Посольского приказа — в них нигде не выдержан изосиллабизм, что и для польских и для русских профессиональных поэтов уже было нормой.

Переводчики Посольского приказа не были скованы правилами и эстетическими запретами школы Симеона Полоцкого. Перевод был для них обыденной работой, наряду с «Книгой конской езды» они переводили стихотворения Коховского, и эта работа была для них равносильна. Однако стихотворный перевод имел свою специфику: он был выборочен. Причем выборочен не только в том смысле, что выбирались нужные места для перевода (это понятно), а в том, что в оригинале выискивалась и свободно передавалась основная идея (смысл): брались стихи или полустихия из разных мест оригинала, при этом делались пропуски и даже добавления. Такой перевод можно назвать точным и ясным сокращением, чем-то вроде резюме оригинала. Однако отметим, что эта тенденция ощутима лишь в переводе стихов нейтральных или сатирических, тогда как стихи информативные (с «бесчестьем») переводились точно, вплоть до пословного перевода.

Переводы польской политической поэзии уже в силу своей специфики не могли получить широкого распространения, однако перевод латинских стихов на въезд Яна Собеского в Варшаву, присланных Тяпкиным, читается в одном сборнике начала XVIII в. среди слов на праздники и высокаторжественные дни Димитрия Ростовского, Феофана Прокоповича и др.⁶⁷ У сына Алексея Михайловича, Алексея Алексеевича, было «Описание коронации поль-

⁶⁶ См.: Николаев С. И. 1) «Небездельное безделье» В. Коховского в Посольском приказе. С. 251–258, 2) «Посмеятельные слова» В. Коховского в русском стихотворном переводе 1677 г. // Русская литература. 1980. № 1. С. 121–126.

⁶⁷ РГАДА. Ф. 79. Кн. 177. Л. 520–522; РНБ. Соловецкое собр. № 927/1037. Л. 277–278 об.

ского короля Михаила». В 1691 г. переводчик Посольского приказа С. Ф. Чижинский, известный также в истории русского театра, перевел сборник ритмизованных афоризмов Я. Жабчица «Выдание о добронравии», который известен в 18 списках, и т. д. Эти далеко не полные данные говорят о том, что произведения, переведенные в Посольском приказе, могли распространяться и распространялись. Самый яркий тому пример — «Великое Зерцало». Это относится и к переводным стихотворениям, дальнейшие разыскания, очевидно, подтвердят это.

В Приложении публикуется цикл сатирических стихотворений о Яне III Собеском, королеве и других лицах, переведенных в Посольском приказе в период с октября 1676 по сентябрь 1677 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ

**Перевод с полского писма с виршов, каковы писаны
на бесчестье королю полскому, и королеве,
и послу французскому, и бискупом, и сенаторем,
а присланы те вирши чрез виленскую почту в нынешнем
во 185 [1676] году октября в 8 день**

Иоанна первого, короля полского, седмопоясия победителственнаго
королевственный верх.

Окаянный Яне, ослепл еси рано,
Аще бы от Бога имел себе дано,
Могл бы отучить хвост своей супруги:
Присел к ней француз, а с ним бес безногий.
Естьли можеш, отрешь, пусть не окуривает,
Полшу с Литвою не обуривает.
Наклонь шею, не ленись, отучи от флюндер,
Не поможет ти тогда твой герценбрудер.¹

А в лице написан король с поднятою рукою, возле него королева, положи правую руку на плечо, над королем над плечами струны, над королевою скрипичной смык. Возле королевы французской посол в скрипицу играет, над ним скрипица ж. У королевы саянной подол обвился х

¹ В ркп. на поле: брат сердешный.

коленом французского посла. Под королем ратные люди грозят на него, поверх их написано:

Струны окоянные — Ян, лукавый волк,
Злая Козимира — французский смык. //
В скрипицу и в дуду сам француз играет.
А народ в Полше и в Литве рыдает.

Под послом (так! — С. Н.) посла французского написано:

Факция² говорит: «Я престать не могу,
Пока дьявол выломит мне другую ногу».

Под тем подо всем:

Златы поляком лучи солнце испущает,
Из Гданска едина к нам надежда приезжает.
Веселится и небо, красно уставляясь,
Напаяет³ же сушу, в дождах изливаясь.
Светло небо облаки темны разгоняет,
Суши плоды, росами кропя, напаяет.
Когда небо весело и всяк веселится,
Королева приходит — всяк весел быть тщится. //
Дайте партесы, ноты, петь буду веселы,
Плещите, руки! ноги, дрягайте, дебелы!
От главы начнем перво, ясне веселися,
Велика бо причина, трижды обратися.
Казну покраденую назад всю привезла,
Прийми хвостом, а отдай нам, жолнером, без зла.
Не королю принесла токмо добры песни,
Принесла и нам светлы, варшавяном, вести.
Принесла мир от турка и покой святой,
Чай, от теплиц⁴ сей страх нам принесла взятый.

ПЕСНЬ ПОЛСКАЯ И ИГРА НЕПЛОХА ЛИТОВСКАЯ

Ян Собеский — струны,
Жена его — смык,
Полша с Литвою — скрипица,
Король французжской игрец. //

² В ркп. на поле: тайной промысл французской или посол.

³ Испр., в ркп.: напаяет.

⁴ В ркп. на поле: теплые воды.

Разумен от Бога, глуп от здешняго мира,
Злый безбожник, не глядит, хоть от спекулятора
Или от дьявола дела начинает,
что бес всеваает.

Хотя ты, Яне, от третья состава,
Корень имаши дел с моего устава.
Не начну от дьявола се стиха твоего
для Бога моего.

Хочю от мира начать, яко и шут шутить,
Покамест тя Бог твой ис кожи не вылупит.
Сей старой шалбер четвертой меж вами,
той тя обманет.

Игрец, Смык, Струны,
Четвертой дьявол хромый.

От смыка начну, в ыгреце помолчю,
На струнах удивлюся лукавству волчю,
Понеж смык склад один, а в смыке литеры⁵
всего четыре. //

Начал бы от игреца, понеж начало
Того согласия не ново зачало,
А не от смыка, пулноного делишка,
конского волосишка.

Но как трудно молвити слово смык без еры,
Кроме хотя остались в лишке три литеры.
Так трудно игрецовых поступков составы
описать з главы.

Игрец — король французской, а смык — королева
Или Собеская бывша маршалкова,
А господин Собеский — горки наши струны,
под смык готовы.

Королем тебя, Яне, назвать не вем, како,
И твою своеволну кобету⁶ инако,
Самые поступки по вас объявили,
волче хишливый.

Свидетельствует щастье за вашим урядом,
Видим очима, что Бог дал то своим судом,
За наши грехи короля-тырона⁷
дал нам за пана. //

⁵ В ркп. на поле: слова из букв.

⁶ В ркп. на поле: королеву называет кобетою или блудницею.

⁷ В ркп. на поле: мучителя.

Знатно по самом имени Янове,
 И кто где слышал в прозвании такове,
 Чтобы Ян был в свете победитель славный,
 предстатель давный?
 Хишных волков славою он не прославляет,
 Чюжой чести хищников он не величает,
 И Иоан святыи в обиду Михаила
 не даст сначала.
 То имя Витольд или гром вторый
 Олгерт, Едимин и Стефан Баторы,
 Адолф и Август, Кoryбут, Болеслав
 или Владислав,
 Генрик Ретко, Казимир, Михайло,
 Что им Бог дал, то и тебе достало,
 Напихал свое брюхо пацовскою славою,
 сиди ж под лавою.

ПЕСНЬ ИСТИННАЯ

И жена твоя угодила в име —
 Что Казимира, о том дивно в Риме,
 Чево Казимир не искажил глупый,
 она долупит.
 Но советую, Яне, буди Болеславом,
 Как некогда бывало с святым Стапиславом,
 Учиии над Требицким, страшным прожорою,
 лстивым Июдою.
 А буде на год нам вас еще станет,
 С⁸ твоим пакостным смыком, хищный Яне,
 Пропадем все, для того пропади ты скорей,
 не мути болей.
 Естьли при Казимире, короле преславном,
 Кровью, высочеством не тебе ли равном,
 Понеж не во время на престол нам дали,
 долго рыдали. //
 Сверх того, хто ты и хто твоя пани?
 И счастье ваше видите вы сами?
 Мы видим, так Бог милосерд над вами,
 как вы над нами.
 Что сотворил еси Михайлу славному,

⁸ В ркп. написано дважды.

Поистинне нам Богом помазанному?⁹
Выпьеш и сам питье отравленно,
тебе уготовленно.
Покамест сей конь з барана не зсядет,
Пота нам в тяжкой нужде скакать будет.
Струны из барана, а смык ис хвоста,
проходи хоть спроста,
Которой казаки на стыд нам и тебе
От ея доброт сплели венец себе,
Скоро узнали, хто строит банкеты,
пущает ракеты. //

ПЕСНЬ ЛЬВОВСКАЯ,
КОТОРУЮ КАЗАКИ СЛОЖИЛИ

Ни в Варшаве, ни в Кракове
Не видали дива, как во Льове,
Коли королева выезжала,
Своего милиша провожала.
Простец король, беса знает,
Кого посол обнимает.
Гей, королева черноока,
Бережеш крепко французского бока.
Ой, наши жонки дивились,
От королевы того не надеялись:
Держит посла за ручище,
А он у ней в распоре ищет.
Для того Польша нездорова,
Бегает за быками, что корова.

БРЕ, МОРЕ, БРЕ!

Смык как в руки крепки достанется,
Трещит, там и струна порывается,
Хотя мертвой лошади волосы бывают,
смыком называют. //
Смыком покойна и Казимилова,
Хотя породю была королева,
А за доброту, как волосы в смыке,
имя ее кликнем.

⁹ Испр., в ркп.: помазанному.

Резала струны, когда королем владела,
Сколь та народу игра была мила:
Скакала бедна Полша многи годы,
тож и сего дни.
Бог, наказуя, дал сома¹⁰ з болота;
Умилостивись, Боже, гинет голота!¹¹
О, Великая Полша, когда так стонала,
а ныне обедняла.

РОД ГНИНСКИХ ТОЛЬ СТАР И СЛАВЕН, КАК И СОБЕСКИХ

Не див, что сенат полской ослепленный
Любит пьянство, разум их бешеный,
Не дивно, что лалял зерньшик Сиявской
казак запорожской. //
Не диво, что и Ян з зависти поносил
Святаго короля, диявол то в них вносил,
Дивно — Гнинской глотал честь его
сабакою из него.
Естьли слеп разум в главе у ково есть,
Сколь велик дом их, всяк им то повесть.
Сколь велик, Гнинской, твой, тех Собеский
сынок был мейский.¹²
Кто был Михайло? Которого рода?
Тех князей светлость та ли порода?
От Корибута ль? Сабезский хотя горою —
королем Михайло.
Когда б не ослепл Гнинской,
Вознеслься женою,
Хотя ис сената с пехотою храмою,
Мня себя богата, рекл ли бы сетование
о том немало.¹³
Дивно, реку, ложному словеси духовному
Ныне примасу, ксендзу Ольшовскому:
«От колико, де, сот лет не имели такова
сих мер короля».
А ныне развратник и на нас уже шьет

¹⁰ В ркп. на поле короля называет.

¹¹ В ркп. на поле бедные люди.

¹² В ркп. на поле: мещанский.

¹³ В ркп. вся строфа написана на поле.

Усты своими смрадными, и на него кует
 Каштелян наш бреской, тут же подкоморье,
 коронной переговорье, //
 Сарновской и иные, которых он, хитры,
 Волк лукавый, подолстил, а не дал ни выдры.
 У их краковской бискуп старая то беда,
 шипит, что змея.
 Но мы псов таких, двоеличное дело,
 В свой не примем союз, почтем в басни смело.
 Идите к чорту за кривым Пражмовским,
 изменником полским,
 Которой ловлею бутто¹⁴ упражняет,
 Уже постерегли, чего нас доставляет:
 Французские люди начальные милы,
 а наши гнилы.
 Один ово товариство лошедми опали,
 А пришед к нему, призрения прошали
 И волк молвил: «За что дал мушкеты — возьмите,
 тогда и плату берите».
 Твоему бруху треснуть, Яне, как Июде,
 Твоя погибель, а не наша будет,
 Хотя б промышлял, как Казимер з женою,
 пропадеш с нею. //
 Те обманы знаем и ловли в поле,
 И ты узнаеш, как будет по короле,
 Христос сокрушит татарской загон,
 от тебя-то полон.
 Или не моршалока Любомирской славной
 Выше курицы, а в поли прехвалной
 Тесть, что обезьяна умная росправа,
 Дынофом¹⁵ слава.
 На договорех с послы Хмелницкого
 Взял буздыганом в груди от Потоцкого,
 Князь Констянин¹⁶ свадьбу готовит,
 король нарочит.
 И Морштен¹⁷ часто на мысль мне приходит,
 Гладок, пригож, в сенате,¹⁸ бутто теля, ходит,

¹⁴ В ркп. далее зачеркнуто: ся.

¹⁵ В ркп. на поле: Дыноф подкомори коронной.

¹⁶ В ркп. на поле: Вишневецкий.

¹⁷ В ркп. на поле подскарбей коронной.

¹⁸ Испр., в ркп. санате.

Но лукавство в немъчине, право, не телячье,
 хотя нос козлячей.
 Есть ему с чево полаты созидать —
 Труды наши кровавы умеет задержать,
 Ведаю, что король любит, хвалит пан саюцкой,
 так же полоцкой //

Господин воевода, хотя он у зайца
 Ушей занял, а речь так будто сладкопевца.
 Другой Радивил, хотя очима мигает,
 лгать уже не возмогает.

Назад осматриваясь, бедной сендомирской
 Говорит толко: «Где наш Любомирской?»
 Человек жирной, каштелян краковской,
 третьей пан лвовской.

Мы-де дураком власти не хотим мешати,
 Яну Гнинскому у дверей с подтиркою стояти,
 Там же Синявской, зерщик то старый,
 пусть подтирает.

Конецъполской з Грузинским, хотя обеднял,
 Немного в костеле в рыло сому¹⁹ не дал,
 За то еще староста Грабовецкой грозит,
 а король его возит.

ПУСТЬ БУДЕТ МЕЖДУ СЛЕПЫМИ И ЕДИНОГЛАЗЫЙ КОРОЛЬ

Чего не учинят велможи, когда толика яти дерзают, естли духовные те бредни пишут. Для чего мне, мирскому, четвертого не исполнити году, служа в том чину и правду изьясняя с Яном Замойским, дедом твоим; противу Шереметева у Чюднова, чаю, блюдо лизал с пресветлейшим Яном Казимиром, против Москвы и казаков за Днепром з бою жестокого лесом убежал еси. А буде правда говорить, кто тебя знал или слышал?

А ты, княже Димитрий, корыбуцка слава,
 Перестань усы тянуть, понеж отравя
 И тебе равно так же есть уготованна,
 как и для пана.

Будь осторожен и в грехах покайся,
 Что был еси зол, горд, в карты играть опасайся, //
 Поплачь пред Богом и житие исправи —
 Бог ты прославит.

¹⁹ В ркп. на поле: королю как был моршалком.

Толко в молитве день и ночь пробуди,
А бедных людей меры полнить не забуди,
Будь благочестив, а стыд и сором знай,
в карты не играй.
Соблюл бы Господь от злых рук Михайла,
По се б время память его пребывала,
Когда бы в тебе княжой поступок был,
так бы ты владел.

ПЕСНЬ ИСТИННАЯ

Вещь сия драгая французской работы,
Будет ея Бог весть до коей субботы,
Ис конского хвоста та волосина
в золото оправлена.
Хотя дешев сандал, но в золото обделан,
Тот играет смыком, от кого он зделан,
Заморское древо не одному око
выколет глубоко. //
Гораздо накололся и князь Дмитрий смелый,
Костянтину не дивно, дурачок тот целый.
Воля в том божия, вольно ему золото
бросить в болото.
Дивно, что Димитр одурел немало,
Пред Собеским дрожит, будто конь с пострела,
А как у себя о чем с нами радит,²⁰
ус гордо гладит.
Казнил вас Господь за ваши злобы,
Что не выпросим денег за наши службы,
Лутчи зернью и карты проиграть Салеге,
тем еси беден.
Отнял вам Господь чести вашей степень,
Вверже в вас буйство, будто в море камень.
Где ваше сердце, литовские паны?
Все ныне блазны.
Похотел было оспорить Пац храбрый,
Но²¹ Родивил (с предков изменник то старый!)
Промыслом войско бунтовал в полю,
зять бо королю. //
Дивно то сталось тебе, Конецьпольской.

²⁰ В ркп. на поле: советует.

²¹ Испр., в ркп.: на.

Где твоя храбрость, где поступок твойской?
Когда боялось волчье рыло твоей руки?

Ныне ты мяхкий.

Возрим, что творят бесчинно Потоцкие.
Коль славен дом сей, ныне, аки мужицкие
Дети, и с каким обманом льстят пану,
так и оне Яну.

Чай, того ж рода, что древле булаву
Дал Хмелницкому, сам скочил под лаву,
Тот ныне шурмует царю около носа,
бутто остра коса.

Тот Собеского славу писаньем прославлял,
Хотя здох с отчаяния, нам лиха наделал.
Будет нам опять, хотя царь не живет,
сын шею отсечет.

Опять, бедная Литва, ты потети будеш
И честных сынов к тому коронных приведеш,
Изопьеш морсу, уготовленного
через Потоцкого. //

Невинные головы, хотя не ведаете того,
Однако ж узнаете зла много.

Тож и от сына будет, как некогда бывали,
а отца бегивали.

Сей волк²² лукавый с своими злодеями,
Что иво хвалят лстивыми «музами»,²³
Будет в стороне, как Казимир глупый,
народ облупил.

Сапегу Москве не отдал головою,
Что цареву честь отрекал, будто кропивою,
Жаль ему стало изменника Радивиля,
что потом было.

Иди в Киев, архимарит скажет,
Что Киев с Смоленском вечно в руках ляжет
У царя за ту «Музу» Потоцкого

и за прописки канцлера Паца, будто умнаго.

Крепко памятуеш, Мстиславле, кровью омытый,
Там сестры, братья и отцы побитыи. //

Не сто тысячь душ тамо под меч положили,
за перо²⁴ срубили.

²² В ркп. на поле: король.

²³ В ркп. на поле: песни.

²⁴ В ркп. на поле: приписки.

Тож нам ныне прядет песнь Потоцкого,
Ныне сладки суть стихи Сабеского,
Но вскоре плясать будеш, Литва бедная,
 когда так же война
Будет на зло наше, как недавно делали,
Когда нас, что скотину, везде живьем брали,
Сверх того, что на поле и по селом детки
 псы ели с матки.
Везде мучили, секли и рубили,
За прописки тех воров нам то учинили,
И фортуна²⁵ сабацки тем врагом служила,
 гордость их била,
Таковых завотчиков, понеж благочестиваго
Царя поносили, крови не желающаго,
Как ныне нелепая «Муза» Потоцкого
 поет на него. //
Тогда Радивил и вси сапежинцы
Везде бегали, будто волки ис под мелницы,
А потом Вилню, что лютой змей, пожрал,
 а сам побежал.
Покамест Господь им призрел с высоты
На кровь невиную и на темпоты,
Яже просветил силою Чернецкого,
 вожда молодецкого.
Пожерл есть и того славу вол глотливый,²⁶
Чрез уста лестных изменников лстивы,
А как лгал сенат, здравствуя с послами:
 «Боже, буди с нами!
Ты — Александр, ты — Гектор мужественный!»
А весь свет знает, что с предков хорь боязненный,
Поел чюжие цветы голоден вол в поле,
 сам лежа в гное.
С ним безбожные вси его сверстницы,
Поглотив Каменец, лукави хищницы
Лстят ему, поглощая города с местами,
 слепят прикрасками. //
Познали есмы ныне, что Пац в том правдовал,
Теперво то правда — всем он добра желал
И в правде спорил жирному сому,
 и мы споболезнуем тому.

²⁵ В ркп. на поле: счастье.

²⁶ В ркп. на поле: король.

Дивно з собором, что земля жива
не погрузила.
Видим мы в помощь юбилей³¹ святой,
Ты веси, Боже, оле! проклятый
Ослеп твой легат,³² лежа в гордости,
не видит пакости.
Смотрит на паньи или на их хвосты,
Что хром дьявол несет или мужик просты
Своевольным щоголям. Когда быти может
сручняя, о Боже!
Стройный крижак³³ стройно устраивается,
Сам дьявол стройно так не увивается,
Когда повидаться³⁴ с милою захотелось,
тут удалось.
А хотя б коей на мысли не было,
Хотя бы ксеидза любить не хотела,
Лоск водоструйчат, кинув ся в очи,
сердце розмочит, //
Атлас випицейской, образец новой,
Обря струйчата и бархатстройной,
Ожерелок, что дым шолков чюлочки,
вчера с мачехи.
Возри на стройной покрой примаса³⁵ —
У девок перенял строй и залястья.
Лучши девица устроиться не может,
казни его, Боже!
А хишник дьявол, что на мысль приводит,
Держи чисто сердце, то тебе не вредит
Трестися брюхом и пляски строить.
Не грех ли, о враги? Пусть же творится,
Пока ад душ ваших исполнится.

³¹ *Е ркп. на поле (край листа оборван):* дни простителн[ые], которые попа [так! — С. Н.] п[о]сылает на оставление грехов.

³² *В ркп. на поле:* посол.

³³ *В ркп. на поле (край листа оборван):* монастырь крыжа[ков] в Варшаве на Крак[овской?] улице, живут в [нем?] девицы непостриж[енные?] и буде которая п[...] и замужь мочно и[дти?].

³⁴ *Испр. в ркп.:* повидается.

³⁵ *В ркп. на поле (край листа оборван):* [арцы]бискупа [гнез]ненского.

БЛАГОДАРЕНИЕ ЗА ДЕНЕЖНУЮ³⁶ КАЗНУ

Щедра твоя рука, отче преподобный,
Достойна мзды есть — Господь праведный
С небес да воздаст! — шла твоя казна

Полше полезна. //

Но какая помочь нам от твоей казны?
Бог весть сребролюбца лукава соблазны,
Вовремя прислана злomu волку-вору,³⁷
угодило в пору.

Хоть надежен друг француз, шалберов старшина,
Не дал ему сукоп в долг ни аршина.
На слово голо кто бы условился,
хотя б исполнился

Тою казною, чтоб бедны силы
Вспомочь, которы по крепостям были;
Бедну пехоту, которую Бог дает,
в муку предает.

По милости его, такъже и папов,
На пагубу дал Бог таких гетманов,
Что для адава бруха своего
наполнились всего.

Хоть мало запасу, однак вин венгерских
Караваны ходят, толь-то чин жолнерский! —
Курки печены, сахара привозят,
нам голод множат.

Толко бы в обоз или в кой город
Строем бы ввести свою хоругов,
Тотчас по дорогам запас разбивает,
голоден не бывает.

Хлеб для пехоты — везде виселицы,
Дай бы на толсту шею те вервицы,
Не на нас, бедных, что будто сладстями —
кормимся псами!

Наши овощи — мышь, а телятина —
Кошка, хотя мертва и кобылятина —
Как есть не голод! На хлеб не помысли,
пока король пришлет.

А король умной на нас призирает,
Твою казну в Крым, отче, отсылает,

³⁶ Испр., в ркп.: дежную.

³⁷ В ркп. на поле: королю еще обранному.

Дает хану золото — хан поновляет,³⁸
будто уступает.
А лицемеры за то возванье
Повели волка³⁹ на коронованье.⁴⁰
Не дивно, что слепые мурзы поздравляют,
с послы величают. //
Из войска такъже многие начальники
Посполство губят, вместе и сверстники
Пехоту (поистинне мучеников!) с нами
своими руками;
Извели в розных прилучаях панство
Горлом своим винным и различным пьянством,
Моря их з голоду, остатки погане
секли нещадне.
Как отступили татары ис подо Львова,
Лукаво с литвою идет волчья глава.
Весь мир знает, естли б литва не пришла,
нога б их не ушла.
Из-под Хотина как за бусурманы
Вслед шли, не было б хулы на поганы,
Когда б дал волю сердцам кавалерским,
умам рыцерским.
Толко не ослы литва, знала ужа,
Мстясь за Хотим, хотел съестъ у литвы мужа,
Не ныне на пагубу та дуда надута
играет, прокленута. //
Тож сотворил, отче, и с твоим бряцалом,
Ты ему дал золотом, а он нам ни салом.
Кому король з женою твоею казну дает,
посол твой ведает.
Та богобоязненна пани — побожником
На комедии, такъже плясалником,
А что за пляски, пусть твой посол скажет,
в Кракове укажет,
Какая комедиа бывала в Варшаве,
А какво там цесаря дала поруганье,
В небытии короля смех строя скаредный,
но Бог праведный
Снишел в то время з громом, с молниєю,

³⁸ *Испр.*, в *ркп.*: поновлязв.

³⁹ В *ркп.* на *поле*: короля.

⁴⁰ *Испр.*, в *ркп.*: корованье.

Обличал то канцлер, студенты со всею силою.
Для того достоин ада твой посол,
естыли не отписал. //

ПРОШЕНИЕ БЛАГОСЛОВЕНИЯ У ПАПЫ

Поздравляли есмы, святыи отче, тебе,
Нам такожде сотвори добро, сотвориши и себе.
Днесь мало Полска Корона процвела,
Днесь изволением Божиим рвать сети начала,
Которых много Собески наставил,
Как неприятель, то гораздо славил,
Когда бы гетманом нам не поволил
Губить татаров, все брату наровил.
Веждь, отче святыи, кримскому хану
Объявлял дружбу, псу-бусурману!
Для того, дабы о нем помнил всегда
Во время свое,⁴¹ как придет беда;
Залазил себе волк у волка дружбы,
Для своей чести доставил нам⁴² нужды.
Ныне, слава Богу, сердце некак растет,
Мало уцелеет татарин в хворосте. //
Не как прежде — срубить татарина
Избави Боже, велика там вина!
Тем охоту псы в загоны имели
Пить, есть им было в полону до воли.
Благослови ныне, пастырю святыи,
Сердца гетманов, чтоб чорт проклятыи
Куколю не сеял, как будут жить мирно.
О Паце чаю, будет польной, то и дивно,
Пить не охотник, а шалбер изрядныи,
Тем нас и Януш свел доброповодной.
Знаюся с польным коронным гетманом,
Лучши жить станет з Дмитром, нежели с Яном.
Перво князь Дмитрей пусть себя исправит,
Как гордость скинет, Бог духа свята вправит
В покорно сердце и збытки устанут,
Когда на него лучи господни востанут,
Как умножится к нищим милостыня,
К бедным скуп не буди и жесток, гордыня.

⁴¹ Испр., в ркп.: своей.

⁴² Испр., в ркп.: нас.

Тако молвь, отче, ему чрез писание, //
Ждет Бог его на лучшее востание.
Довольно уж проливать вина и олканы,
Полно грысть сахара, лакомы базаны.⁴³
Та ли ныне пора и время ли по тому —
Слуг вином поить и соблазнять к злому?
Твоя ли то честь в карты, али ты Синявски?
И Ян хотя королем, не изменяй своей ляски,
Зри постоянство, как играет курфистр пруски,
Делай, как Корибут, а не нынешний полский.
Сколко вина в год изойдет всем паном
В Полше и в Литве, шляхте и мещаном?
Где жизнен виноград родит свой рой,
Менши и вся вселенная выпьет; Польша вдвое
Выпьет болши, нежели все народы под небом,
Венгры, италиане болши живут хлебом.
Поляк-бражник как вином горло не промочит,
Тоскует с литвином, лезут изо лба очи,
Лучши те збытки, отче милостивый,
Вели отставить на хлеб ненасливый. //
Вели в обоз окарки возить и ветчину,
Крупы, сухари, а не денежину.
Воришка безделные то вымыслили,
Тем своим вымыслом и земли сузили.
Возить денешки — не хлеб до обозу,
Что и по денгам, как выпал хлеб с возу.

ПОЗДРАВЛЕНИЕ ЯНУ ТРЕТИЕМУ, КОРОЛЮ ПОЛСКОМУ,
ВОЗВРАЩЕНИЯ ЕГО ИЗ ФРАНЦУСКОЙ ЗЕМЛИ В ВАРШАВУ
1676 ГОДУ ИЮЛЯ В 8 ДЕНЬ

Здрава тя, короля, в возврате встречаем,
Повеждь, откуда и кого ожидаем?
Короля ль или блазна, твердь твоя по уши,
Для чего возвратился, еси не без души?
Рцы, почто королевы твоей не дождемся? //
И с каким постоянством чего надемся?
Подобает королям постоянным быти,
Дабы могл всяк по примеру королеву жити.
От королей сих явно есть и крепко кажется,

⁴³ В ркп. на поле: прихоти.

Что един в кренглях,⁴⁴ другой в картах вяжется.
Стыдно зело и нам, что он нас обманул,
А сперва отрещися никто не догонул.
А те болваны суть постояннии,
Хотя их в лоб бьют и в проход задний.
Не так от пулки трескается глава,
Не толь заец беситца, когда ему сова
Очи со лба дерет, как ты беснуешся,
Что корова от слепней по хворосту суешся.
Короли картовой своею охотою
Не делают того, что ты с кобетою.⁴⁵
Хотя короля в картах и о стол хто мечет
Лбом или носом, однако ж не крычит.
А тебя, ты, о Яне, кой дьявол брасает?
Не ведунья ли, что ведунством летает? //
На хвасте тебя носит и с Казимирую,
Покадить вас надобно псим калом с миррою.⁴⁶

ПЕРВАЯ ДОБРОДЕТЕЛЬ

Не тот ли тебя носит, которой к Варшаве
Принесл тя с твоими пияницы яве?
Естыли бы не пьяни были, сором бы имели,
Не было в них Бога, как кровь лохтать хотели
Из Михаила, от Бога нам данна,
Гой, знаем, чрез кого к смерти приведенна.
Хмель то все делал и вместе з глотами,
Что, забыв Бога, злыми лаяли щеками.

ВТОРАЯ ДОБРОДЕТЕЛЬ

Вторая добродетель та — по коронации
Бежиш в диру, бутто тать из Франции.
Тебе короноватца она совет⁴⁷ дала. //
Ехать в Краков с великою спесию желала.
По короновании в диру стыдне было бежать.
За то вам велим сабаку целовать

⁴⁴ В ркп. на поле: игра городков деревяных девять, меж которыми девятый — король.

⁴⁵ В ркп. на поле: кобетою назва[на] королева, толк: блудница.

⁴⁶ В ркп. на поле: имя королевино.

⁴⁷ Испр., в ркп.: свет.

Вместе обоим, что тайно бежите
Ночью и днем. Так души себя вы лишите.

ТРЕТЬЯЯ ДОБРОДЕТЕЛЬ

Третье добро. Кто велел по частых хворостах
Ловить перепелок, где твой же дурак
Вместо зайца уловил лукаву лисицу,
Племянницу твою, красную девицу?

ЧЕТВЕРТАЯ ДОБРОДЕТЕЛЬ

Довольно уже было великого стыда,
Что посол кизылбашской зделал не без смрада,
Как покоевого твоего сильничал,
Таков грех содомской злый пес здесь зачал.
Оставля то, уже все днесь ты поздравляем,
Что деетца в Франции, тебя вопрошаем? //
Не урвали ль Парижу, будучи там, хвоста,
Занеже к Гданску бегли, не спрашивая моста?
Волохов ли⁴⁸ к вам или вас к италияном несли?
Дивно, что в том полете души не вытрясли.
Добр ваш Зевес, что вскоре прилучил вам воду.
По желанию вашему учинил охолоду.
То дивно, для чего ты миновал нас, Яне?
Хотели поднести было тебе дар в замене —
Панью Котовску, а ты с французами
Пусти с Котовским з болными удами⁴⁹
Лечитца, хотя она королем учинила,
Но та искушнейша шпынь, сверх того полька мила.
Не будет на тебя⁵⁰ ни валком бросати,
Не будет грысть, что червь, не будет ворчати,
Как та твоя француженка, когда Михаила
За короля взяли, каково стонала,
Не⁵¹ сыпала долго, что Михаило был паном.
За то за лоб приималась рымарка⁵² з гетманом.
А сия добрехонка будет всегда ладить, //

⁴⁸ В ркп. на поле: италиян ли.

⁴⁹ В ркп. на поле: М.

⁵⁰ Испр., в ркп.: дебя.

⁵¹ Испр., в ркп.: на.

⁵² В ркп. на поле: жена или дочь мастера, что кожи чеканит.

Не испортит тебя, а будет беспрестанно гладить
 И уже меж горами полаты возносит,
 А у своих лошадей хвосты крепко красит.
 Толко ты, о Яне, не краси ей гриву,
 Покаместа Котовской излечит свою жилу,
 Она за то приберет шесть лошадей сивых,
 Не таких лошадишек рымарки смрадливых:
 Волокуются из Гданска, что мокрые селди,
 Болши бредет пеша, нежли на них едет.
 Паня Котовска многа лутчи в твердости,
 Давно бы возвратилась уж она с волости
 Француские земли, уж бы и салтана
 Утолила и брата твоего-то хана.
 Та там тебя королем смешным учинила,
 А сия бы цесарства вскоре доставила.
 И скорее летает, нежли Казимира,
 Везде ее полно и всякому мила.
 Жолнеры, ксендзы, святые езувиты,
 Любят ее вси цыганы и жида. //
 Пусть не римарка владеет над нами,
 Но кровь шляхетская. Разсудите сами:
 Та не вывезет казны из нашей земли,
 Воспоможет узорочьем и денги своими;
 Не комидиями будет тя кормила,
 Даст жирной каши, увидиш, сколь мила.
 С одним с тобою будет и одному рада,
 Францускому уж послу не будет привада.
 Покамест Дмитрий королем будет над нами,
 Бог с ним есть, узрете вы сами.

X КАЗНОДЕЕМ

Дивно нам на вас, милы казнодее,
 Бутто вы не знаете, что ся в мире деет?
 Велят вам на нас кричать полские бискупы,
 смрадные трупы.
 Первый шалбир и лстивец великой Требицкий,⁵³
 Олшовский, арцьбискуп, и третей Варшицкий,⁵⁴
 ЕСТЬЛИ вы спите, а служилой видит,
 хто ково обидит. //

⁵³ В ркп. на поле: бискуп краковской.

⁵⁴ В ркп. на поле: каштелян краковский.

ОТВЕТ И МЫСЛЬ ВСЕГО ВОЙСКА

Правда его крепко знатися нам дала,
Сперва укусен был, а ныне что сало.
Теперво видим, что зелье кропива,
налево грива.

Пусть же слепит лестьцов-полковников,
Ротмистров кормит, будто бы мясников;
Нас накормил часто мертвою кониною,
смрадного псиною.

Тем похватили литовского гетмана,
Пошел из обозу, не дожидаясь обмана,
Он к злу концу вел всех. На что взираем,
когда вси погибаем? //

Нихто того ныне нам не похули,
Что королю гетманы на встречу ехали
С лутчим то войска союза рыцарского
на лукавство его.

Правда ль то его? Нечестивым лакомцом
Велеть хлеб возить в Каменец поганцом,
Татар не рубить, отпускать их в платье,
а ты гинь, брате.

З жалем сердечным к Богу воскликая,
А на все злобство его порекая,
Когда бы не было ис Киева помочи,
треснуло б брюхо с мочи.

Казнодейте ж вы, ксендзы, вельможам и купцом,
Пусть нам хлеб возят, а денежки немцом,
А которые во Гданск струги спровожают,
пусть пропадают.

Пусть не за море, пусть к нам до обозу
И в крепости возят з головы по возу.
Се есть от сотниц старо и ново,
с того брюхо здорово. //

А жид всякой пусть крепко служит,
Пусть запас возит, копя добра держит.
Когда в обозе болши хлеба будет,
медь нам избудет.

Ведайте, безбожнии, по вашей росправе
Многие отказали гетманской булаве.
Как под Хотинюм по счастью бывшаго
короля прежняго,
Хотя по правде победители были

И волею божию врагов победили,
Однако ж из обозу много ль пехоты
сошли с той работы?
Так вы, тыране,⁵⁸ что хлеб наш ядите,
Только б нас в обоз, сами не глядите,
Сами в банкеты, в вина и в бастры,
а нас на нож острый.
Тем добро сердце у всех нас отбили
И славного князя когда поморили,
Тех ковалеров своим безумьем,
лихим всезлобием. //
Того для помочь вам царь уготовляет,
Король слеп ждет, а царь очищает
Не за ловлею, хотя сам не в полю,
иди с ним к бою.

К БИСКУПУ КРАКОВСКОМУ

Глух ты был,⁵⁹ чаять, бискупе краковский,
Когда обличал тебя гетман полский,
Князь хотя скупой, только ся исправит,
Бог ево вславит.
Молвил в сенате сам бы ты, бискупе,
Нужды отведаль, в войске побыв, трупе,
Умел бы ты, как жолнера почитать,
сена не давать.
Знаеш, Иудо, людей брандебургского?
Да и наряды курфистра прусского?
Не молодцы ли? Твоим ли гниляком
ровень жолдаком? //
Которых в Каменце поел, бутто сельди,
Отцев богатых и плачут их деды?
А за тех из скарбу денег прошаеш,⁶⁰
а не поминаеш.

К КСЕНДЗОМ

Тогда просим вас, ксендзы, до обозу.
Нет там голоду, нужды, ни морозу,

⁵⁸ В ркп. на поле: мучителю (так! — С. Н.).

⁵⁹ Испр., в ркп.: бы.

⁶⁰ Испр., в ркп.: прошает.

Там кельи теплы, перины пуховы,
 шутки пороховы,
Французской посол в золотой корете,
Вина довольно зимою и в лете,
Там хап в грехах прощает —
 голова срывает.⁶¹
О дай! бы не было бискупов-кабанов,
Которых посят, что жирных баранов,
Время, и плебанов, с ними каноников
 и исповедников, //
И тех боровков, обман-езуитов,
Болши всех лести, правды — что у жидов.
О! сколь того лиха везде размножилось:
В ксендзы и в чернцы, в спеваки збежалось.
Обоз им смердит, а на амбоне
 бьют в ладони.
Лутчи быть мнихом, а чотки имети,
Нежели пулку в ребрах, — учнет там свербети.
Постники, на смерть не много скорбите,
 шалберы, молчите!
Или вы слепы? Король коль тверд в полю,
Сам за зайцы гоняет, а нам велит к бою.
Ныне в Яворове на удах⁶² сидит,
 на сельди глядит.
Будучи⁶³ в Кракове на коронации,
В трубы и в сурны, в французски факции —
«Лей-поливай на всяк день, братчина!
 Дай, дьяволе, вина!» //
А мы, квартьяные, удалы молодцы,
Буде кому силно чево не отняли хлопшы,
Проподаем з голоду, а конь от соломы
 на зубы хромы.
Отведайте, ксендзы, пынешней сладости,
Не старых королей поступок в нынешней пакости,
Переполошите дождем свои колнерики,⁶⁴
 статны черевики.
Есть у вас соболи, куницы и рыси,
Берите в службу стаканы, серебряны мисы.

⁶¹ В ркп. на поле: муде отрывает.

⁶² В ркп. на поле: на мудах.

⁶³ Испр., в ркп.: будичи.

⁶⁴ В ркп. на поле: ожерелки.

Даст вам и примас свои златы фляши,
будут те часы.
Воскресит вскоре⁶⁵ нам Господь Богдана,
Вывлечет на двор не одного папа,
И не одному топором отделит
лоб от гардели.⁶⁶

(РГАДА. Ф. 79. Кн. 177. Л. 486–511)

⁶⁵ В ркп. написано над строкой.

⁶⁶ В ркп. на поле: от глотки голову.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ЭПИЗОД «ЗАПИСОК» Я. Х. ПАСЕКА ПО СТАТЕЙНОМУ СПИСКУ В. М. ТЯПКИНА

Знаменитые «Записки» Яна Хризостома Пасека (ок. 1636–1701), шляхтича-рубаки, авантюриста и скандалиста, блестящего рассказчика и стилиста, в Польше издавались десятки раз и переведены на несколько иностранных языков. Русского перевода, к сожалению, до сих пор нет, и Пасек более известен нам по восторженным отзывам Адама Мицкевича, который посвятил ему одну из парижских лекций по славянским литературам в 1841 г. Охарактеризовав литературный стиль Пасека как «подлинно классический», Мицкевич сделал меткое наблюдение: «Пасек, если можно так сказать, предугадал жанр исторического романа».¹ Затем Мицкевич страницами цитировал «Записки» и уже по просьбе слушателей посвятил чтению «Записок» следующую лекцию.²

В 1842 г. в «Москвитянине» появился обширный очерк С. П. Победоносцева о двух изданиях «Записок». Кратко изложив биографию Пасека, «этого замечательного беллетриста того времени», Победоносцев писал: «Записки Пасека оживлены духом простосердечия, веселости и какой-то остроты, какого-то врожденного юмора. Помираешь со смеху, читая некоторые строки, особенно описания иностранных земель и тамошних обычаев, на которые он смотрел глазами ревностного католика и польского шляхтича того времени... Слог его чист, иногда кудряв и читается везде гладко».³ Рецензент отвел несколько страниц цитатам из Пасека в своем не очень удачном переводе и выразил надежду на появление русского перевода «Записок».

¹ *Мицкевич А.* Собрание сочинений: В 5 т. М., 1954. Т. 4. С. 307.

² См.: Там же. С. 298–318.

³ *Победоносцев С.* Записки Пасека // *Москвитянин*. 1842. Ч. 1. № 2. С. 619.

Но перевод этот так и не появился, не было и значительных работ о «Записках», хотя в обобщающих исследованиях Пасек упоминается либо как мемуарист,⁴ либо как символ сарматской культуры в целом;⁵ встречается имя Пасека и в более специальных работах: так, Н. И. Костомаров включил в монографию «Мазепа и мазепинцы» (СПб., 1885) эпизоды из юности гетмана, почерпнутые у Пасека. И хотя С. П. Победоносцев не без оснований писал о «Записках», что «мы, русские, найдем в них много любопытного для нас самих»,⁶ пока они доступны только специалистам. Правда, для широких читательских кругов это отчасти «знакомый незнакомец»: Пасек оказал известное влияние на развитие польского исторического романа. Г. Сенкевич зачитывался его «Записками», и многие страницы знаменитой исторической трилогии пропитаны образами и фразеологией Пасека.⁷

Эпизод, о котором пойдет речь, в отечественной литературе уже упоминался, и в любопытном контексте. А. А. Потебня, размышляя о характере мифического мышления и об отсутствии в нем критики, приводил в пример публику, которая «еще и в наше время смешивает актера на сцене с изображаемым им злодеем».⁸ В качестве иллюстрации он привел интересующее нас место из «Записок» за 1664 г.: «В Варшаве на открытой сцене устроено было французами представление по поводу победы над австрийцами. Войско разбито, австрийский император в оковах вручает королю французскому корону. Известно было, что австрийского императора представлял знатный француз, очень удачно выбранный для этой роли. Один из конных поляков стал кричать французам: “Убейте его, такого сына, раз уж захватили его. Не оставляете в живых, потому что, если отпустите его, будет мстить, затевать опять войну и кровопролитье и

⁴См.: *Липатов А. В.* Формирование польского романа и европейская литература: Средневековье. Возрождение. Барокко. М., 1977. С. 221–226.

⁵См.: *Таманаева Л. И.* Сарматский портрет: Из истории польского портрета эпохи барокко. М., 1979. С. 19–21; *Муравьева Е. Н.* Поляк XVII в. и его соседи (по мемуарам Я. Х. Пасека) // Из истории и культуры Средневековья. СПб., 1991. С. 165–172; *Обер И.* Новые книги: Мемуары Ивана Златоуста Пасека. СПб., 1860 // Библиотека для чтения. 1860. Т. 160. № 12. Современная летопись. С. 1–28; Мазепа. (Из записок Яна Хризостома Пасека) / Предисл. Х. // Русский архив. 1878. Кн. 3. Вып. 11. С. 343–347.

⁶*Победоносцев С.* Записки Пасека. С. 618.

⁷См.: *Krzyżanowski J.* Pasek i Sienkiewicz. (Do źródeł «Trylogii») // *Krzyżanowski J.* W kręgu wielkich realistów. Kraków, 1962. S. 138–156.

⁸*Потебня А. А.* Из записок по теории словесности. Харьков, 1905. С. 410.

не даст людям покою. Раз его убьете, король французский получит его корону, а там, даст Бог, и нашим королем станет. Наконец, если вы его не убьете, то я его убью". — Схватил лук, наложил стрелу и как влепит цесаря в бок, так железко вышло в другом боку, убил. Другие поляки — за луки и как начали перешивать эту кучу, много французов было пронизано». ⁹

Этот фрагмент «Записок», получивший название «театрального эпизода», неоднократно привлекал внимание исследователей, ¹⁰ прежде всего историков театра, из которых никто не сомневался в истинности сообщенной Пасеком истории. Т. Витчак, задавшись целью установить, по какому поводу было дано представление, убедительно доказал, что Пасека, который составлял «Записки» на склоне лет, подвела память. Описанный им скандал действительно имел место, но не в 1664 г., а в 1674 г. ¹¹ Это подтверждается не только обнаруженным Т. Витчаком свидетельством современника, но и сообщениями во франкфуртских периодических изданиях 1675 и 1682 гг. Разыскания Т. Витчака в дипломатической переписке тех лет новых данных не добавили, но его предположение, что в статейном списке русского резидента в Варшаве В. М. Тяпкина могут быть какие-то сведения об этой истории, подтвердилось.

В. М. Тяпкин провел в Варшаве несколько лет, ¹² исправно посылая в Посольский приказ дипломатические депеши, в которых нашлось место и для новостей из современной польской культурной и литературной жизни. ¹³ 9 сентября 1674 г. Тяпкина в Варшаве не было, и очевидцем театрального зрелища, устроенного французскими послами в честь победы в сражении 11 августа Людовика Конде над Вильгельмом Оранским, он не был. Между тем в его статейном списке описание ярко выраженного антигабсбургского

⁹ Там же. С. 411, примеч. Ср.: *Pasek J. Pamiętniki / Wstępem i objaśnieniami opatrzył W. Szapliński. Wrocław, 1979. S. 354–355; Обар И.* Новые книги: Мемуары Ивана Златоуста Пасека. С. 11–12.

¹⁰ Отметил его и Мицкевич: «Наш автор, кажется, и сам был среди тех, кто стрелял в актера, но не потому, что он разделял, подобно другим, театральную иллюзию, — для него это было средством выражения своего протеста против французских влияний» (*Мицкевич А.* Собрание сочинений. Т. 4. С. 310).

¹¹ См.: *Witczak T.* 1) *Epizod teatralny «Pamiętników» Jana Chryzostoma Paska // Pamiętnik Teatralny. 1969. N 4. S. 547–561;* 2) *Dalsze świadectwa Paskowego epizodu teatralnego z roku 1674 // Pamiętnik Teatralny. 1977. N 3. S. 343–346.*

¹² См.: *Попов А.* Русское посольство в Польше в 1673–1677 гг. СПб., 1854.

¹³ См.: *Николаев С. И.* «Небездельное безделье» В. Коховского в Посольском приказе // *Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980. С. 251–258.*

триумфа очень детально и поразительно совпадает в подробностях со свидетельством современника, обнаруженным Т. Витчаком. Поскольку известно, что анонимное польское описание театрального зрелища в Варшаве написано человеком, близким ко двору короля Яна Собеского, который в то время находился в своем имении Яворово, можно предположить, что Тяпкину удалось ознакомиться со сходным описанием (т. е. скопировать его) в придворных кругах. Ошибка в переводе выражения «рог изобилия» убеждает в том, что у Тяпкина был текст, незначительно отличающийся от найденного Т. Витчаком, ср.: «Herkules w jednej ręce cornu copiae, w drugiej pałkę małą»¹⁴ — «Геркулес стоящий во единой руке держит рог копие, а в другой палицу».¹⁵

Приводим описание театрального зрелища по статейному списку Тяпкина (все даты по старому стилю): «Того ж месяца (августа. — С. Н.) в 23 день с почты гданские ведомо учинилось, что были битвы у генералов цесарского величества римского и галанских и гишпанских полков с французскими войски, со князем Кандеушем и з генералы, на котором бою великое падение трупов на обе стороны учинилось и где многих генералов и знатных высокородных, и славных людей побито, и кандеушева сына в дву местех ранили, однако ж победа и одаление над французы и устойка битвенная удержалась в войсках цесарского величества.

Тогда послы французские, будуще в Варшаве, бискуп марсильский да брат королевина величества полские нынешние,¹⁶ слыша о той битве и покрывая свой упадок в войсках, дивной некакой поступок¹⁷... по совету с королевою и с прочими своими единомысленники ис полских панов (которые до французской факции склонни), выхваляюще будто своих войск победу на взгоржение и посмех цесарскому величеству и их войскам, которой их поступок им самим обратился в великой посмех и зазор таковым образом.

Августа в 30 день в Варшаве на Краковской улице у каплицы московской¹⁸ против двора королевского величества учинили себе рундук высокой четвероугольной. Рундук окрыли и обили цветными коврами и сукнами. На верху 4 слонца отмалевав, по-

¹⁴ *Witczak T.* Epizod teatralny «Pamiętników» Jana Chryzostoma Paska. S. 554.

¹⁵ РГАДА. Ф. 79. Кн. 161. Л. 193 об.

¹⁶ Марсельский епископ Форбен Жансон и маркиз де Бетюн.

¹⁷ Далее, вероятно, пропущено слово, например, «учинили».

¹⁸ Явная описка, должно быть «францисканской».

ставили бумажные с написом латинским таким: “А ни многим неровный”.

На восток слонца посреде рундука слонце лучи испущающе на жабы, выходящие из воды, с написом таким: “Преидоша чрез огонь и охлаждени суть”. На конце того рундука Геркулес стоящий во единой руке держит рог копие, а в другой палицу с таким написом: “Приятным приятный, неприятным страшный”. По обе стороны рундука двух вязнев¹⁹ от войска немецкого и галанского, из бумаги выраженных и отмалеванных.

На запад слонца посреде рундука Юпитер пушает громы за орлом из облака с написом таким: “Кто ж бы нас без отмщения задираал”. На конце того рундука битва войск, над французским войском — слонце, над тым падающим — звезда, между ими трупы побитых лежат с написом таким: “Звезда звезде изобилует”. И паки двух вязнев малеванных.

Посреде рундука кур стоящий на трупе²⁰ якобы пел, крылами трепеща, пред ним лев, якобы спал, а орел, якобы погромленный, вывратился с написом таким: “Будит и страшит”. На конце ж рундука от полудни Победа во ипостаси девической на пушке прибрана в зброю, во единой руке ветвь масличная, а в другой пламень имуще с написом таким: “Дам просящему”, и паки дву вязней положено.

К полунощи посреде рундука Геркулес бьет хитра, сииречь змия треглавногo, которому Геркулес три главы збил, едину лвову да две орлих с таким написом: “Доколе победителя не узнают”. На конце ж рундука к полунощи особа кавалерска збройна, на коне сидяща, стояще на гармате, держаще хоруговь в руке в венце лявровым зеленым. На хорухви лилия, а на шишаке слонце с написом таким: “Поле и добыч победителя”. На конце самом королю французскому похвала: “Людовикови наянейшему, счастливому победителю немцев, гишпанов и галанцов лета господня 1674, 11 августа по новому”.

Егда же скоро наченше ликование свое чинити, тогда внезапно учинилось на небеси велие блистание огненное и воста буря велие, и вихорь подняв, великое зграмождение песку и каменья и пыли, и тот рундук со всем ухищренными помянутыми знамении засыпало и бумажного Эркулеса на штуки разорвало, и самих французов песком и каменьем осыпало. Посполство же всенародное, в Варшаве

¹⁹Т. е. пленных.

²⁰В польском описании «na trąbie», т. е. на трубе.

будечее, видяще такое знамение, в тот час вначале хлопцы и студенты, х которым пристали всяких чинов множество, и ударили на французов камнем, обухами, и саблями, и стрелбою, от которой битвы насилу и послы французские на двор ушли. А французов многих камнем перебили и трех человек до смерти забили.

И так их все величие их сокрушили, и особы бумажные и гербы передрали, и рундук розломали, и ежели бы не ночь наступила вскоре, одва бы и во дворе могли французы спастися; и на великую силу народы успокоились, видяще французские посмехи над цесарским величеством.

И о вышеписанных разговорах и о иных ведомостях царского величества резидент писал в государственной Посольской приказ под именем околичного Артемона Сергеевича Матвеева августа в 21-м да в 31-м числах 182 году».²¹

Упомянутое письмо сохранилось среди «отписок» Тяпкина за 1674 г. В нем изложена только суть дела и нет подробного описания «театрума» (так в письме назван «рундук»), но зато есть дополнительные детали относительно реакции зрителей. 11 сентября 1674 г., через два дня после представления, он писал, что «еще и по сей час в посольстве великое смущение и ненависть на французов», а на сеймике поносили королеву «за то, что она изволила послом такие непристойные триумфы и ликованья чинить» и «его цесарским величеством такое надругательство и посмехи строить».²²

Антифранцузские настроения шляхты, не жаловавшей королеву Марию Казимиру и ее профранцузскую политику, были по душе Тяпкину, потому-то он с видимым удовольствием описывал события в Варшаве. В сообщенных им в Посольский приказ материалах есть еще один отзыв театрального представления 9 сентября 1674 г.

В 1677 г. в Посольском приказе был переведен присланный Тяпкиным в октябре 1676 г. большой цикл (около 900 строк) стихотворений, «каковы писаны на бесчестье королю полскому, и королеве, и послу французскому, и бискупом и сенатором».²³ Польский оригинал стихотворений обнаружить не удалось (вероятно, он не сохранился), поэтому русский перевод особенно любопытен для историков польской литературы. В обращенном к папе римскому стихо-

²¹РГАДА. Ф. 79. Кн. 161. Л. 191–199.

²²Там же. Кн. 164. Л. 130 об.

²³Там же. Кн. 177. Л. 486; ср. наст. изд. С. 107–132.

творении «Благодарение за денежную казну» неизвестный автор, в частности, писал:

Кому король з женою твою казну дает,
посол твой ведает.
Та богобоязненна пани — побожником
На комедии, также плясалпиком,
А что за пляски, пусть твой посол скажет,
в Кракове укажет,
Какая комедия бывала в Варшаве,
В каково там цесаря дала поруганье,
В небытии короля смех строя скаредный,
но Бог праведный
Снишел в то время з громом, с молниєю,
Обличал то канцлер, студентгы со всею силою;
Для того достоин ада твой посол,
естьли не отписал.²⁴

Собранные Тяпкиным материалы подтверждают и отчасти детализируют воссозданный Т. Витчаком исторический фон одного из самых красочных эпизодов «Записок» Пасека. Но будет справедливо, как кажется, и обратное заключение. «Записки» проясняют нам ту культурную атмосферу, в которой несколько лет жил В. М. Тяпкин. Конечно, русский резидент воспринимал собы-

²⁴Там же. Л. 501–501 об. Не так давно Т. Витчак сделал очень удачный обратный перевод этого отрывка на польский язык:

Komu to król z małżoną daje twój fundusz,
Wie twój nuncjusz.
Ta bogobojna pani daje pobożnikom
Na komedyi, daje także baletnikom,
Za jakie płąsy, niechaj twój nuncjusz powie;
Wskaże w Krakowie,
Jakać to komedycja w Warszawie bywała,
Ktoregoż tam cesarza w urąganie dała,
Pod nieobecność króla strojąc śmiech zjadliwy?
Bóg sprawiedliwy
Zstąpił na ów czas z grzmotem i błyskawicami;
Zgromił ją kanclerz, żacy wszystkimi siłami.
Zaczem już całkiem piekła twój poseł się godzi,
Jeśli tak szkodzi.

(Witczak T. Czytając Paska // Studia Polonistyczne. T. XVIII–XIX. Poznań, 1992. S. 241–242).

тия «театральной» и «литературной» жизни прежде всего через призму своих дипломатических забот. Но ломая голову над «вертоглавными концептами» польских публицистов²⁵ и эмблематикой театральных триумфальных зрелищ, Тяпкин невольно втягивался в сферу польской барочной культуры и становился деятельным ее интерпретатором.²⁶

²⁵Так сам Тяпкин охарактеризовал их темный и запутанный стиль, см.: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1961. Кн. 6. С. 518.

²⁶См.: *Николаев С. И.* «Посмеятельные слова» В. Коховского в русском стихотворном переводе 1677 г. // Русская литература. 1980. № 1. С. 121–126.

КОМЕТЫ В ПЕРЕВОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVII в.

Из множества комет, промелькнувших на русском небосклоне в средние века (а источники фиксируют их появление 37 раз)¹ наибольшее число слухов и толков вызвала комета, которую хорошо было видно в северной части неба с начала ноября 1680 до конца января 1681 г.² Современник так описывал свои впечатления от созерцания небесного явления: «Лета 7189-го году на Московском государстве бысть знамение велие: на небеси явися против самой Москвы на зимней запад звезда. Величиною она как и прочие звезды, светлостию ж тех звезд светлее, хвост у нее велик, стояще хвостом на Московское государство. И от самой же звезды той как пышет. И поиде от звезды хвост узок и от часу нача распространяться в ширину, яко на поприще. Людие ж вси, видя такое знамение, дивяся и недоумевахуся: “Что будет?” Мудрые ж люди о той звезде растолковаху, что та звезда на Московское государство стоит хвостом не к доброму делу. Так и учинилась. О той звезде толкуется: как она стоит главою над которым государством, и в том государстве подает Бог вся благая и тишину и никаторого мятежу в том государстве не живет. А на кои государства она стоит хвостом, в тех же государствах бывает всякое нестроение и бывает кровное пролитие многое и межуусобныя брани и войны ве-

¹См.: *Покровский К.* Кометы в русских летописях // *Мир божий.* 1903. № 4. С. 235–256; *Святский Д. О.* 1) *Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения* // *ИОРЯС.* 1915. Кн. 2. С. 197–242; 2) *Очерки истории астрономии в Древней Руси* // *Историко-астрономические исследования.* Вып. 8. М., 1962. С. 41–60; *Кузаков В. К.* *Очерки развития естественнонаучных и технических представлений на Руси в X–XVII вв.* М., 1976. С. 95–100.

²См.: *Святский Д.* *Комета 1680 г. в России* // *Мироведение.* 1929. Т. 18. № 6. С. 350–353.

ликие меж ими. Тако же и збыться в Московском государстве: от стрельцов и от салдатов учинилося смятение великое, бояр порубили и невежеством своим в царские, и в царицны, и в царевнины хоромы ходили, бояр обыскивали». ³ Другой летописец отмечал, что «царю Феодору провозвестиша смерть звезда комета и кровопролитие в людех и еже последе бысть, иже многая радость великими печалми наполняет». ⁴ Неизвестный поэт в стихах на смерть царя Федора Алексеевича отмечал зловещее влияние кометы на судьбу монарха,

который в летех 21 цветы смертно паде,
в цветнем месяце цвет свой небу даде.
День той 27 всезлобный комета принесе,
Российским царем во гроб тяжко потрясе. ⁵

О той же комете Евфимий Чудовский написал стихотворение «На звезду великую, явльшуюся 189 году декабря против 15-го числа»:

Комита егда в небе видена бывает,
никое благо быти на земли являет,
токмо гнев Божий и казнь людем возвещает.
Место пророка сие есть показание,
зовущаго грешники на покаяние,
да отвратит Бог свое негодование.
Не презорно указу сему да внимаем,
неправд всяких и обид себе да ошаем,
благодеемни Бога щедра сотворяем.
Еда како Господь Бог от нас умолится,
яко о ниневитех благ сый ущедрится,
о злых имущих на ны быти раскается.
И показанный нам знак на многое злое,
превратит всеблагий сый на всяко благое,
токмо покажем дела покорство драгое. ⁶

³ Тихомиров М. Н. Записки приказных людей конца XVII в. // ТОДРЛ. Т. 12. М.; Л., 1956. С. 448. Ср.: Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн. 2. М., 1989. С. 523.

⁴ Святский Д. Комета 1680 г. в России. С. 352–353.

⁵ Цит. по: Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII в. Л., 1973. С. 115. Ср.: Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX ст. / Собрал и приготвил к печати П. Симони. СПб., 1899. С. 17.

⁶ Сазонова Л. И. Евфимий Чудовский — новое имя в русской поэзии XVII в. // ТОДРЛ. Т. 44. Л., 1990. С. 313–314.

Морализирование Евфимия по поводу интерпретации появления кометы вполне типично для средневекового сознания, которое считало кометы бичом Божиим. При этом появление кометы предвещало не только «гнев божий и казнь людям» за их прегрешения, но и носило характер политических предсказаний, как, впрочем, и другие небесные явления.⁷

Комета 1680 г., отмеченная многими летописцами,⁸ вызвала столь большой интерес, что вскоре на русский язык были переведены с польского языка два сочинения, трактующие о кометах: «поучение о комете» и ученый трактат Станислава Невеского.

«Поучение о комете» известно в одном списке 1680-х гг.⁹ А. И. Соболевский предположил, что оригинал сочинения «едва ли не на польском языке», и обратил внимание на следующие слова в тексте поучения: «И в лето 1577, в ней же аз родихся, комета огненная чрез немалое время видена бяше, после которой разорение zelное всей земли чрез москвитина наступило» (л. 78 об.).¹⁰ Д. О. Святский приписывал это сочинение Мелетию Смотрицкому,

⁷ См.: Уо Д. К. Текст о небесном знамении 1672 г. (к истории европейских связей московской культуры последней трети XVII в.) // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985. С. 201–208.

⁸ В частности ее появление отметил в своих записках Димитрий Ростовский, см.: Дневные записки святого чюдотворца Димитрия, митрополита Ростовского. 2-е изд. 2. М., 1781. С. 20.

⁹ См.: РНБ. Собр. Погодина. № 1584. Л. 70–83 об. (Филигрань «голова шута» — Хивуд, № 1984 = 1688 г.). На л. 70–75 запись-скрепа «Markel» (по одной букве на листе). Рукопись описана в кн.: Бычков А. Ф. Описание церковнославянских и русских рукописных сборников императорской Публичной библиотеки. СПб., 1882. Ч. 1. С. 19–22. В дальнейшем этот список цитируется с указанием в скобках листов. Из литературных деятелей последней трети XVII в. известен один Маркелл — писец Посольского приказа, однако данных для их отождествления нет, см.: Кудрявцев И. М. «Издательская» деятельность Посольского приказа. (К истории русской рукописной книги во второй половине XVII в.) // Книга: Исследования и материалы. М., 1963. Сб. 8. С. 189, 190, 193; Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1993. Вып. 3. Ч. 2. С. 335–336. — Еще одно «Поучение о дивной явльшейся древним приходшим от востока волхвам звезде, таж и страшней стоящей ныне на тверди небесней комите», переведенное с немецкого языка, сохранилось в сборнике конца XVII в.: ГИМ. ОПИ. Ф. 96. Инв. № 49776/3422. Л. 109–146. Оригинал: *Strauch A. Von der Weisen aus Morgen-Lande Alten, und dem jetzogen Neuen Wunder Sternen, un-terrichtete aus Gottes Wort, an also-genanten Heiligen drei König-Tage, des Jahrs 1681. Danzig, 1681. (Estr., XXIX, 326).*

¹⁰ См.: Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII в.: Библиографические материалы. СПб., 1903. С. 213–214.

родившемуся в 1577 г.¹¹ Между тем дата рождения Мелетия Смотрицкого документально не подтверждена, и 1577 г. выбран из ряда других (с 1572 по 1579) как наиболее вероятный.¹² Кроме того, среди известных сочинений Смотрицкого поучение о комете никогда не упоминалось, поэтому атрибуцию Святского нельзя признать убедительной.¹³

Оригинал поучения и его автор отыскиваются другим способом. Поскольку польское происхождение оригинала весьма правдоподобно, то его следует искать среди сочинений польских писателей, родившихся в 1577 г. И выясняется, что это поучение («Kazanie o komiecie») принадлежит польскому проповеднику Самуэлю Дамбровскому (1577–1625) и было им написано после появления знаменитой кометы 1618 г.¹⁴

Мысли Дамбровского вполне традиционны. Сначала он констатирует, что «людие учении тройственно о кометах мудрствовати обыкоша: едини по математике, сиречь по звездной науке, друзии по физике, сиречь по естественной науке, третии по феологии, сиречь по богословию» (л. 71 об.). Кратко изложив воззрения двух первых, он переходит к сути поучения: «Богословцы же имут свои иншия прилоги и уже не из математики и не из физики, но из писания святого и из слова божия о кометах мудрствуют сице: яко комета есть особичное знамение божие на небеси и изображение перста его святого, учиненное того ради, дабы первее было знамением гнева божия, потом знамением милости божия. Знамение гнева божия являет нам образ и подобие кометы. Комета имать в себе огонь и той проявляет гнев, не милосердие божие грех ради людских» (л. 74 об.–75); «отселе комета нынешнейшая есть нам знамение гнева и казни божия» (л. 75 об.).

Однако удел человека отнюдь не безысходен, поскольку коме-

¹¹См.: *Святский Д. О.* Очерки истории астрономии в Древней Руси. С. 56–57. В комментарии к публикации этой работы (на с. 81) указывается, что в архиве Святского сохранилась неизданная статья «Трактат о кометах XVII в. и возможный автор его — Мелетий Смотрицкий».

¹²См.: *Короткий В. Г.* 1) К биографии Мелетия Смотрицкого // Русская литература. 1982. № 2. С. 182–184; 2) Творческий путь Мелетия Смотрицкого. Минск, 1987. С. 22–26.

¹³Однако она без критической проверки была включена в библиографию, см.: *Хромов О. Р.* Астрономия и астрология в Древней Руси: Материалы к библиографии // Естественные научные представления Древней Руси. М., 1988. С. 294.

¹⁴См.: *Dambrowski S.* Postylla chrześcijańska. Toruń, 1620. Cz. 5. S. 127–131.

та одновременно является и «знамением милосердия божия». Бог обходится с людьми «яко отец благосердый, иже егда видит непослушныя дети, бич или розгу в руках держит или ю на свещнице поставит, дабы чада на ню зряще вящше бы боялися. Сице подобно и сей благосердый и премилостивый Отец, видя нас зело злых и преступных, горе на тверди небесней метлу нам повеси, дабы мы его, на ню зряще, боялися и к покаянию святому целым и истинным сердцем устремилися» (л. 76). Вместе с тем кометы — «Господа вышняго послы», и они «всегда ничесого добраго прознаменовашу. Кометы господином великим, кесарем, царем, князем претят» (л. 77 об.—78). Это положение Дамбровский обосновывает ссылками не только на Писание, но и на классических авторов, в частности Светония, который «пишет о Веспасиане, яко пред его смертию видеша комету; подобно яко и пред смертию Владислава, краля угорскаго, комета видена баше. Кометы сказуют войны и кровопролитие, мятежи, разорения, безпокойства, брани внутренниа и общия» (л. 78). Кометы предупреждают людей, «и яко же отец щедрит сыны, ущедрит Господь боящихся его, и тако еликожды взираем на сие изображение перста божия, да речем со пророком: “Милосердие то господне содела, яко не погибохом!” или со Людовиком, первым того имене кесарем римским, Карла Великаго сына, да глаголем: “Убойся сотворителя кометы, а не самыа кометы! <...> Имамы в сей комете возбуждение к покаянию, вопиет на нас та комета: «Горе людем согрешающим, людем злобою отягченным, семени неблагородному! Оставихом Господа, призвахом ко гневу святаго израилева и возрачихомся вспять»». Любые трагические события — а бурный XVII век изобиловал ими — можно было истолковать как предсказанные кометами. То обстоятельство, что царь Федор Алексеевич скончался лишь через год после кометы, не помешало русскому летописцу связать его кончину (правда, задним числом) с кометой; в данном случае действовало правило: *post hoc, ergo propter hoc*. Не играло никакой роли и то обстоятельство, что размышления Дамбровского были вызваны кометой 1618 г. Под «нынешнейшей» кометой русский читатель понимал комету 1680 г. — «знамение гнева и казни божия».

Второе сочинение о кометах, переведенное с польского, посвящено как раз тому, о чем Дамбровский сказал кратко: научному истолкованию небесного явления. Это были «Кометы лета 1680 виденныя, о них же есть зде изъявление со извещением даже до ле-

та 1686 последующим. Мафематиком Станиславом Невеским, наук свободных и философии доктором, и физики во Академии Замойской учителем, и астрономом описано. Напечатано в Замойстю лета 1681, в месяце февруарии». ¹⁵ Перевод сохранился в двух списках XVII в., ¹⁶ известно, что в XVIII в. еще один список принадлежал Д. М. Голицыну. ¹⁷

В трех первых главах Невеский рассуждает о природе кометы (вернее, двух комет, так как он считал, что в 1680–1681 гг. на небе их появилось две), ее траекториях и пр. Последняя, четвертая глава трактует «О действиях, чесого бы подобало из оных комет надеяться». Уже из первых слов видно, что автор полностью разделяет воззрения о влиянии комет на судьбы людей и государств: «Ни едина комета бе доселе, яже бы многими бедствы сему миру досадительства не сотворила» (л. 134 об.). Однако влияние это не одинаково, «ибо на которое государство являет, сиречь лучю свою простирает, или котораго государства в знамени бег свой совершает или над которым прямо обрящется, тому во первых великия и тяжкия прознаменует действия; егда же паки в противном знамени или в триугольном знамени котораго государства является, тому уже не тако много повреждает — древнее тако искусство являет» (там же).

Невеский, хотя и является «наук свободных и философии доктором», полностью согласен с тем, что «все кометы (народне глаголюще) ничесого добра не знаменуют и того ради в народную вниде приповесть: никогда убо людие от виденных комет от страда-ния быша свободна. Темже и нынешняя дабы всуе от Бога и есте-

¹⁵См.: *Niewieski S. Komety roku 1680 widziane <...> z Prognostykiem. Zamość, 1681.*

¹⁶БАН. Архангельское собр. С 198. Л. 126–144 (филигрань «голова шута» — *Клепиков С. А.* Филигранные и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX вв. М., 1959. № 1036 = 1675, 1680 гг.; *Дианова Т. В., Костюхина Л. М.* Водяные знаки рукописей России. XVII в. М., 1980. № 388 = 1671 г.; описание рукописи см. в кн.: *Исторические сборники XV–XVII вв.* / Сост. А. И. Копанев, М. В. Кукушкина, В. Ф. Покровская. М.; Л., 1965. С. 252–254); ГИМ. Собр. Ново-Иерусалимского монастыря. № 160. Л. 80–108 (описание рукописи см. в кн.: *Амфилохий, архимандрит.* Описание Воскресенской Ново-иерусалимской библиотеки. М., 1875. С. 183). См.: *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв. С. 146. Далее перевод цитируется по списку БАН с указанием в скобках листов рукописи.

¹⁷См.: *Градова Б. А., Клосс В. М., Корецкий В. И.* К истории Архангельской библиотеки Д. М. Голицына // *Археографический ежегодник за 1978 год.* М., 1979. С. 247 (№ 260 «Описание о кометах, виденных от 1680 по 1686, рукописная»).

ства (яже обои ничтоже творят все) были сочинени — да никто же имать быти такового разумения! Истинно не желал бы ни единого кого опечалити, обаче же тяжко не писати, еже само естество сими народными знамении изъявляет: приближаются тяжкая и невеселая времена. Услышит не един, но возчювствует разное наказание божие, зане оная знамения проповедают воистинну всего мира возмущение войнами, междоусобиями и смятении» (л. 134 об.—135).

Не забыл Невеский и о политических предсказаниях, в частности, предрекая «пашам и иным оных (т. е. находящихся под турецким владычеством. — *С. Н.*) государств начальным внезапныи и ненадеемыи смерти» (л. 138 об.), предусмотрительно заметив, что «обаче и нам зде подобает опасатися военных бедств, мороваго поветрия, неблагоплодия земнаго и междоцарствий ради смертей начальствующих» (там же),¹⁸ «изобилнейше в сия лета смерть имать жатву имети, да и начальницы о продолжении жития просят Господа Бога, ибо от оных знамений явно имеют в том деле устрашения» (л. 141 об.—142). Таким образом, оба автора, Дамбровский и Невеский, богослов и астроном, не противоречат друг другу в интерпретации влияния комет на судьбы человеческие, а по сути друг друга дополняют.

Воззрения С. Невеского нельзя назвать отсталыми для своего времени — физическая природа комет была выяснена только к середине XVIII в. Но путь европейской науки к философскому осмыслению небесных явлений был начат как раз в связи с кометой 1680 г., когда французский мыслитель Пьер Бейль выступил с трактатом «Разные мысли, изложенные в письме к доктору Сорбонны, по случаю появления кометы в декабре 1680 г.»¹⁹ В нем он исходил из положения, что «Воззрение, будто взгляд, переходящий из века в век, от поколения к поколению, не может быть всецело ложным — чистейшая иллюзия. <...> Нет ничего менее разумного, чем воззрение, будто древние взгляды не могут быть ошибочными».²⁰ До-

¹⁸ Другой польский астроном, Станислав Словаковиц (1634–1701) хотя и критически относился к распространенным суждениям о кометах, тем не менее считал, что комета 1680 г. предвещает поражение Турции в ближайшей войне, см.: *Filozofia i myśl społeczna XVII w. / Opr. Z. Ogonowski. T. 2. Warszawa, 1979. S. 274–284.*

¹⁹ См.: *Бейль П. Исторический и критический словарь в двух томах. М., 1968. Т. 2. С. 195–264.*

²⁰ Там же. С. 206. Об этом эпизоде из истории европейской мысли см.: *Hazard P. The European Mind: 1680–1715. London, 1953. Ch. 2. § 2; Pomian K.*

казывая бесосновательность предрассудков, связанных с появлением комет, отделяя астрономию от теологии, Бейль расчищал пути для рационалистической науки. Для Московской Руси 80-х годов XVII в. воззрения Невеского были, конечно, более предпочтительны. Читатели Бейля появились здесь несколько позднее, в начале XVIII в., одним из первых был А. А. Матвеев.²¹

Рационалистическое отношение к небесным знамениям было характерно для Петра I, вообще скептически относившегося к разным «чудесам». Узнав о полном солнечном затмении 1706 г., он писал Ф. А. Головину: «Господин адмирал! Будущаго месяца (мая. — С. Н.) в первый день будет великое солнечное затмение. Того ради изволь сие поразгласить в наших людех, что когда оное будет, дабы за чудо не поставили. Понеже когда люди про то ведают прежде, то не есть уже чудо».²² И 10 апреля «Ведомости» подробно сообщали о ходе затмения.²³ Трудно сказать, насколько это было убедительно, поскольку те же «Ведомости» в 1710 г. сообщали из Варшавы: «Весь город в смущении, понеже с новою луною некоторые знаки к мору объявились, и все готовятся на иные места отъезжать».²⁴

Несколько позднее, в 1743–1744 гг. в России впервые проводились научные наблюдения кометы.²⁵ Это не помешало историку П. Н. Крекшину вступить в полемику с академическими учеными: «Сия звезда несть хворостуша и не комета, но некое особое предвозвещение, а имянно ежели бы могла быть хворостуша, то б имела хвост влекущий за собой обычно, а не вперед хвостом идущая. Написал... для того, что Академия наук об означенной звезде погрешила и написала неправо, понеже де оная звезда прогностическая».²⁶ Эта звезда, по мнению Крекшина, предвещала удачную

Komety, tolerancja i zło // Pomian K. Człowiek pośród rzeczy: Szkice historyczno-filozoficzne. Warszawa, 1973. S. 38–67.

²¹ См.: Библиотека А. А. Матвеева (1666–1728): Каталог. М., 1985. С. 61 (№ 210).

²² Цит. по кн.: *Святский Д. О.* Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения // ИОРЯС. 1915. Кн. 1. С. 145.

²³ См.: *Пекарский П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. СПб., 1862. С. 282.

²⁴ Ведомости времени Петра Великого. М., 1906. Вып. 2: 1708–1719. С. 31.

²⁵ См.: *Невская Н. И.* 1) Первые в России работы по теории комет // Развитие методов астрономических исследований. М.; Л., 1979. С. 484–508; 2) Петербургская астрономическая школа XVIII в. Л., 1984. С. 123–129.

²⁶ Цит. по: *Смагина С.* Навязчивые идеи XVIII века // Новый журнал. 1998. № 1. С. 150.

войну со Швецией (за свои рассуждения Крекшин угодил в Тайную канцелярию). И одновременно в те же годы в народе ходили слухи о комете: «И рассуждают философы, что Господь Бог Вседержитель готовил грешный день и час, что изначала века такого явления не было, и что надобно стрещися всякий день и час».²⁷ В этих «философских рассуждениях», уже ставших составной частью фольклорной стихии, слышны и отзвуки идей, которые русский читатель черпал в переводных памятниках последней четверти XVII в.

²⁷Цит. по: *Святский Д. О.* *Астрономические явления в русских летописях...* Кн. 2. С. 241.

**ЛАТИНСКАЯ ПРИТЧА XIII в.
О ДОЧЕРЯХ ДЬЯВОЛА
В РУССКИХ РУКОПИСЯХ XVII–XIX вв.**

В ряде русских рукописей XVII–XIX вв. встречаются две небольшие статьи, посвященные одному сюжету: дьявол (или антихрист) женится на Неправде (или Мерзости), а родившихся дочерей затем выдает замуж за людей разного звания. Эта аллегорическая история распределения грехов и пороков по социально-профессиональным признакам, получившая в России популярность из-за того что в XVIII в. попала в лубочную литературу, уходит своими корнями вглубь западноевропейского Средневековья.

Изменения в структуре феодального общества, произошедшие в XII в., породили, как отмечает Жак Ле Гофф, волну сюжетов о «дочерях дьявола», вступивших в брак с каждым из сословий и состояний («états»). В частности, он приводит следующий текст XIII в.:

У дьявола было девять дочерей, которых он выдал замуж:

Симонию	за клириков
Лицемерие	за монахов
Разбой	за рыцарей
Святотатство	за крестьян
Притворство	за слуг
Обман	за купцов
Ростовщичество	за бюргеров
Щегольство	за матрон

Разврат же он не пожелал ни за кого выдавать, но всем ее предлагает, как публичную девку.¹

¹ *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 246–247.

В XIII в. эта аллегория, которую предварило описание жены дьявола, «мерзейшей и зловонной», получила законченное выражение в «примере» (*exemplum*) знаменитого проповедника того времени Жака де Витри (1160 — ок. 1240)² и стала популярной в различных сборниках «примеров» XIII–XV вв.³ Анализируя порок и осуждая грех, проповедник рассматривал «индивида и общество — *sub specie peccati*. Все виновны пред Богом, и наряду с общечеловеческой греховностью, источник которой — первородный грех, существуют еще специфические, так сказать, «профессиональные» грехи, характерные для людей разных занятий и статусов. Никто не уходит от сурового суда проповедника».⁴ Поэтому число дочерей дьявола, т. е. пороков и грехов (не всегда «смертных» или «главнейших»), могло колебаться в разных сборниках «примеров» от двух-четырех до четырнадцати⁵ — в зависимости от представленной в проповеди концепции «анатомии греха».

Помимо прозаических версий сюжета о дочерях дьявола уже с XIII в. появляются и стихотворные его переложения, в том числе на национальных языках.⁶ Если прозаический «пример» кратко передает лишь суть аллегории, то стихотворные версии обычно более подробны и красноречивы.⁷

В русскую литературу XVII в. этот сюжет мог попасть обычным для того времени путем — из Польши. В польской проповеднической литературе «пример» на латинском языке о дочерях дьявола

²См.: *The Exempla or Illustrative Stories from the Sermones Vulgares of Jacques de Vitry* / Ed. by T. F. Crane. London, 1890. P. 101–102 (№ 244).

³См.: *Herbert J. A. Catalogue of Romances in the Department of Manuscript in the British Museum*. Vol. 3. London, 1910. P. 30; *Tubach F. C. Index Exemplorum. A Handbook of Medieval Religious Tales*. Helsinki, 1969. P. 116 (№ 1452), 130 (№ 1589).

⁴*Гуревич А. Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников (Exempla XIII века)*. М., 1989. С. 68. Ср.: *Michalowska T. Sredniowiecze*. Warszawa, 1997. S. 254–255.

⁵См.: *Bloomfield M. W. The Seven Deadly Sins. An Introduction to the History of a Religious Concept, with Special Reference to Medieval English Literature*. Michigan, 1952. P. 129.

⁶См.: *Ibid.* P. 136, 142.

⁷См.: *Meyer P. Notice du ms. Rawlinson poetry 241 (Oxford) // Romania. Recueil trimestriel*. Paris, 1900. Vol. 29. P. 54–72; *B. Hauréau. Les filles du diable // Journal des savants*. 1884. Avril. P. 225–228. Стихотворные описания грехов были известны и русской силлабической поэзии, ср. главку «Седьм грехов главнейших» в анонимной поэме нач. XVIII в. «Лествица к небеси»: Русская силлабическая поэзия XVII–XVIII вв. Л., 1970. С. 339–341.

известен с начала XIV в. по сборнику проповедей доминиканского монаха Перегринина из Ополя,⁸ а затем в XV в. он встречается у Петра из Мирослава.⁹ В обоих «примерах» речь идет о девяти дочерях, при этом перечисленные «состояния» и свойственные им пороки в значительной степени совпадают, немногим отличаясь от «примера» Жака де Витри и приведенного Ж. Ле Гоффом текста XIII в. Можно полагать, таким образом, что уже к XV в. «пример» на латинском языке о дочерях дьявола окончательно сложился, хотя были возможны и его локальные варианты.

В русской литературе XVII–XVIII вв. получили распространение оба варианта сюжета, прозаический и стихотворный. Первым появился в последней четверти XVII в. перевод его стихотворного изложения. Об одном его списке сообщил в 1903 г. А. И. Соболевский и напечатал значительные из него выдержки.¹⁰ Известен еще один список конца XVII в.¹¹ Текст памятника приводится по этим спискам (основной текст: ГИМ. Собр. Вахрамеева. № 445 — В; разночтения: РГБ. Собр. Ундольского. № 1079 - У).

Притча о дочерях¹²

Дьявол окаянный поял себе жену нечестиву, госпожу Мерзость урожену. Она ж проклятому супружница бысть мила, осмь дочерей подобных себе уродила, яже, совершенных лет своих дошедши, за люди различных чинов удобно замуж пошли. Отец бо вам лукавый зело промышляет, дочерей своих¹³ возлюбленных замуж выдает, дабы чрез то многих к себе о горе присвоити.

Первая.¹⁴ // Большая тогда, именем Гордостию названа, за богатых

⁸См.: *Wolny J.* Exempla z kazań niedzielnych Peregryna z Opolą // *Kultura elitarna a kultura masowa w Polsce późnego Średniowiecza.* Wrocław, 1978. S. 252.

⁹См.: *Brückner A.* Kazania średniowieczne. III // *Rozprawy Akademii Umiejętności, Wydział filologiczny.* Kraków, 1897. T. 25. S. 144; *Kośny W.* Czy «Satyra na leniwych chłopów?» Próba socjologiczno-literackiego opisu tekstu // *Pamiętnik Literacki.* 1976. Z. 4. S. 14. Об истории этого мотива в польской поэзии см.: *Goliński J. K.* Peccata capitalia. Ze staropolskich dziejów motywu // *Pamiętnik Literacki.* 2002. Z. 3. S. 69–86.

¹⁰См.: *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв. Библиографические материалы. СПб., 1903. С. 176–177. Привлечен список: РГБ. Собр. Ундольского. № 1079. Л. 71–72 об.

¹¹См.: ГИМ. Собр. Вахрамеева. № 445. Л. 48–51 об.

¹²В В заглавия нет.

¹³Нет У.

¹⁴Нет У.

и полных чрез изобилие повыдана. Для того богатии беднаго обидят и нищаго меж себя никого ненавидят.

Вторая.¹⁵ Вторую, иже той менши, Лютость, полюбивши велможи поняли, души свои впозабывши. Для того во многих местах кровь потоком течет, когда сильный безвинных на¹⁶ зпагубу¹⁷ влечет. Изобиденных слезами землю затопили, // плачь и вопль обиженных небо¹⁸ порушили. Они ж¹⁹ волю пред лютой своей любовнички смело творят, якобы Бога на небе²⁰ и не было.

Третья.²¹ Третья²² и той менши Сребролюбием названа, торговым и промышленным за жену отдана, та ж их всегда будит ненасыщенным очам: у кого много — болши желает и жадает, у нищаго и нужнаго²³ досталь выдирает.

Четвертая.²⁴ // Четвертой имя Измена, та общему чину мирскому доставшия, подает²⁵ причину разным служивым людем, наемным и черным, что они в повиности своей не тако вернии обретаются, как им подобает, и нечистая их совесть им повелевает паче что шатости, без души последуют иным и самим себе пагубу готуют.

Пятая.²⁶ Пятая художником отдана за жену и тем, что // достойнаго не годни суть чину. Ненависть ей имя, яже подущает, чтобы²⁷ всяк гулял, а чюему счастью и завидывает.

Шестая.²⁸ Шестая ж над всеми прехитростнейши²⁹ Лицемерством названа, якож и величайшим досталася некоторым, иже преукрашенныи³⁰ благодетельством, повреждени же лицемерством,³¹ людей льстят. А в той зла много³² от них раждается,³³ яко змиина³⁴ жало.

¹⁵ Нет У.

¹⁶ наз У.

¹⁷ в пагубу У.

¹⁸ Доб. по У, в В нет.

¹⁹ же У.

²⁰ небесе У.

²¹ Нет У.

²² Третья У.

²³ Доб. и У.

²⁴ Нет У.

²⁵ Испр. по У, в В: подобает.

²⁶ Нет У.

²⁷ чтоб У.

²⁸ Нет У.

²⁹ Испр. по У, в В: прехитроснейши.

³⁰ Испр. по У, в В: преукрашенным.

³¹ Испр. по У, в В: лицемерийством.

³² многа У.

³³ раждаются У.

³⁴ змей на У.

Воистину им нельзе // в малых дел говорити, яко бездушным людем. Кто может измерити зело пространну совесть их? Прехитростнейший, юже добродетelmi мниш украшеннейший.

Седмая.³⁵ Седмая, именована Спесь высока, замуж не хотела,³⁶ аще и полюбовников многих имела. Сватались младые бояре³⁷ царедворцы и приказные люди миротворцы.³⁸ Она ж красна лицом, добра собою, сама себе полюбила³⁹ всю // доброту свою, пошла к женскому полу, там подружилася и дворецкою⁴⁰ у них у всех учинилася. И то не без причины диявол вымышлял, что сие свое чадо им началством подавал, за то ж они обычай свой имеют и над всяким человеком погордятся смеют. К белилам и румянцам Спесь их побуждает и тем до их неволи многих привлекает. //

Осмая.⁴¹ Осмая дочь Скверною названа.⁴² Совет таков учинил отец окаянный: и чтоб всему миру присно в соблази была⁴³ и безопасных людей с путя сводила, злых похотей и свою волю творити прирожденным правом и телу угождати беззаконием всяким, блудом и нечистотою.

Каков построй, таков устрой. Приповесть от старинных. Зрите убо вси и страшитесь сих дочерей⁴⁴ окаянных.

А. И. Соболевский считал это произведение переводом, причем, по его мнению, «оригинал — несомненно на польском языке».⁴⁵ Однако предполагаемый польский источник обнаружить до сих пор не удалось; нет в тексте и явных полонизмов.⁴⁶ Но А. И. Соболевский, скорее всего, был прав. Сюжет притчи, столь популярный в евро-

³⁵ Нет У.

³⁶ похотела У.

³⁷ бояря У.

³⁸ Испр., в ркп.: миротворли.

³⁹ полюбивши ту У.

⁴⁰ Испр. по У, в В: дворецком.

⁴¹ Нет У.

⁴² называнна У.

⁴³ Испр. по У, в В: было.

⁴⁴ дочерей страшных У.

⁴⁵ Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв. С. 177.

⁴⁶ В этом отношении примечательна концовка памятника: «Каков построй, таков устрой». Ни в одном из сборников русских пословиц XVII–XX вв. такая пословица не зафиксирована. Пословица сопровождается термином «приповесть», который означает пословицу и является в этом значении безусловным полонизмом, см.: Николаева Е. К., Николаев С. И. Из истории русской паремиологической терминологии: (Конец XVII — первая половина XVIII в.) // Русский язык конца XVII — начала XIX в.: (Вопросы изучения и описания). СПб., 1999. С. 79.

пейских источниках, в оригинальных произведениях русской литературы не встречается. Переводной характер притчи особенно заметен в ее форме: в тексте постоянно встречаются следы рифм (*мила — уродила; промышляет — выдает; течет — влечет; названа — отдана; ждаает — выдирает; царедворцы — миротворцы; имеют — смеют* и др.). Остатки рифм расположены неравномерно, между ними может быть от 11 до 18 слогов (13–13, 13–15, 14–13, 15–14, 14–14, 14–11, 15–18 и т. д.). Это могло получиться только при переводе стихотворного текста, причем в том случае, если переводчик не намеревался передавать стихотворную форму оригинала (скорее всего, это был силлабический 13-тисложник). Не случайно и то, что имеющиеся в притче «рифмы» — глагольные простейшего вида, которые и ненамеренно сохраняются при переводе с родственного славянского языка. Только в кратком описании первой дочери все рифмы присутствуют: «Большая тогда, именем Гордостию названа, за богатых и полных чрез изобилие *повыдана*. Для того богатии беднаго *обидят* и нищаго меж себя никого *ненавидят*». Можно полагать, что если в оригинале были разноименные рифмы, то они пропали бы при переводе. Точно таким же способом в 1691 г. с польского языка было переведено нравоучительное стихотворение Яна Жабчица «Четвертак»: две первые строфы С. Ф. Чижинский перевел неловкими стихами с заимствованными из оригинала рифмами, а большую часть — прозой, в которой едва заметны следы польских рифм.⁴⁷

Краткая прозаическая версия сюжета о свадьбе дочерей дьявола появилась в русской литературе не позднее второй четверти XVIII в. Она известна по лубочной картинке этого времени работы Ахметьевской фабрики, на которой изображено брачное пиршество дьявола с Неправдой.⁴⁸ В нижней части картинке изображены несколько пар людей разного звания, женившихся на дочерях Неправды. Текст на картинке следующий:

О Неправде пишет, что дьявол въздумал некогда женитца и тако понял себе жену Неправду и прижел с нею сем дочерей и выдал их замуш, хотяша повлещи и зятиев собою в муку.

1. Была Горьдость и ону выдал за богатых людей.

⁴⁷См.: Николаев С. И. Произведения Яна Жабчица в русских переводах XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 190–192.

⁴⁸См.: Ровинский Д. Русские народные картинки. Т. 3: Притчи и листы духовные. СПб., 1881. С. 59.

2. Была Скупость и оную выдал за простых людей.
3. Была Лесть и оную выдал за деревенских мужиков.
4. Была Зависть и оную выдал за мастеровых людей.
5. Была Лицемерие и оную выдал за церьковников.
6. Была Тщеславие или Спесь и оную послал к женъшинам.
7. Была блудъница и ту не похотел замуш выдать, но оставил ю ходити блюдницею по свету и которой человек с нею содружитъся, тот вовеки не может ада лишится.⁴⁹

Эта краткая версия сюжета о дочерях дьявола, «лубочная», получила распространение в старообрядческой среде. Старообрядческая переделка сохранилась в ряде рукописей XIX в..⁵⁰

О антихристе⁵¹

Сын сатанин антихрист в осмой тысящи⁵² женился, поял себе жену Ложь и прижил семь дочерей и⁵³ переженил своих зятявей.

- 1.⁵⁴ Дщерь Лицемерка — отдал за духовной чип, за поповичей.
- 2.⁵⁵ Дщерь Зависть — отдал за мастеровых людей.
- 3.⁵⁶ Дщерь Гордость — отдал за богатых людей.
- 4.⁵⁷ Дщерь Неправда — отдал за гражданских судей.⁵⁸
- 5.⁵⁹ Дщерь Уньшие — отдал за скупых людей.
- 6.⁶⁰ Дщерь Лесть отдал за простых людей, за деревенских мужиков.
- 7.⁶¹ Дщерь Самолюбка — оную не хотя отдати в⁶² замужество, изволил во весь мир⁶³ пустити и кто с нею совокупится, аду не лишится. И

⁴⁹РНБ. Отд. гравюр. Собр. Олсуфьева. Т. 8. № 1434. На ленте в верхней части листа написано: «Выписано ис патерика скитъскаго».

⁵⁰См.: *Малышев В. И.* Усть-Цилемские рукописные сборники XVI–XX вв. Сыктывкар, 1960. С. 118, 120, 133. Текст издается по спискам: ИРЛИ. Собр. Усть-Цилемское, № 70. Л. 34 об.–35 об. (основной текст — У); ИРЛИ. Собр. Усть-Цилемское, № 67. Л. 318 об.–320 (Ц); ИРЛИ. Собр. Усть-Цилемское, № 91. Л. 7 об.–8 об. (П).

⁵¹В ЦП заглавия нет.

⁵²тысячи ЦП.

⁵³Доб. переженил сем дочерей и ЦП.

⁵⁴первая ЦП.

⁵⁵вторая ЦП.

⁵⁶третья ЦП.

⁵⁷четвертая ЦП.

⁵⁸людей ЦП.

⁵⁹пятая ЦП.

⁶⁰шестая ЦП.

⁶¹седмая ЦП.

⁶²Доб. по П; в УЦ нет.

⁶³Доб. по ЦП; в У нет.

всех зятевей усердно желает и на всяк день в гости призывает, и трапезу поставляет, и упитанных ко отцу своему сатане вечно спать отсылает.⁶⁴

В усть-цилемской переделке дочери-грехи переставлены местами, а Скупость и Тщеславие заменены на Неправду и Уныние, но по текстуальным совпадениям очевидно, что это переделка лубочного текста. В этой переделке, благодаря замене «некогда» на более определенное «в осмой тысящи», а «диавола» на «сына сатанина антихриста», эсхатологическая тема притчи обрела современное звучание. Но это не единственная старообрядческая переделка сюжета. Вторая известна в одном списке, керженском, 40-х годов XIX в.:

Выписано из книги Диядими. Восхоте бес взять себе жену и женился. Взял он за себя жену Неправду и родили с нею семь дочерей. Первую дочь Сребролюбие,⁶⁵ вторую дочь Зависть, третью дочь Лихоимство, четвертую дочь Гордость, пятую дочь Ненависть, шестую дочь Пиянство, седмую дочь Блуд. Они думали с женою своею Неправдою, за кого им дочерей своих отдавать замуж. Сребролюбие за ипока, Зависть за купца, Ненависть за ницаго, Гордость за князя, Лихоимство за судию, Пиянство за святителя. А Блуд не пошла замуж ни за кого, так скитается и до сего дни по всему свету.⁶⁶

Если усть-цилемская версия, безусловно, является переделкой лубочного текста, то керженскую переделку возвести к лубочной картинке не так просто, слишком отличаются между собой как имена дочерей, так и перечисленные «состояния». Возможно, это еще одна независимая переделка европейского ехемплум. Показательно, что керженская рукопись написана, судя по почерку, скорее всего, выходцем из Украины или Белоруссии. Упомянутая в самом начале керженской версии «книга Диядима» подтверждает предположение о другом, не лубочном источнике, хотя сама такая книга и неизвестна (возможно, это название сборника). Отличия между

⁶⁴ Еще один список этой версии притчи сохранился в сборнике первой половины XIX в. Гос. архива Тюменской области в Тобольске (№ 1, л. 14 об.), см.: *Дергачева-Скоп Е. И., Ромодановская Е. К.* Собрание рукописных книг Гос. архива Тюменской области в Тобольске // Археография и источниковедение Сибири. Новосибирск, 1975. С. 66. Е. К. Ромодановская любезно предоставила мне выписку из этой рукописи. Текст притчи в этом списке дефектный (без конца) и со многими описками. К публикации не привлекался.

⁶⁵ *Испр., в ркп.*: Среблолюбие.

⁶⁶ ИРЛИ. Собр. Керженское. № 96. Л. 31 об.

русскими версиями могут быть объяснены еще и тем обстоятельством, что хотя ехемпра в сборниках «прикладов» записывались поллатыни, произносились они в проповеди все-таки на национальном языке, а это давало возможность для разных перестановок и индивидуальных интерпретаций социальной иерархии грехов самим проповедником. Для старообрядческих переделок характерно исключение союза «Спеси» и женщин, а также то, что на первое место поставлены грехи священников и монахов. Из этого, в частности, следует, что рассказ о дочерях дьявола воспринимался старообрядцами не только как «духовная притча», но и как произведение с очевидными элементами социальной сатиры.

Таким образом, в русской литературе XVII–XIX вв. старинный западноевропейский сюжет о свадьбе дочерей дьявола зафиксирован в нескольких версиях. Адаптации латинского «приклада» в иноязычной и иноконфессиональной среде способствовало несколько обстоятельств. Свойственная средневековой Европе дьяволизация женщины и представление о ней как о подручной Сатаны⁶⁷ вовсе не было чуждо древнерусскому сознанию,⁶⁸ что особенно проявилось в поздней «Беседе отца с сыном о женской злобе».⁶⁹ Печатные листы с изображением женских фигур, олицетворяющих смертные грехи, были известны в Европе уже в XVI в.⁷⁰ На Руси были обычны и олицетворения всяческих пороков в виде женщин, например, в виде 12 сестер, «дочерей Иродовых», изображались лихорадки.⁷¹ Издавна были известны и «3 дщери у пиавици света сего: тщеславие, сребролюбие неправяго богатства, пианство несытое, исполънь блуда».⁷² В XVII в. женские олицетворения грехов встречаются в поэзии Симеона Полоцкого на польском языке,⁷³ а

⁶⁷ См.: Деломо Ж. Ужасы на Западе. М., 1994. С. 296–346.

⁶⁸ См.: Забелин И. Опыты изучения русских древностей и истории. М., 1872. Ч. 1. С. 129–178.

⁶⁹ См.: Титова Л. В. «Беседа отца с сыном о женской злобе». Исследование и публикация текстов. Новосибирск, 1987.

⁷⁰ См.: Деломо Ж. Ужасы на Западе. С. 342.

⁷¹ См.: Калачов Н. Названия лихорадок в заговорах // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, изд. Н. Калачовым. Кн. 2. Ч. 2. Отд. 6. М., 1854. С. 56–57; Памятники отреченной русской литературы / Собр. и изд. Н. Тихонравовым. Т. 2. М., 1863. С. 352–353.

⁷² См.: Прохоров Г. М. Памятники переводной и русской литературы XIV–XV вв. Л., 1987. С. 112.

⁷³ См.: *Luźny R. Pisarze kręgu Akademii Kijowsko-Mohylańskiej a literatura polska.* Kraków, 1966. S. 122.

затем и в русской силлабической поэзии XVIII в. (в переводе с польского):

На колеснице грядет Гордость пресвирепа,
Пред ней сидит Зависть — дщерь ея пелепа.
Презор, Высокоумство коня горе правит,
Гнев, Клевета, Убивство, Ненависть злославит.
Татба, Чревобесие, Кичение, Слава,
Упрямость, Любодейство и Лихва неправа,
Обида, Лесть, Неправда возблюдут жестоко,
Правосудия на ню зрит с небеси око.⁷⁴

Помимо сходства приемов средневекового аллегоризма, существенную роль в восприятии «притчи о дочерях» сыграла и определенная жанровая близость, возможность найти жанровый аналог средневековому «прикладу». На русской лубочной картинке характерна помета: «Выписано ис патерика скитъскаго». Конечно, в Скитском патерике ничего подобного нет, однако жанровое соответствие (ехемрлун — «притча») переводчик или гравер картинки подыскал довольно точно⁷⁵ (сходство жанровой природы патериковых рассказов и европейских средневековых ехемрла уже отмечалось⁷⁶).

В русском восприятии латинского «приклада» о свадьбе дочерей дьявола показательна конфессиональная толерантность переводчиков и читателей. Ведь латинская притча, судя по спискам XIX в., попала даже в наиболее конфессионально строгие старообрядческие круги. Впрочем, здесь «притча о дочерях» не является исключением: как раз в старообрядческом кругу наибольшую популярность получил «Тропник» папы Иннокентия III (так же XIII в.), «Великое Зерцало» и другие католические по происхождению памятники, в том числе небольшое францисканское стихотворение о

⁷⁴ Lewin P. Wykłady poetyki w uczelniach rosyjskich XVIII w. (1722–1774) a traducje polskie. Wrocław, 1972. S. 183. Из поэтики московской Славяно-греко-латинской академии 1748–1749 гг. Текст приводится с исправлением ряда чтений по рукописи: РНБ. Разнояз. Q. XIV. 67. Л. 39 об. См.: Николаев С. И. Николай Кохановский в обработке Симеона Полоцкого (наст. изд. С. 57.)

⁷⁵ Не исключено, что притча, действительно, могла попасть в какую-то рукопись Скитского патерика, откуда ее и выписал автор картинки. Но и в этом случае наличие латинского «приклада» в своде патериковых рассказов весьма показательно.

⁷⁶ См.: Николова С. Патеричните разкази в българската средновековна литература. София, 1980. С. 139–140.

суете мира (опять-таки XIII в.), попавшее и в лубочную картинку, и в рукописные, а затем и печатные песенники.⁷⁷

Можно полагать, что русские книжники смотрели на попавшие в русскую литературу католические по своему происхождению произведения не только сквозь призму ортодоксии, но и с точки зрения ортопраксии. То есть в том случае, когда в сочинении не затрагивались догматы веры, оно вполне могло войти в корпус «учительной» литературы. Этот подход позволял русской литературе осваивать духовную литературу, созданную в иноконфессиональной среде.

Рассуждая о судьбе «притчи о дочерях» в русской письменности, мы можем судить о ее восприятии только на основании числа переводов, разных версий и рукописей. Никаких непосредственных отзывов о ней не сохранилось. Но от начала XIX в. до нас дошло живое описание впечатления, которое лубочная картинка с изображением аллегорий грехов производла на зрителя. Романтически влюбленный герой романа В. Т. Нарезного «Российский Жилбляз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова» (1814) рассматривает в гостях картинку на стенах. «Тут синие мыши погребают фиолетового кота. “Это, видно, заморские звери”, — думал я и обратился к другой. О ужас! там представлен был страшный суд. Ад так широко разинул пасть свою; в нее волокли бояр, попов, старост, князей, убийц, зажигателей; все они были с багровыми от страха лицами. Я глядел далее и смотрел на изображение грехов, также туда идущих. Тут Гордость, там Жестокость, Лицемерство и проч. Я пробежал глазами большую половину их и душевно радовался, что я не убийца, не зажигатель. Правда, при изображении гордости я немного покраснелся, как вдруг попался глазам моим обольстителю невинности. Поблднев, отступил я назад. После подошел полюбопытствовать, что будут делать с обольстителем невинности. <...> Я вижу: черти раскаленными клещами вытаскивают язык из гортани, приговаривая: “Не лги, не клянись, не обольщай!” Волосы стали у меня дыбом».⁷⁸ Трудно судить, такое ли впечатление производила картинка с изображением свадьбы дочерей дьявола. Из нее, однако, было ясно, что все общество охвачено грехом, греховна сама его структура. Социальная сатира звучит здесь наряду с порицанием пороков.

⁷⁷ См.: Николаев С. И. Стихотворение Якопоне да Тоди «О суете мира» в русских переводах XVII в. // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 49. С. 224–236.

⁷⁸ Нарезный В. Т. Избр. соч. Т. 1. М., 1956. С. 64–65.

ИЗ ИСТОРИИ ПОЛЬСКОЙ САТИРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В РОССИИ (XVII — ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XVIII в.)

В потоке беллетристики XVII в., переведенной с польского языка,¹ сатирическая и просто шутливая проза занимает очень скромное место, во всяком случае по числу памятников. При этом из поразительно богатой и разнообразной польской народно-городской литературы² были переведены произведения, построенные на интернациональных сюжетах и мотивах и лишь частично отмеченные польским колоритом («Фацеции», «Златое иго супружества», «Апофегмы» Б. Будного). Вместе с тем в русских памятниках XVII в. обнаруживается ряд типологических черт, роднящих ее с не переводившейся тогда польской совизжальской литературой.³ Причины такого сходства могут быть разные. В частности, в результате тесного, а порой и запутанного для нас литературного общения русские книжники, сколько можно судить по описям библиотек и сохранившимся экземплярам,⁴ очень неплохо знали польскую юмористическую литературу.

Однако процесс общения был двусторонним, и любопытно, что

¹См.: *Malek E.* Narracje staropolskie w Rosji XVII i XVIII w. Łódź, 1988.

²См.: *Мочалова В. В.* Мир наизнанку: Народно-городская литература Польши XVI–XVII вв. М., 1985.

³См.: *Перетц В. Н.* К «Сказанию о молодце и девице» // Русский филологический вестник. 1913. Т. 69. № 2. С. 376–379; *Moczałowa W.* Miejsce anonimowej prozy plebejskiej w rosyjsko-polskich związkach literackich XVII w. («Сказание о роскошном житии и веселии» и «Nowy Świat») // Tradycja i współczesność: Powinowactwa literackie polsko-rosyjskie. Wrocław, 1978. S. 7–20.

⁴См.: *Николаев С. И.* 1) Польская поэзия в русских библиотеках XVII — первой трети XVIII в. и ее читатели // Русская литература XVIII — начала XIX в. в общественно-культурном контексте. Л., 1983. С. 173–179; 2) Старопольская проза в России в XVII–XVIII вв. // Русская литература. 1984. № 3. С. 243–244.

устная молва задолго опередила сами тексты. В XVII в. в польских юмористических сборниках встречаются описания забавных происшествий с польско-русского порубежья или русских земель.⁵ Польский язык XVII в. обязан русским остроловам идиомой «московский ответ» («*moskiewska odpowiedź*»),⁶ означавшей меткий, остроумный ответ. В сборнике «*Co nowego abo Dwór*» (1650) один такой ответ просто транскрибирован латиницей. Будучи в Польше, некий «москвитин» на вопрос «Что гремит в небе?» ответил: «*Ja dzie nie wiedaju, szto u mienie u czerewie burczyć, a ty zachociał wiedzieć, szto na niebie burczyć?*» («Я-де не ведаю, что у мене у череве бурчит, а ты захотел ведець, что на небе бурчит?»).⁷ Для истории выражения «московский ответ» более показательнее, что именно так поэт Вацлав Потоцкий озаглавил свое стихотворное переложение известной фации о юноше, похожем на цезаря Августа, содержание которой не имеет никакого отношения к России.⁸

Приведенные примеры указывают на то, что в XVII в. в результате взаимоперекрещивания контактно-генетических связей и типологических сходств в литературных взаимосвязях появляются разные виды филиаций, в целом создающие сложную картину, причем далеко не все вопросы поддаются однозначному решению.⁹ Нерешенные проблемы существуют даже в основном виде связей — в переводах. Так, «Фации» были переведены с польского языка на русский в 1679 г.; между тем непосредственный источник перевода до сих пор не установлен, так как из 77 новелл русского перевода только 65 имеют соответствия в известном польском издании

⁵См.: *Windakiewicz S.* Akta Rzeczypospolitej Babińskiej według oryginalnego rękopisu // *Archiwum do dziejów literatury i oświaty w Polsce.* T. 8. Kraków, 1895. S. 55; *Dawna facja polska (XVI–XVIII w.)* / Opr. J. Krzyżanowski i K. Żukowska-Billip. Warszawa, 1960. S. 502; *Antologia literatury sowiżrzańskiej XVI i XVII w.* / Opr. S. Grzeszczuk. Wrocław, 1966. S. 493–494, 504–505, 513–514, 533; *Krzyżanowski J.* Paralele: Studia porównawcze z pogranicza literatury i folkloru. Warszawa, 1977. S. 413; *Żera K.* Vorago rerum. Torba śmiechu. Groch z kapustą. A każdy pies z innej wsi... Warszawa, 1980. S. 118.

⁶См.: *Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich.* Warszawa, 1970. T. 2. S. 525.

⁷*Co nowego: Zbiór anekdot polskich z r. 1650* / Wyd. A. Brückner. Kraków, 1903. S. 44. См. также схожие ответы в других рассказах (С. 47, 51).

⁸См.: *Potocki W.* 1) *Wiersze.* Warszawa, 1966. S. 63; ср.: S. 40; 2) *Dziela.* Warszawa, 1987. T. 2. S. 255.

⁹См.: *Дюринин Д.* Теория сравнительного изучения литературы. М., 1979. С. 158.

1624 г.¹⁰ Для части остальных подыскиваются более или менее вероятные источники или аналогии в других польских сборниках, для некоторых же в польских источниках вообще нет аналогий.¹¹ Например, М. Чиккарини указывает отдаленную параллель к новелле «О молодой жене добрей и о старой злобней», хотя известно, что она заимствована из «Великого Зерцала»,¹² равно как и новелла «О крадущем репу у старца».¹³

О. А. Державина в издании «Фацеций» 1962 г. отметила, что в польских фацециях нет рассказа «О пекшем яйцо на свещи».¹⁴ Вскоре она же в рецензии на сборник «Старинная польская фацеция» указала опубликованный там сходный сюжет из польской рукописи XVII в.¹⁵ «Один монах пек над свечой яйцо, и когда его застал настоятель, сказал: “Дьявол меня соблазнил и научил”. А черт ему: “Врешь! Мне такого не придумать”». Однако этот анекдот из двух фраз содержит только пуанту, и вряд ли был источником хоть и небольшой, но все-таки развернутой фацеции. Кроме того, можно указать и более подходящий источник — новеллу из сборника «Смеющийся Демокрит» И.-Г. Ланге. Этот латинский сборник анекдотов был в XVII в. в царской библиотеке, а позднее встречался в библиотеках Стефана Яворского и А. А. Матвеева¹⁶ и вполне

¹⁰См.: *Faciesje polskie z roku 1624* / Wyd. A. Brückner. Kraków, 1903.

¹¹См.: *Чиккарини М.* Западные источники русско-польских фацеций XVII в. // ТОДРЛ. Т. 42. Л., 1989. С. 178. См. также: *Ciccarini M.* Z zagadek edytorskich literatury staropolskiej — «Faciesje polskie» z XVII wieku // *Przegląd Humanistyczny*. 1989. N 4. S. 147–173.

¹²См.: *Державина О. А.* 1) Фацеции: Переводная новелла в русской литературе XVII в. М., 1962. С. 161–165; 2) «Великое Зерцало» и его судьба на русской почве. М., 1965. С. 291–292; *Wielkie Zwierciadło Przykładów*. Kraków, 1624. S. 283–284. Об этом издании см.: *Николаев С. И.* К изучению «Великого Зерцала» // *Советское славяноведение*. 1988. № 1. С. 74–76.

¹³См.: *Державина О. А.* 1) Фацеции. С. 173; 2) «Великое Зерцало» и его судьба на русской почве. С. 408. Правда, Б. Вальчак-Срочиньская пишет, что в изданиях «Великого Зерцала» 1621 и 1633 гг. этой новеллы нет. См.: *Walczak-Sroczynska B.* «Wielkie Zwierciadło Przykładów» — dzieje tekstologiczne // *Slavia Orientalis*. 1976. N 4. S. 507.

¹⁴См.: *Державина О. А.* Фацеции. С. 43, 172–173.

¹⁵*Slavia Orientalis*. 1962. N 1. S. 126; ср.: *Dawna faciesja polska (XVI–XVIII w.)*. S. 303.

¹⁶См.: *Пытин А. Н.* Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857. С. 264; *Маслов С. И.* Библиотека Стефана Яворского. Киев, 1914. С. 39; Библиотека А. А. Матвеева (1666–1728): Каталог. М., 1985. С. 127. Ср.: *Маслова О. М.* Життя і літературна спадщина Лодовика Гвіччіярдні. Київ, 1929. С. 95.

мог попасть в руки переводчика «Фацеций». Вот текст интересующей нас новеллы из «Смеющегося Демокрита» в более позднем переводе XVIII в.

Андрей Лукард одному человеку, который ему предлагал, что он от него научился лицемерить, объявил следующую баснь: был один монах, который, не терпя посту и видя, что нет ничего у него в келье, кроме яйца, взял оное, до тех пор жарил на свече, пока оно не спеклось. Что настоятель того монастыря увидел, смотря сквозь щель, и вошедши в келью того монаха, много его бранил за то, который, извиняясь пред ним, сказал: диавол меня своим наваждением довел до такого греха. Диавол же, который в келии того монаха скрытно сидел под столом, выскочив из под одного, лжешь, сказал, мерзкой, не ты от меня, но я от тебя научился такому непотребству.¹⁷

Вполне естественное при изучении новеллы обилие выявленных параллелей к русским фацециям (в том числе и приведенная нами) все же в малой степени, на наш взгляд, проясняет состав русского сборника. Обычно считается, что неизвестный переводчик часть новелл взял из польского печатного сборника, а затем дополнил перевод новеллами из других сборников.¹⁸ Однако перевод избранных новелл с польского, а затем выборка и перевод отдельных рассказов из латинских, итальянских, немецких и польских сборников представляется маловероятным. Разумеется, эта ситуация не исключена, но совершенно не типична. Правда, нам неизвестно польское издание «Фацеций», которым пользовался переводчик; сохранившиеся издания отличаются друг от друга, в том числе и по составу, но и эти различия все же не столь разительны, чтобы предполагать, что существовало некое неизвестное нам издание, которое могло бы объяснить все особенности русского сборника.

Но возможен и еще один вариант: русский переводчик пользовался не печатным изданием, а польским рукописным сборником, основу которого составили избранные фацеции, дополненные другими новеллами. Эта возможность никогда не рассматривалась, вероятно, по той причине, что в XVII в. переводы с польского делались обычно по печатным изданиям. Однако польские рукописи, в

¹⁷Смеющийся Демокрит, или Поле честных увеселений. М., 1769. С. 112–113. См. также польскую стихотворную обработку сюжета, опубликованную в конце XVII в.: *Kuligowski M. I. Demokryt śmieszny*. Wilno, 1699. S. 113–114; *Krzyżanowski J. Paralele*. S. 399.

¹⁸См.: *Malek E. Narracje staropolskie w Rosji XVII i XVIII w.* S. 166–167.

том числе и с юмористическими произведениями, все же попадали в Россию. Об одном таком случае сообщил П. Зенбицкий в начале XX века.¹⁹

В столбцах Приказного стола сохранилось дело 1689 г. о поимке шляхтича Климки Доморацкого, посланного к гетману И. Мазепе с «прелестным письмом» львовским епископом Иосифом Шумлянским. Тогда шляхтич был отпущен и вторично задержан в Межигорском монастыре близ Киева в апреле 1698 г., а затем опять выдворен за рубеж. Обо всем этом боярин П. И. Хованский сообщал из Киева. У Доморацкого, в частности, были отобраны «шесть писем да цыдулка», в которой были записаны «смехотворные басни». Уже в Москве документы были переведены на русский язык. П. Зенбицкий в свою очередь отчасти пересказал, отчасти перевел эти «басни» на современный русский язык. Его публикация почему-то выпала из научного оборота, поэтому приводим текст перевода, но уже по рукописи бывшего архива Министерства юстиции.

ПЕРЕВОД С СПИСКА ЛИСТОВ ЧЮЖЕЗЕМНЫХ, ПЕРЕВЕДЕННЫХ НА ПОЛСКОЙ ЯЗЫК С РОЗНЫХ ЯЗЫКОВ

Алпиские горы от великого жара растаяли и мы вкусили того из них соку, толко был зело кисел, паче укусу Аннивалова. //

Ходя опомнясь около Трои,²⁰ видели есмы дым из некоей печи розваленой, х которой как пришли есмы, иашли три каплуна взоткнуты на рожон, уже и спекшиеся. Спрашивали есмы, какие то каплуны, и один нам сказал, что «нас еще до разорения сего города хотел изпечь господин бурмистр троянской сыну своему на свадьбу».

Гуляя около Афин,²¹ нашел есмь бумашку, на которой напечатаны были конклюсии, и спрашивал, какая то бумашка. И мне сказали, что те конклюсии написав, Зенон поднес господину Нерону.²² И как шли далее, и так увидели шляпу господина Платона н... осом,²³ и один некто от слепых, у[ви]дев²⁴ ее, прозрел.

Стали есмы в полдень на предъместии, и се хазяин дал капусты, которой вкусив, по-латине почал говорить. И спрашивал я: «Какая то ка-

¹⁹ См.: Зенбицкий П. «Смехотворные басни» // Живая старина. 1910. Вып. 1–2. С. 49–53. На эту публикацию любезно указала мне Э. Малёк.

²⁰ В ркп. на поле: город.

²¹ В ркп. на поле: народ.

²² В ркп. на поле: кесарь римской.

²³ В ркп. слово частично залито чернилами.

²⁴ В ркп. слово частично залито чернилами.

пуста?». Сказали мне, что²⁵ та капуста квашена в бочке диогенесевой.²⁶

В Персиде уже ковров не делают, только шерсть и шолк, коколю сеют, а они сами радятся, и так персидские килимы косят, а ковры жнут.

В Волохах столь великие роги выросли, что из них на корабли делают помочи. Опомнясь как один бык оборотился к Царюграду одним рогом, задел за башню одну, а другим задел за башню краковскую.

Во Иеросалиме у жидов перец поплеснел, который как в Кедроне²⁷ полоскали, вода огорчала.

Идучи Черным морем, спрашивали есмы: «Для чего то Черное море?» Сказали нам: «Для того, что часто чрез него квасцы возят». И у меня учал доброй человек просить: «Мой братец, пришли ко мне той воды три фляши в чернилницу». //

Также спрашивали мы: «Для чего слово море Мертвое?». Сказали нам: «Кто в нем утонет, тот умрет».

Добывая города Стригона, там великий и страшный вал и стену каменную копьем пробили, что копье посреде верхняго города оперлось.

Пало там со сто тысяч пехоты татарской, а двоекраты сто тысяч гусаров немецких, поймали есмы трех пашей живых без голов.

Я на поединок вызвал самого везира, на другой стороне Дуная стоячаго, и так смело в глаза ему трубкою смотрел.

После того побоища нашли есмы несколько рейтар, а иной без головы; а то ведаете, ваша милость, что и нога турков оттуду не ушла, потому что там не бывали.

Опомняшняго дни храбрые драгуны добыли одного замка у дверей, дивное дело, что их за такую храбрость повесили. //

СПИСОК 3 ДОМОВЫХ ЛИСТОВ

Под черским городом было трясение земли, а сказывали про то мужики пьяные, которые и то еще сказывают, что с ними и земля вокруг поворачивалась.

Под Гданском один рыболов трех китов уловил удою. Недалече от Калиша²⁸ толь велик лист на дереве родился, что из одного листа верхнее платье драгунское на целую роту поделали.

В Варшаве некакой пророк явился, а проповедает: кого на сей войне убьют, тот умрет, а три часа словечка не молвит.

Пишут оттуду: не ведают, правда ли, что там видели комету (се есть звезду) с хвостом березовую.

²⁵ *Испр., в ркп.: чта.*

²⁶ *В ркп. на поле: жил при Александре Македонском философ.*

²⁷ *В ркп. на поле: реке.*

²⁸ *В ркп. на поле: город.*

Под Ярославлем толь великие орехи лесовые родились, что в одной скорлупине ореховой всякой хлеб во Гданск сплавливают. //

Под Лешною²⁹ овцы с кормазинною шерстью явились. Уведав про то венецыане, приехало их в Подлешню сто кораблей, а под всяким кораблем сапи о дву копь.

Сказал мне недавно один проходец доброго жития свое явление, что видел он одного мужика, который одною ногою на востоке, а другою на западе солнца став, перо из гуся великого, каков Познань³⁰ с посадами, омакивал в Черном море и писал на телячей коже, а букву от буквы став[ил]³¹ на полутретьи версты, а точки ставя будто лвовья гора подо Лвовом. А на шапку вышло ему сто половинок сукна французского и четырёхкраты по сту тысячи соболей, на нашивку пятьсот конатов корабельных, // на пугвицы все горы рудные. Один ус был да вавилонской, а другой до калишской³² башни присучен. Что плюнул — то новая река была, а что дохнул — то тысяча кораблей на мори³³ оборачивались³⁴ в верх.³⁵ А сабли его рукоять на конце за вселенною пятнатцать верст сто тысяч леших³⁶ соснами и дрекольями поднимали.³⁷

Получила ли эта пародийная газета распространение на Руси,³⁸ неизвестно, но русский аналог этому довольно популярному жанру польской юмористики³⁹ появился в 1730-х годах. Известен ряд списков юмористических «авизий»,⁴⁰ приуроченных к разным датам (1736, 1748, 1774 и др.), причем в одном неизданном списке

²⁹ В ркп. на поле: предместье.

³⁰ В ркп. на поле: город.

³¹ В ркп. обрыв.

³² В ркп. на поле: город Калиш.

³³ Испр., в ркп.: мари; далее обрыв.

³⁴ Далее в ркп. обрыв.

³⁵ Испр, в ркп.: всех; далее в ркп. обрыв.

³⁶ В ркп. на поле: диких людей.

³⁷ РГАДА. Ф. 210. Стб. 2039. Л. 199–200. См. также: *Matek E. Materiały do badań nad recepcją polskiej literatury i folkloru w Rosji (nowiny lgarskie i anekdoty) // Slavica Orientalis. 1993. N 2. S. 211–213, 215–216.*

³⁸ См.: *Stankiewicz L. Staropolskie parodie prasy // Prace Literackie. Wrocław, 1964. T. 6. S. 123–140.*

³⁹ См.: *Buchwald-Pelcowa P. Satyra czasów saskich. Wrocław, 1969. S. 211; Dawna facesja polska. S. 415–418.*

⁴⁰ См.: *Адрианова-Перетц В. П. Юмористические куранты // Уч. зап. Лен. пед. ин-та. 1948. Т. 67. С. 48–56; Розов Н. Н. «Гистория о купце», неизвестный памятник посадской сатирической литературы XVIII в. // XVIII век. Сб. 3. М.; Л., 1958. С. 444–448. Впервые неполный текст «авизий» был опубликован В. Г. Рубаном под заглавием «Балакиревы ведомости» (см.: *Трудолюбивый муравей. 1771. № 12. С. 93–94.*)*

новости датированы самыми фантастическими числами: «31 февраля», «54 листопад», «38 грудень» и пр., в том числе и одна «правильная» дата – 1 апреля.⁴¹ Происхождение русских «авизий» неизвестно, но характерно, что в 1770-х годах они были включены в переведенные с польского «Похождения Совестдрала».⁴²

В бумагах гетмана И. Мазепы был обнаружен выполненный в начале 1700-х годов перевод польской рукописной сатиры «Echo w głębią ponurzonej wolności polskiej, z ziemianinem korespondujące, z podziemnego marmuru trzemi słowy odpowiadające. A. D. 1702» — «Глас в бездну низверженной вольности польской со землянином, сии есть со благородно сановитым мужем».⁴³ Несомненно по рукописи в начале 1710-х годов был сделан перевод «Краткого описания, как ныне возмущенны дела в Европе» — небольшого политического памфлета времен войны за испанское наследство.⁴⁴ А в начале 1720-х годов русский читатель познакомился еще с одним популярным жанром польской рукописной сатиры — памфлетом в виде реплик участников карточной игры. «Пикируясь», партнеры дают свою оценку политической ситуации в Европе. Такие «карточные игры» появлялись довольно часто во время Северной войны и сохранились в ряде рукописей. По счастью, оригинал публикуемого текста (в отличие от «смехотворных басен» и «Краткого описания») сохранился и отыскивается среди ряда произведений, проанализированных П. Бухвальд-Пельцовой.⁴⁵ Начинается он так: «Kart granie całej Europy monarchów. Cesarz: Mój pan ojciec w dobrą grę mnie wprawił, będą grał dalej».

Обратимся к тексту русского перевода.⁴⁶

⁴¹ См.: ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 3, №9. С. 144–146.

⁴² См.: *Malek E.* Narracje staropolskie w Rosji w XVII i XVIII w. S. 220, 261.

⁴³ См.: Птенцы Петра Великого: Письма, донесения и заметки его сподвижников и современников. 1702–1725 гг. / Сообщ. П. П. Ламбин и С. И. Турбин // Русская старина. 1872. Т. 5. №6. С. 932–934.

⁴⁴ См.: *Соболевский А. И.* Из переводной литературы Петровской эпохи: Библиографические материалы. СПб., 1908. С. 35. Текст издан, см.: *Николаев С. И.* Польская поэзия в русских переводах. Вторая половина XVII — первая треть XVIII в. Л., 1989. С. 72–73.

⁴⁵ См.: *Buchwald-Pelcowa P.* Satyra czasów saskich. S. 244–246.

⁴⁶ РНБ. Q. XVII. 96. Л. 32–33 об. (в разночтениях — А); БАН. Тек. пост. №1341. Л. 505–505 об. (в разночтениях — Б).

ВСЕЙ ЕВРОПЫ МОНАРХОВ КАРТ ИГРАНИЕ

1. Цесарь молвит: «Мой пан отец, что добрую о мне игру справил, буду более играти».
2. Француз: «Я буду играти, как бы выиграти».
3. Папа: «Пане Боже, помагай⁴⁷ ис той игры, ибо моя коза меня обманула».
4. Король гишпанской: «Имею добрые карты, буду играти, ибо мне не коштует, когда есть чужой мешок».
5. Гетман: «Я зело боюся, чтоб и остатка не проиграть».
6. Аглинская королева: «Я буду играти, маю наилучшую карту ипамфиля».⁴⁸
7. Галанцы: «Мы такожде имеем добрый козырь и помогаем».
8. Дацкой король молвит: «Я паш».
9. Швед: «Я играю и выгрываю,⁴⁹ а не вем, где мои гроши деваются».
10. Август: «Ежели короля убью, то выиграю,⁵⁰ ибо туза маю».
11. Прусской: «Я себе особливо буду играти».
12. Князь келенской: «Я помагал, да не ведаю, как удастся».
13. Боварский: «Я уже не хочю играть,⁵¹ все проиграл, болши не имею что ставити».
14. Флоренский: «Потребно мне инако карты перетасовать, для того ничего не прииял».
15. Люнебургский:⁵² «Я всякой карте буду годовати».
16. Савойский:⁵³ «Перестану я от моей игры, в дамы буду играти».
17. Полша: «Чорт знает, что за карты! Не можем их в купу собрати».
18. Швейцар: «Я играю за людей, а сам убытчусь».
19. Венецыйской: «Я иному в той игре вспомог».
20. Модена: «Не могу себя по той игре видети».⁵⁴
21. Португалский: «Пускай иному хотя обратится игра, то моя выиграна будет, когда имею киналя».⁵⁵
22. Бовария: «Хотя⁵⁶ имела короля, однако ж все проиграла».
23. Венеция: «Моя игра плюгавая и велми скаредная».
24. Рагоцкий: «Зле моя игра идет».

⁴⁷ Нет Б.

⁴⁸ ипанфиля Б.

⁴⁹ выигрываю Б.

⁵⁰ выиграю Б.

⁵¹ Доб. когда Б.

⁵² Люнебургский Б.

⁵³ Испр. по Б, в А: Савонский.

⁵⁴ В Б реплики «Венецыйской» и «Модена» переставлены местами.

⁵⁵ Нет Б.

⁵⁶ Испр. по Б, в А: хотела тя.

25. Лещинский: «Надеюсь на короля, да туза боюсь».

26. Москва: «Брате Августе, играй смело, и я за тебя, ибо имею пандероля».⁵⁷

27. Турок: «Не буду я в ту игру мешаться, понеже мне исперва досталось».

28. Плевосеятель: «Играйте, играйте, панове,⁵⁸ ибо и я ис той игры имею себе добрую находку».⁵⁹

Названные памятники сохранились в единичных списках, что вполне понятно: до середины XVIII в. в русской сатире политический оттенок был «несравненно слабее, чем в европейской».⁶⁰ «Краткое описание...», «Всея Европы монархов карт игранье» и другие сочинения, собственно, и знакомили с жанрами польской политической сатиры, переводы которой продолжатся и во второй половине XVIII в.⁶¹

Теперь есть все основания считать, что польская сатира и юмористика попадали в Россию в виде не только печатной, но и рукописной книги, при этом русские переводы могли сохранить неизвестные редакции или даже ранее неизвестные исследователям литературные произведения. Этим, однако, не исчерпываются все возможные пути литературных связей. Особые исторические условия, в которых протекали польско-русские литературные связи, позволяют поставить и вопрос о роли устной традиции в литературных контактах. Конечно, выявить следы таких контактов и отделить их от письменных очень сложно, поскольку число источников, где они могли бы быть зафиксированы, очень невелико.⁶² Но для начала XVIII в. один такой случай, кажется, можно указать.

В 1718 г. Феофан Прокопович произнес известное «Слово о власти и чести царской», в котором в качестве *exemplum* привел следующую анекдот: «Два человека вошли в церковь, не помолитися, но красти. Один был в честном платье, а другой в рубище и лап-

⁵⁷ панцероля Б.

⁵⁸ Испр. по Б., в А: пано.

⁵⁹ карту Б.

⁶⁰ Адрианова-Перетц В. П. Образцы общественно-политической пародии XVIII — нач. XIX в. // ТОДРЛ. Т. 3. М.; Л., 1936. С. 335.

⁶¹ См.: Там же. С. 347–356.

⁶² См.: Алексеев М. П. Сравнительное литературоведение. Л., 1983. С. 43–48, 58–63; Николаев С. И. Новелла в «Дневнике путешествия в Московию» И. Г. Корба // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 162–167.

тях. А договор был у них не во общую корысть збирать, но кто что захватит, то его. Лапотник искуснейший был и тотчас в олтарь да на престол и, обираючи, заграбил что было там. Взяла зависть другого. И аки бы с ревности: «Ни ли ты, — рече, — боишися Бога, в лаптях на престол святыи дерзнул». А он ему: «Не кричи, брат, Бог не зрит на платье, на совесть зрит»». ⁶³

О. А. Державина справедливо посчитала это место в проповеди Феофана типичной фацецией, но отметила, что «ни в русских, ни в польских фацециях такого рассказа нет». ⁶⁴ Действительно, в польских печатных сборниках такой анекдот нам не встретился, но он известен по рукописному сборнику анекдотов XVIII в. «Как-то осенью вор подговорил себе помощника и забрались они в костел; старший влез на алтарь в грязной обуви и стал сдирать с алтаря серебро. А только что принятый ученик его говорит: “Эх, перепачкал ты своими ногами такие чудные покрывала”. А старший на это отвечает: “Эх, дурень ты, дурень! Бог смотрит на чистое сердце, а не на грязные ноги”». ⁶⁵ Феофан Прокопович, превосходно знавший польскую устную языковую стихию, ⁶⁶ в данном случае пересказал анекдот, вполне типичный для украинских проповедников. ⁶⁷

Переплетение типологических сходств и генетических связей, питавшихся печатными, рукописными и устными источниками, не только вносит разнообразие в картину литературных связей, но и значительно усложняет само их исследование. Например, обнаруженное типологическое сходство между «Сказанием о роскошном житии и веселии» и памятниками польской совизжальской литературы ⁶⁸ может иметь и более простое объяснение. Еще

⁶³ Феофан Прокопович. Сочинения. М.; Л., 1961. С. 91.

⁶⁴ Державина О. А. Фацеции. С. 85.

⁶⁵ Dawna facescja polska. S. 495. Ср.: Żeru K. Vorago rerum. Torba śmiechu. Groch z kapustą. A każdy pies z innej wsi. . . S. 92. Несколько отличный вариант см.: Ze starych szpargałów śp. Karola Żery fraszki i opowiadania. Warszawa, 1893. S. 39.

⁶⁶ В его проповедях встречаются и польские пословицы; характерно, что применительно к Петербургу он говорил в проповеди: «Испразднися оная древняя пословица сарматская: не разом Краков будовано» (Феофан Прокопович. Сочинения. С. 45. Ср.: Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłówiowych polskich. Warszawa, 1970. Т. 2. S. 189).

⁶⁷ См.: Крекотень В. І. Оповідання Антонія Радивилівського: З історії української новелістики XVII ст. Київ, 1983.

⁶⁸ См.: Панченко А. М. Материалы по древнерусской поэзии. IV: (Стихотворная параллель к «Сказанию о роскошном житии и веселии») // ТОДРЛ. Т. 30. Л., 1976. С. 318–323.

В. П. Адрианова-Перетц не отрицала возможности того, что «за этим «Сказанием» стоял какой-то польский оригинал, до сих пор не установленный исследователями». ⁶⁹ Действительно, об этом свидетельствуют как полонизмы в тексте, так и польская часть пути «до тово веселья», который начинается в Кракове. Можно указать еще одно «родимое пятно» гипотетического польского оригинала. Путь в страну изобилия завершает фраза «А кого перевезут Дунай, тот домой не думай». ⁷⁰ По форме это пословичное выражение, правда, при «противусильной» рифмовке «Дунай — думай». Русские сборники пословиц такой пословицы не фиксируют. ⁷¹ Вообще «Дунай» фигурирует только в трех русских пословицах, две из которых читаются в первом русском сборнике конца XVII в.: «Волга плыть долго, а Дунай широко»; «Дунай река велми широка»; ⁷² «Видно, уж Дунай с Волгой не сойдутся». ⁷³ А вот в польской паремнографии легко отыскивается аналог выражению из «Сказания», отмеченный в текстах XVI–XVII вв.: «Przebywszy Dunaj, do domu nie dumaj» (1582), «Zajechawszy za Dunaj, już do domu nie dumaj» (1618). ⁷⁴

Польское происхождение заключительной фразы «маршрута» в «Сказании» достаточно очевидно, и вполне объяснимо: в XVII в. пословицы и поговорки не заменялись в переводе их отечественными эквивалентами (чего требует современная теория перевода), а переводились пословно либо просто транслитерировались (см. ряд примеров в переводе «Фацеций»).

В «Сказании» довольно много полонизмов; примечательно, что полонизм есть даже в заглавии. «Роскошный» в настоящее время не ощущается как заимствование, между тем «роскошь» в

⁶⁹ Русская демократическая сатира XVII в. / Подг. текстов, ст. и коммент. В. П. Адриановой-Перетц. М., 1977. С. 186.

⁷⁰ Там же. С. 33. Новое, более исправное издание текста см.: Памятники литературы Древней Руси: XVII век. М., 1989. Кн. 2. С. 189–192.

⁷¹ По данным картотеки фразеологического семинара при межкафедральном словарном кабинете им. Б. А. Ларина (Филологический факультет Санкт-Петербургского гос. университета).

⁷² *Симони П.* Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий. СПб., 1899. С. 87, 96.

⁷³ *Разумов А. А.* Мудрое слово: Русские пословицы и поговорки. М., 1958. С. 128.

⁷⁴ См.: Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich. Warszawa, 1969. Т. 1. S. 503; ср.: *Adalberg S.* Księga przysłów, przypowieści i wyrażeń przysłowiowych polskich. Warszawa, 1894. S. 111.

оригинальных русских памятниках появляется только в начале XVIII в.,⁷⁵ а в XVII в. это слово помещалось в азбуковниках с пометой «пол<ское>»,⁷⁶ это относится и к прилагательному «роскошный». Например, в шести разных переводах XVII в. книги Ш. Старовольского «Двор турецкого султана» слово «gozkoszny» передано как «прохладный», «утешный», «изряднейший», «изобильный», «достаточный» и, наконец, «роскошный»⁷⁷ (характерно, что «роскошный» появился в наиболее буквалистском переводе, пестрящем полонизмами).

Наблюдения над языком «Сказания» никак не приближают нас к гипотетическому польскому оригиналу, но все же подтверждают возможность его существования. Сложнее обстоит дело с другим памятником, более часто привлекавшимся при изучении польско-русских литературных контактов — «Повестью о Шемякином суде». Если в «Сказании о роскошном житии и веселии» польский оригинал, хотя и не обнаруженный, все-таки угадывается, то в «Повести о Шемякином суде» его следов не видно; однако в нескольких списках повести указано: «выписано ис полских книг», «выписано ис книги з жарт полских», «выписано из книг жартов». Именно эти записи являлись отправными при рассмотрении «Шемякина суда» с точки зрения сравнительного литературоведения.

Поиски польского оригинала были безуспешны: схожей новеллы в польских сборниках обнаружить не удалось. Только Н. С. Тихонравов нашел у польского поэта Миколая Рея стихотворную фацетию «О человеке, который показывал судье камень»,⁷⁸ которая, впрочем, является параллелью лишь к концовке «Шемякина суда». Это обстоятельство, а также насыщенность повести русскими реалиями дали основание значительной части исследователей, начиная с А. Н. Пыпина,⁷⁹ отрицать польское влия-

⁷⁵См.: *Kochman S.* Polsko-rosyjskie stosunki językowe od XVI do XVIII w.: Słownictwo. Opole, 1975. S. 116–125.

⁷⁶См.: *Kochman S.* Polonica w leksykografii rosyjskiej XVII w. Warszawa; Wrocław, 1975. S. 49.

⁷⁷См.: *Kochman S.* 1) Polsko-rosyjskie stosunki językowe od XVI do XVIII w. S. 124; 2) *Dzieje wyrazów rosyjskich*. 1. Roskoś // *Zeszyty naukowe Wyższej szkoły pedagogicznej w Opolu: Filologia rosyjska*. Opole, 1973. T. 9. S. 5–18.

⁷⁸См.: *Тихонравов Н. С.* Шемякин суд // *Тихонравов Н. С.* Сочинения. М., 1898. Т. 1. С. 312; *Rej M.* Wybór pism. Warszawa, 1979. S. 185.

⁷⁹*Пыпин А. Н.* Шемякин суд // *Архив исторических и практических сведений, относящихся до России* / Изд. Н. Калачевым. М., 1859. Кн. 4. Отд. 5. С. 1–10; *Лапцук И. П.* Повесть о суде Шемяки и судебная практика второй

ние и объяснять происхождение «Шемякина суда» русскими сказками.

И все-таки, как представляется, решительное исключение польского влияния поспешно и чересчур категорично. Близость «Шемякина суда» к русской сказке существенна, но аналогичный сюжет разработан не только в русском,⁸⁰ но и в польском фольклоре.⁸¹ Самостоятельному возникновению «Шемякина суда» на русской почве противоречит не только известность этого сюжета в средневековых литературах Востока и Запада,⁸² но и его разработка в новеллистике европейских авторов эпохи Возрождения (например, новелла Франко Саккетти «Мессер Рубиконте, подеста Флоренции, произносит три прекрасных и необычайных приговора в пользу Беньяи»;⁸³ выявлен также ряд аналогичных сюжетов и в других новеллах итальянских авторов⁸⁴). А. М. Панченко как раз в связи с «Шемякиным судом» справедливо отмечал, что «разграничение оригинальных и заимствованных текстов порою затруднительно, порою бесполезно»,⁸⁵ но прав был и М. П. Алексеев, когда писал, что «как ни трудно бывает порою установить причину сходства между отдельными литературными произведениями разноязычных литератур, следует в каждом случае в первую очередь предполагать прямое или опосредованное воздействие одного из этих произведений на другое: случайность самозарождения почти исключена, о какой бы эпохе литературной жизни ни шла речь».⁸⁶

В случае с «Шемякиным судом» для такого предположения основанием стала запись «выписано ис полских книг». Сторонники самозарождения повести объясняли ее появление тем, что на каком-то этапе истории текста повесть бытовала в одном сборнике с пе-

половины XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1948. Т. 6. С. 60–99; *Гудзий Н. К.* История древней русской литературы. М., 1953. С. 398; *Робинсон А. Н.* Шемякин суд // Краткая литературная энциклопедия. М., 1975. Т. 8. Стб. 687–688.

⁸⁰Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка. Л., 1979. С. 313.

⁸¹См.: *Krzyżanowski J.* Polska bajka ludowa w układzie systematycznym. Wrocław, 1963. Т. 2. S. 79–80. Ср. польскую стихотворную обработку сюжета: *Kuligowski M. I.* Demokryt śmieszny. S. 98.

⁸²См.: *Ольденбург С.* Шемякин суд // Живая старина. 1891. № 3. С. 183–185.

⁸³См.: *Франко Саккетти.* Новеллы. М.; Л., 1962. С. 281–283.

⁸⁴См.: *Rotunda D. P.* Motif Index of the Italian Novella in Prose. Bloomington, 1942. P. 42.

⁸⁵Истоки русской беллетристики. Л., 1970. С. 557.

⁸⁶*Алексеев М. П.* Сравнительное литературоведение. С. 274.

реводными фацециями, а затем была «выписана» из этого сборника.⁸⁷ Такое объяснение, равно как и попытка усмотреть в записи защитительный характер от возможной цензуры представляются несколько натянутыми.⁸⁸ Кроме того, польской литературе знаком этот сюжет.

В польском рукописном сборнике XVII в. записана история о пилигриме, который, подходя к городу, помог крестьянину вытянуть увязшую в грязи лошадь и, конечно, оторвал ей хвост. Крестьянин пожаловался бургомистру, и пилигрим, желая задобрить последнего, принес его беременной жене овощей. Она их съела, отравилась, и у нее случился выкидыш. Бургомистр созвал совет, и пилигрим был приговорен к смертной казни. Когда его вели через мост к виселице, он увидел на реке монаха в лодке. Пилигрим решил прыгнуть в лодку к монаху, чтобы затем укрыться в монастыре, но прыжок был неудачен, и пилигрим убил монаха. В суде пилигрим подробно объясняет свои поступки благими побуждениями, и судья выносит приговор: пилигриму ездить на лошади, пока у нее не отрастет новый хвост, жить с женой бургомистра, пока не родится ребенок, плавать под мостом на лодке, пока с моста не упадет монах и не убьет его.⁸⁹

В этой фацеции отсутствует, как видно, только концовка из стихотворной фацеции М. Рея, которая, кстати, известна в позднейшей польской прозаической переработке.⁹⁰ Таким образом, теперь уже нельзя сказать, «что в польской литературе не найдены до сих пор произведения, вполне соответствующие нашей повести».⁹¹ Надо полагать, что пометка «выписано ис полских книг» в значительной

⁸⁷См.: Русская повесть XVII в. [Л.], 1954. С. 448.

⁸⁸См.: *Лотман Ю., Успенский Б.* Новые аспекты изучения культуры Древней Руси // Вопросы литературы. 1977. №3. С. 157, прим. 2. Аргументация авторов явно недостаточна, так как во втором приводимом ими примере — «ис кроловских книг» (приписка к стиху «О диаконове поминке и о кутии») — описка; должно быть — «из крыласких книг» (см.: Русская демократическая сатира XVII в. С. 232).

⁸⁹*Dawna fałecja polska.* S. 242–243. Ю. Кшижановский писал, что в известном рукописном сборнике анекдотов и фацеций середины XVIII в. «*Vorago rerum*» К. Жеры есть развернутая новелла на этот сюжет (*Slownik folkloru polskiego / Pod red. J. Krzyżanowskiego.* Warszawa, 1965. S. 478). Однако обнаружить в указанной им рукописи соответствующую новеллу мне не удалось, см.: РНБ, Польск. Q.XV.29. См. также: *Zera K. Vorago rerum. Torba śmiechu. Groch z kapustą. A każdy pies z innej wsi...* Warszawa, 1980.

⁹⁰*Ibid.* S. 394.

⁹¹*Гудзий Н. К.* История древней русской литературы. С. 398.

степени верна. Каков был облик гипотетического оригинала, сказать трудно. Скорее всего это была рукописная новелла, близкая к приведенному рассказу о злоключениях пилигрима, но уже с добавленной концовкой в духе стихотворения Рея.

«Шемякин суд» относится к тем повествовательным памятникам, которые легко поддаются языковой адаптации и русификации. В данном случае вполне уместна аналогия с фацециями, переводчик которых, как показала О. А. Державина, «в сущности не переводил, а излагал польский текст. Он заменял слова оригинала иными по смыслу словами, кое-что сокращал или добавлял».⁹² Динамичной была и история текста фацей. О. А. Державина, анализируя расхождения текста в разных списках, пришла к выводу о существовании трех разных переводов, и только недавно выяснилось, что перевод был все-таки один.⁹³ Добавим также, что для переводов XVII в. характерна и определенная русификация терминологической лексики, в том числе административной и юридической.⁹⁴

Разыскание в истории сюжета «Шемякина суда» в польской литературе позволяет, как представляется, считать, что из всех предшествующих суждений о происхождении повести ближе всего к истине был осторожный вывод Д. Ровинского: «За всем тем повесть эта не переведена с какого-нибудь языка дословно, но она только заимствована или переделана из польских или немецких сказаний с прибавлением чисто русских подробностей».⁹⁵

В истории польско-русских литературных связей XVII–XVIII вв. еще много не проясненных проблем, одна из них — роль польской рукописной и устной традиции. В данной статье роль этих традиций была частично освещена для русской сатирической и «смеховой» литературы, но ее полное выявление требует значительного расширения источниковедческой базы.

⁹² Державина О. А. Фацеции. С. 48.

⁹³ См.: Walczak B. O przekładach facecji polskich na język rosyjski // *Slavia Orientalis*. 1972. N 1. S. 47–64.

⁹⁴ См.: Иссерлин Е. М. Лексика русского литературного языка XVII в. М., 1961. С. 42–52.

⁹⁵ Ровинский Д. Русские народные картинки. СПб., 1881. Т. 4. С. 175.

ТВЕРСКОЙ ГРЕКОФИЛ XVIII в. — ПЕРЕВОДЧИК С ПОЛЬСКОГО

Строфика русской силлабической поэзии долгое время считалась бедной. По мнению В. К. Третьяковского, в силлабическом стихосложении «строф, кроме сафической, никаких ... нет».¹ Это суждение повторяется иногда и сейчас.² Между тем только в «Псалтыри рифмотворной» (1680) Симеона Полоцкого встречается более десяти видов различных строф,³ а эту первую русскую печатную поэтическую книгу читали и переписывали. Она в прямом смысле была на слуху, поскольку вся была положена на музыку еще в XVII в.

Некоторые строфы, считающиеся довольно редкими и введенными в русскую поэзию лишь в конце XVIII в., существовали в ней к этому времени по меньшей мере столетие. Например, пятистишие с пятым холостым стихом (*ааббх*) — не редкость в русской поэзии XVIII в. М. Л. Гаспаров считает, что этот прием — нерифмованная концовка рифмованной строфы — пришел в русскую поэзию из немецкой песенной строфики.⁴ В. Е. Холшевников называет ее изобретателем Г. Р. Державина.⁵ Эти наблюдения, возможно, верны в отношении Державина («Ключ», «К лире» и др.) или

¹ Третьяковский В. К. Избранные произведения. М.; Л., 1963. С. 435.

² См., напр.: Hippisley A. The poetic style of Simeon Polotsky. Birmingham, 1985. P. 19.

³ См.: Luźny R. «Psalterz rymowany» Symeona Połockiego a «Psalterz Dawidów» Jana Kochanowskiego // Slavia Orientalis. 1966. N 1. S. 10–11.

⁴ См.: Гаспаров М. Л. 1) Холостой стих // Краткая литературная энциклопедия. М., 1975. Т. 8. Стб. 307; 2) Очерк истории русского стиха. М., 1984. С. 95.

⁵ См.: Мысль, вооруженная рифмами: Поэтическая антология по истории русского стиха / Сост. В. Е. Холшевников. Л., 1984. С. 42.

С. С. Боброва.⁶ Но пятистишие с заключительным холостым стихом появилось у нас еще в XVII в., когда о немецком влиянии говорить не приходится, тогда как польское влияние очевидно.

В польской литературе эта строфа встречается с XV в. в религиозной поэзии, а в XVII в. становится популярной песенной строфой, нередкой и в книжной поэзии.⁷ Уже из польской поэзии эта строфа перешла в русскую.

Вероятно, впервые ее использовал Симеон Полоцкий в приложенной к Псалтыри «Молитве святого Захарии»:

Благословен Господь Бог израилев буди,
Яко посещь избави от бед своя люди
И рог нам спасения в Давидове дому
Отрока си воздвигл есть во славу святому
Имени своему.

Якоже усты святых пророк глаголаше
От века спасение содеяти наше
От враг не любящих нас милость сотворити
Со отцы нашими во памяти възбудити
Истинный завет свой.⁸

Пятистишием *аавех* (6-6-6-6-3) написано одно из лучших лирических стихотворений XVII в. — анонимные «Рифмы краесогласнии о прелести суетнаго сего мира и буйстве, како мир другом своим, их же прелщает в мале, зле ругается вечно» (1691 или 1692):

Размышляй си вышу, О человекь сыну,
И умствуй то себе, Яко в мале требе
В персть снити.

Вникли в мир очима Прилежно твоима
И виждь, коль суетна Есть же и преметна
Жизнь наша.

Зри непостоянство Мира окаянство,
Виждь, яко мир лестный Враг есть всем известный
В нем сущим.⁹

⁶См.: Бобров С. Рассвет полночи. СПб., 1804. Ч. 1. С. 39–43; Ч. 3. С. 135–136, 193–194, 202–203, 221–222.

⁷См.: *Szczerbicka-Słęk L. Strofa pięciowersowa // Strofik / Praca zbiorowa pod red. M. R. Mayenowej. Wrocław, 1964. S. 176–201.*

⁸Симеон Полоцкий. Псалтырь рифмовторная. М., 1680. Л. 138 об. Отметим, что псалом 34 написан строфой *аав*.

⁹Панченко А. М. Стихотворный отклик на свержение царевны Софьи // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник 1974. М., 1975. С. 87.

В начале XVIII в. 12 строф из этого огромного, содержащего более ста строф, стихотворения попали в рукописный песенник, а затем в конце столетия — в печатный сборник духовных псалмов,¹⁰ так как из-за своей песенной по происхождению строфы «Рифмы...» явно воспринимались как духовный стих.

В поэзии первой половины XVIII в. пятистишие с заключительным холостым стихом встречается неоднократно: это и стихотворная автобиография подьячего,¹¹ и лирические стихотворения (в том числе приписываемая императрице Елизавете Петровне песня¹²) и многочисленные духовные канты.¹³

Одно из самых интересных применений этой строфы, причем заимствованное непосредственно из польской поэзии, относится к середине века. В 1730–1750-х годах в тверской славяно-латинской школе подвизался учитель греческого языка и ревнитель греческого просвещения Иван Евдокимов. Из-за своего неуживчивого характера и происков недоброхотов (их он видел в сторонниках польско-латинского образования) он мыкался из одной епархиальной школы в другую, какое-то время вообще не служил и терпел нужду.¹⁴ Наконец, в 1757 г. он обратился к епископу переяславскому и дмитровскому Амвросию Зертис-Каменскому со слезным прошением, в котором в частности, писал: «Изведи мя из неволи сея, из Вавилонскаго плена тверскаго, да не реку скупаго, во Иерусалим свободы, в землю, кипящую млеком и медом»,¹⁵ т. е. попросту

¹⁰См.: Verse und Lieder bei den Ostslaven 1650–1720: Incipitarium I. Anonyme Texte / Zusammengestellt von F. Schäfer und J. Bruss. Hrsgb. von H. Rothe. Köln; Wien, 1984. S. 163 (N 652); Духовные и торжественные псалмы, собранные в пользу любителей оных московским купцом Яковом Добрыниным. М., 1799. С. 55–56 (стих включает строфы 1–6, 17, 15, 18, 85, 86, 112 по публикации А. М. Панченко).

¹¹См.: *Покровская В. Ф.* Стихотворная автобиография подьячего XVIII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1935. Т. 2. С. 283–300.

¹²См.: Отчет имп. Публичной библиотеки за 1870 год. СПб., 1872. С. 159–160; *Позднеев А. В.* Неизвестная поэтесса петровского времени // Русская литература на рубеже двух эпох. (XVII — начало XVIII в.). М., 1971. С. 294–295.

¹³См.: *McMillin A. B., Drage C. L.* «Kuranty»: an Unpublished Russian Song-Book of 1733 // Oxford Slavonic Papers. New Series. Vol. 3. 1970. P. 10–11, 26, 27; *Sullivan J., Drage C. L.* An unpublished religious song-book of mid-eighteenth century Russia. London, 1978. P. 42, 68, 72, 75, 76, 77, 94, 97; Verse und Lieder bei den Ostslaven. S. 1, 5, 10, 28, 40, 82, 84, 90, 113, 150, 152, 181, 184, 189, 193.

¹⁴Биографические сведения о Евдокимове собраны в кн.: *Колосов В. И.* История Тверской духовной семинарии. Тверь, 1889. С. 14–43.

¹⁵Там же. С. 37.

говоря, в Переяславль. Прощение, кажется, осталось без последствий. Последний по времени документ, обнаруженный в бумагах Евдокимова, — стихотворение о неизбежной смерти, навеянное тяжелым положением автора и написанное, вероятно, одновременно с прощением к епископу Амвросию. Вот его текст.

Помни пезабвенно всяк — житье прременно,
Не будет надменных, гордых, вознесенных
На земли.

Открой только очи и зри, как во дни и в почи
Время протекает, а смерть угнетает
Всех обще.

Не щадит монархов и ни патриархов,
Влечет господ славных и князей державных
Ко гробу.

Вельмож благородных, рабов и свободных,
Монахов от скита и архимандрита
Смерть емлет.

Вожди, храбры в брани, ею в гной попрани,
Меч их исторгает и самих ввергает
В ров земный.

Школьных от тетради на век отлучати
Знает и ученых творити смущенных
Внезапу.

Витийства учитель, быстрых звезд блюститель
Мудрый богословец, славный стихотворец
В гроб ляжет.

Не поможет доктор, ни многих денег сбор,
Шуба не отрада, от смертнаго хлада
Не греет.

Купцы, корчемницы и вси лихоимцы
Спешат за нею, как за госпожею
И не в честь.

Невежд с предиканты, стряпчих с музыканты,
Певчих и владыку, всех к равному лику
Придет сместь.

Писец и художник, секретарь и сапожник,
Судья и солдаты в едином параде
В смерть встанут.

Где будет сенатор, там и регистратор,
Смерть протоколиста и канцеляриста
Сравняет.

Младья дочери, сыны живы, как серпом крины,
 Потом и родивших, и всех долго живших
 Мертваит зле.
 Но даждь, вечный Боже, не в греховном ложе
 Нам в мире почити, потом в радость внити
 На веки!¹⁶

Издатель отметил необыкновенно лирический характер стихотворения, редкий для литературного наследия Евдокимова. Однако оказалось, что это — перевод, и примечательно, что автор-грекофил для выражения своей скорби по поводу обрушившихся на него житейских невзгод обратился к польской поэзии и перевел «Песню о неизбежной смерти», не указав, конечно, своего источника.

Песня с зачином «Pamiętaj, człowiecze, Jak żyjesz na świecie...» известна в отдельном издании конца XVII в.,¹⁷ фольклорных записях первых лет XVIII в. и конца XIX в.,¹⁸ а также по изданиям в сборниках религиозных песен 1745 и 1799 г.¹⁹ Это три существенно отличающихся, в том числе и объемом (от 7 до 23 строф), варианта одной песни: литературный, фольклорный и книжная стилизация, выполненная в духе католизации фольклора.²⁰ Сличение текстов показывает, что оригиналом стихотворения Евдокимова был последний вариант.

Польские религиозные песни попали в Россию еще в XVII в., и тогда же один из вариантов этой песни в транслитерированном виде оказался в русских рукописных песенниках.²¹ Были у нас известны и печатные польские сборники религиозных песен (канционалы), например, они значатся в описях библиотек Стефана Яворского и

¹⁶ Там же. С. 38-39.

¹⁷ См.: *Sokolski J.* Trzy siedemnastowieczne pieśni o śmierci // *Literatura ludowa*. 1988. N 3. S. 54-56.

¹⁸ См.: *Hernas Cz.* W kalinowym lesie. Warszawa, 1965. Т. 2. S. 9-10; *Pieśni ludu śląskiego z okolic Cieszyna* zebrał dr. A. Cinciała // *Zbiór wiadomości do antropologii krajowej*. Kraków, 1885. Т. 9. S. 252.

¹⁹ См.: *Pieśni nabożne na święta uroczyste według porządku Kościoła świętego katolickiego rzymskiego na cały rok zebrane*. Wilno, 1745. S. 565; *Pieśni nabożne na adwent, Narodzenie, post i Zmartwychwstanie i inne święta uroczyste <...>*. Supraśl, 1799. S. 424. С этими редкими изданиями ознакомиться не удалось, пользуюсь перепечаткой песни по изданию 1799 г.: *Nowicka-Jeżowa A.* *Pieśni czasu śmierci: Studium z historii duchowości XVI-XVIII w.* Lublin, 1992. S. 361.

²⁰ Ср.: *Hernas Cz.* *W kalinowym lesie*. Т. 1. S. 115-117.

²¹ См.: РНБ. Собр. Погодина. № 1974. Л. 54 об.-55.

Лаврентия Горки.²² Вполне вероятно, что в Твери могло оказаться и издание 1745 г.

Перевод Евдокимова свободный и далек от буквализма, свойственного как другим семинарским переводам с польского того времени,²³ так и транслитерированным польским песням в русских песенниках XVIII в.²⁴ Вот для примера оригиналы третьей и пятой строф перевода:

Nie cierpi królowi ani papieżowi,
Bierze i książęta, biskupy, panięta
Do grobu.
I hetmana z boju prowadzi do gnoju,
Wydarłszy buławę podrzuci pod ławę
W kościele.

Стихотворение Евдокимова вообще не производит впечатления перевода: в нем нет полонизмов, текст очищен от польских реалий. Так, польскому «król» соответствует «монарх», «papież» — «патриарх», «hetman» — «вождь», «buława» — «меч» и т. д. А 12 строфа перевода, где перечисляются сенатор, регистратор, протоколист и канцелярист, похожа на выписку из общего расписания классовых должностей в Российской империи. Велеречивый церковнославянский стиль, вообще свойственный Евдокимову (ср. цитату из прошения), безусловно регистром выше польского оригинала, ориентированного на фольклор.

Таким образом, из предыстории пятистишия с заключительным холостым стихом видно, что оно пришло в русскую поэзию из польской и встречается как в песенной, так и в книжной строфике. Под несомненным влиянием духовной песни за этой строфой закрепились определенная семантическая окраска:²⁵ строфа встречается

²²См.: *Николаев С. И.* Польская поэзия в русских библиотеках XVII — первой трети XVIII в. и ее читатели // Русская литература XVIII — начала XIX века в общественно-культурном контексте. Л., 1983. С. 178. (XVIII век. Сб. 14).

²³Ср.: *Lewin P.* Wykłady poetyki w uczelniach rosyjskich XVIII w. (1722–1774) a tradycje polskie. Wrocław, 1972. S. 168–185.

²⁴См.: *Позднеев А. В.* Польские песни в русских рукописных песенниках XVIII в. // Русский фольклор. М.; Л., 1963. Т. 8. С. 206–214.

²⁵Ср.: «Можно даже сказать, что строфа есть сама по себе некий лирический или эпический жанр (или поджанр), то есть произведения, объединяемые одинаковостью строф, представляют собой некоторую жанровую общность» (*Томашевский Б. В.* Стих и язык. М.; Л., 1959. С. 220).

в медитативной лирике на темы «суеты сует», бренности мира и т. п.²⁶ Этот семантический ореол строфа сохранила и позднее: у В. К. Тредиаковского в «Оде на суетства мира» (1730),²⁷ в упоминавшихся стихотворениях Державина и Боброва, а также у некоторых второстепенных поэтов (Д. Колоколова, А. Волкова),²⁸ хотя здесь уже и возможно влияние немецкой строфики, которое не противоречило сложившейся традиции.

Обращение тверского учителя греческого языка к польской поэзии если и кажется неожиданным, то лишь на первый взгляд. Конфессиональное размежевание «грекофилов» и «латинствующих» уже в конце XVII в. не означало принципиальных расхождений в отношении литературного творчества. Польская «Песня о неизбежной смерти» в славянизированном переложении Евдокимова органично продолжила традиции русской силлабики, хотя в эпоху становления новой русской поэзии предсмертное стихотворение семинарского учителя и могло восприниматься как запоздалая реплика литературной моды конца XVII в.

²⁶ Мне известны следующие исключения: этой строфой написаны торжественные стихи в честь Петра I (см.: ЧОИДР. 1862. Кн. 4. Смесь. С. 4–6) и некоторые монологи в «Действе о семи свободных науках» (1702; см.: Пьесы школьных театров Москвы. М., 1974. С. 127–192).

²⁷ См.: *Тредиаковский В. К.* Избранные произведения. С. 78–79.

²⁸ См.: Иппокрена. 1799. Ч. 2. С. 316; *Волков А.* Дар музам. М., 1811. С. 43–47.

АНТИОХ КАНТЕМИР В ПОЛЬСКОМ ЖУРНАЛЕ XVIII века

Антиох Кантемир стал первым русским писателем, получившим известность в Европе. Его сатиры были изданы на французском языке в Голландии (1749) и Франции (1750), на немецком — в Берлине (1752), существовал также не сохранившийся перевод на итальянский,¹ а первую сатиру еще в 1733 г. перевел на французский в Константинополе русский дипломат Д. А. Вешняков.² В России же сатиры Кантемира были напечатаны лишь в 1762 г., причем необходимость их издания обосновывалась в частности тем обстоятельством, что «Кантемировы сочинения на разных языках давно уже в свет изданы».³ От внимания исследователей европейской славы Кантемира ускользнул появившийся через десять лет после русского издания еще один перевод, на этот раз польский.

В 1770–1777 гг. в Варшаве выходил журнал «Приятные и полезные увеселения, собранные из разных авторов» («Zabawy przyjemne i rozuteczne z różnnych autorów zebrane»). Это был первый польский журнал, посвященный почти исключительно литературе и в значительной степени заполнявшийся переводными материалами. В 1772 г. в журнале был опубликован прозаический перевод шестой сатиры Кантемира под заглавием «Время жизни человеческой. Сатира. Из князя Кантемира» («Trudy ludzkiego życia. Satyra.

¹См.: *Грассгоф Х.* Первые переводы сатир А. Д. Кантемира // *Международные связи русской литературы.* М.; Л., 1963. С. 101–111; *Копанев Н. А.* О первых изданиях сатир А. Кантемира // *XVIII век.* Л., 1986. Сб. 15. С. 140–154.

²См.: *Майжов Л. Н.* Материалы для биографии кн. А. Д. Кантемира. СПб., 1903. С. 21.

³*Пекарский П. П.* История имп. Академии наук в Петербурге. СПб., 1870. Т. 1. С. 656.

Z księżęcia Kantymira»).⁴ Как показывает сличение с оригиналом, перевод очень близок к нему, что видно хотя бы из следующего примера:

И сам Аполлон, тебя как в улице видит,
Свите твоей и возку твоему завидит.
Ужли покоен? — Никак!⁵

«Sam Apollo widząc cię po ulicach jadącego zazdrościłby tobie i powozu i świetności orszaku. Ale powiedz szczerze: jesteście prawdziwą obdarzony spokojnością? Wynajmniej» («Сам Аполлон, видя, как ты едешь по улицам, позавидовал бы и твоей карете, и великолепию свиты. Но скажи честно: испытываешь ли ты истинное спокойствие? — Ничуть»).

Для переводческой практики XVIII в. перевод достаточно точен (вольный стихотворный немецкий перевод этой сатиры в два раза больше оригинала по объему⁷). Отличия польского текста от русского сводятся к изменению заглавия (в оригинале — «О истинном блаженстве»), отсутствию в переводе авторских примечаний, отдельным перестановкам слов и частей предложений и замене стиха прозой. В этих отличиях не было бы ничего примечательного, если бы большая их часть не находила соответствий во французском переводе.

Деление на абзацы польского прозаического текста совпадает с французским,⁸ в польском их, правда, на один больше — 10. Примечаний Кантемира нет в обоих переводах. Во французском переводе сатира не имеет заглавия, поэтому польский переводчик сам ее озаглавил, отсюда и разительное несовпадение с русским оригиналом. Из мелких отличий показательны следующие. Описывая дом «свалюбца», Кантемир говорит, что он наполнен тем, что произвели «Италия, Франция». Во французском переводе обратный порядок — «la France, l'Italie», так же и в польском — «z wytworności Francuzów, przemysłu Włochów». Разбогатевший на торговле маслом купец назван у Кантемира «Сильвием»; во французском переводе

⁴Zabawy przyjemne i pożyteczne z różnych autorów zebrane. 1772. T. 7. Cz. 2. S. 156–167. Ксерокопией перевода я обязан любезности д-ра Романа Мазуркевича (Краков).

⁵Кантемир А. Собрание стихотворений. Л., 1956. С. 149.

⁶Zabawy przyjemne i pożyteczne. S. 161–162.

⁷См.: Кантемир А. Satiren. Berlin, 1752. S. 145–159.

⁸См.: Cantemir A. Satyres. Londres, 1749. P. 366–383 (1750 — P. 189–203).

в издании 1749 г. он ошибочно зовется «Filvius», в издании 1750 года, которое в основе лишь перепечатка предыдущего — «Filinius», в польском — «Filinius».

То обстоятельство, что польский перевод восходит к французскому изданию 1750 г., позволяет предположить, что польский переводчик вообще не держал в руках самой книги сатир Кантемира. Дело в том, что шестая сатира, вероятно, как наиболее горацянская по духу, была перепечатана по изданию 1750 г. в майском номере за тот же год издававшегося в Берлине на французском языке журнала «Парнасская пчела», а на следующий год — в лейпцигском журнале И.-К. Готшеда появился ее немецкий перевод.⁹ Между тем известно, что именно «Парнасская пчела» была одним из источников польских «Приятных и полезных увеселений».¹⁰ Когда с 1771 г. в польском журнале стали часто печатать переводы из Горация, вероятно, обратили внимание и на горацянскую сатиру Кантемира (кстати, в том же номере «Приятных и полезных увеселений» опубликован и перевод одной из сатир Горация).

Сатира Кантемира оказалась единственным произведением русской литературы, появившимся в «Приятных и полезных увеселениях» за все годы существования журнала.¹¹ Стал ли этот перевод известен в России, неизвестно, однако сам журнал попасть в Россию мог. Так, в библиотеке поэта и переводчика В. Г. Рубана было семь томов этого журнала.¹² Возможно, что это было второе издание (1775–1794; 7 частей), в составе которого том с сатирой Кантемира переиздан не был.

В связи с публикацией польского перевода Кантемира возникает еще один вопрос. Считается, что первым русским стихотворением, переведенным на польский язык, было стихотворение Ю. А. Нелединского-Мелецкого «Выйду я на реченьку», выполнен-

⁹См.: L'Abeille du Parnasse. 1750. N 18. P. 145–151; Das Neuste aus der anmuthigen Gelehrsamkeit. 1751. S. 259–266. К сожалению, с журналом Готшеда ознакомиться не удалось.

¹⁰См.: *Estreicher K.* Bibliografia polska. Kraków, 1951. T. 34, zesz. 1. S. 9; Słownik literatury polskiego Oświecenia. Wrocław, 1977. S. 805.

¹¹См.: *Aleksandrowska E.* «Zabawy przyjemne i pożyteczne» (1770–1777). Monografia bibliograficzna. Wrocław, 1959. S. 220. Во втором издании книги (Warszawa, 1999. S. 33) Э. Александровская указала, что сатира была переведена с французского языка, и установила имя переводчика сатиры Кантемира — им был редактор журнала Ян Альбертранди.

¹²См. описание его библиотеки: РНБ. Ф. 653. № 1. Л. 43.

ный С. Трембецким в 1790-х годах,¹³ т. е. четверть века спустя после публикации польского перевода сатиры Кантемира. Правда, Кантемира перевели с французского, но и Трембецкий воспользовался подстрочником, а его перевод так и остался в рукописи и был издан лишь в 1880 г.¹⁴ И это не единственный пример перевода русских стихов на польский с подстрочника в 1790-х годах.¹⁵

Польская литература трудно открывала для себя русскую литературу. Хотя путь сатиры Кантемира на страницы польского журнала оказался многоступенчатым, все-таки именно она стала первым произведением русской литературы, переведенным на польский язык.¹⁶ Других переводов Кантемира на польский так и не появилось.

¹³См.: *Literatura rosyjska*. Warszawa, 1970. Т. 1. S. 317; *Literatura polska: Przewodnik encyklopedyczny*. Warszawa, 1985. Т. 2. S. 305.

¹⁴См.: *Rabowicz E.* Stanisław Trembecki w świetle nowych źródeł. Wrocław, 1965. S. 27, 406-407.

¹⁵См.: *Берков П. Н.* Русско-польские литературные связи в XVIII веке. М., 1958. С. 58.

¹⁶В 1778 г. с русского языка на польский была переведена драма М. Хераскова «Гонимые», которая и считается первым русским художественным произведением, переведенным на польский (см.: *Luźny R.* *Dramat rosyjski w Polsce w wieku XVIII i na początku wieku XIX* // *Slavia Orientalis*. 1962. №3. S. 353).

ИЗ ИСТОРИИ РУССКИХ ИЗДАНИЙ «АПОФЕГМ» БЕНЯША БУДНОГО

Изданию 1788 г. перевода «Апофегм» польского писателя Б. Будного (ум. после 1624 г.) в историографии польско-русских литературных связей не повезло. Даже в работах, посвященных переводам и изданиям этого сборника (первое — 1711 г.) оно не упоминается.¹ Между тем оно хорошо известно и зафиксировано в «Сводном каталоге русской книги гражданской печати XVIII в.» как новый перевод сборника.² И хотя однажды было мимоходом отмечено, что издание 1788 г. «включает в себя те же повести и изречения, что и предыдущие издания, отличаясь от них лишь некоторыми редакционными изменениями»,³ издание все равно считается новым переводом.⁴

Издание 1788 г. отличается от предшествующих девяти⁵ уже ти-

¹См.: *Malek E.* Staroruskie przekłady «Apoftegmatów» Bieniasza Budnego // *Studia filologiczne wyższej szkoły pedagogicznej w Bydgoszczy. Zesz. 4: Filologia rosyjska.* Bydgoszcz, 1978. S. 7–23; *Сазонова Л. И.* Апофегматы (Исследовательские материалы для «Словаря книжников и книжности Древней Руси») // *ТОДРЛ.* Л., 1988. Т. 41. С. 3–6.

²См.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII в.: 1725–1800. М.; Л., 1962. Т. 1. С. 131; ср.: *Polska literatura piękna od XVI w. do początku XX w. w wydawnictwach rosyjskich i radzieckich.* Wrocław, 1982. Т. 1. S. 145.

³*Анушкин А. И.* «Апофегматы» Беняша Будного // *Книга: Исследования и материалы.* М., 1971. Сб. 22. С. 134. В других публикациях о сборнике Будного А. И. Анушкин обходит вопрос о происхождении текста, см.: *Анушкин А. И.* Рассказы о старых книгах. М., 1979. С. 51.

⁴См.: *Луэжский Р.* Древнепольская традиция в литературе русского Просвещения // XVIII век. Сб. 10. Л., 1975. С. 182.

⁵См.: Описание изданий гражданской печати: 1708 — январь 1725 г. / Сост. Т. А. Быкова, М. М. Гуревич. М.; Л., 1955. С. 119–120, 128, 185, 194, 412; Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII в. Т. 1. С. 130–131; *Зернова А. С., Каменева Т. Н.* Сводный каталог русской книги кирилловской печати

тульным листом. Вместо обычного заглавия «Апофегмата, то есть кратких, витиеватых и нравоучительных речей книги три», здесь книга названа «Собрание нравоучительных, кратких и замысловатых речей в трех частях». Однако не сравнение титульных листов или текста побудило исследователей говорить о новом переводе. Источник этой версии известен. В цензурной ведомости конца 1780-х годов значится, что рукопись «Собрания нравоучительных речей» в ноябре 1787 г. представил «переводчик Дмитрий Тростин».⁶ Эта запись и дала основание для атрибуции издания, а также для включения Тростина как переводчика с польского в словник «Словаря русских писателей XVIII в.».⁷ Однако биография Тростина и его остальные литературные труды позволяют усомниться в справедливости этих решений.

Дмитрий Петрович Тростин происходил из духовного сословия. Он родился в 1760 г., учился в Суздальской семинарии, по окончании которой в 1777 г. был направлен в гимназию Московского университета; с 1779 г. он студент университета, а в 1782 г. уже защитил диссертацию на латыни о системе мира, отмеченную серебряной медалью. С 1783 г. до выхода на пенсию «за старостью и слабостью» в 1826 г. Тростин читал в гимназии латинскую грамматику, затем преподавал арифметику, геометрию, тригонометрию, алгебру. К концу университетской карьеры он был адъюнктом математики и коллежским советником. Скончался в Москве 28 декабря 1834 г. (по старому стилю).⁸

Все литературные труды Д. П. Тростина относятся к первому десятилетию его педагогической деятельности. К 1788 г. кроме «Собрания нравоучительных речей» также относится 1-е издание учебника «Новая латинская азбука, или Легчайший метод читать по латине», выдержавшего несколько изданий (2-е — 1799; 5-е — 1823), а в следующем году он выпустил второй учебник — «Азбука французская новая» (2-е изд. — 1797). В 1792 г. Тростин издал в переводе с французского «Эзоповы басни с баснями латинского стихотворца

XVIII в. М., 1968. С. 527.

⁶Осмнадцатый век. 2-е изд. М., 1868. Кн. 1. С. 501. В. С. Сопиков считал, что издание 1788 г. — перевод с французского, см.: *Сопиков В. С.* Опыт российской библиографии. СПб., 1905. Ч. 4. С. 287.

⁷См.: Словарь русских писателей XVIII века: Принципы составления. Образцы статей. Словник. Л., 1975. С. 86.

⁸См.: РГИА. Ф. 733. Оп. 29. № 87. Л. 6–11 (формулярный список Тростина, составленный в 1826 г., запись о смерти — на л. 22).

Филельфа», переизданные в 1810 г. Ни в одном из изданий XVIII в. не была указана фамилия Тростина, лишь в конце предисловий стояли буквы «Т.» или «Д. Т.».⁹ Эта анонимность, вероятно, дала повод приписать Тростину ряд изданий, ему заведомо не принадлежащих, в частности изданные в Петербурге в 1764 и 1773 гг. грамматики французского языка (в это время Тростину было соответственно 4 года и 13 лет).¹⁰

«Собрание нравоучительных, кратких и замысловатых речей» было, таким образом, первым литературным опытом университетского преподавателя, который ни до ни после этого издания со славистикой не сталкивался. Издание 1788 г. немногим отличается от предшествующих переизданий перевода сборника Б. Будного, выполненного в первом десятилетии XVIII в., и при этом повторяет все его отличия от польского оригинала, т. е. в издании Тростина и в переводе петровского времени переведены 3 книги (в оригинале их 4), опущены одни и те же изречения и т. д.

Сличение издания 1788 г. с предшествующим ему изданием 1781 г. показывает, что это вовсе не новый перевод, а отредактированный перевод петровского времени. Редактура Тростина свелась к устранению архаичных глагольных форм и незначительному поновлению лексики и синтаксиса. Вот пример с первой же страницы книги, достаточно типичный для всей работы Тростина.¹¹

1781	1788
Сократово учение	О Сократовом учении
Неблагодарнаго человека дело, еже в очи кого хвалить, а затем хулить. Человека разумнаго знак, еже бы никого до беды не привести (с. 1).	Неблагодарнаго человека дело в глаза хвалить, а за глаза хулить. Человека разумнаго знака никого не доводить до погибели (с. 1).

⁹ Авторство Тростина не раскрыто в современном справочнике: *Вомперский В. П.* Словари XVIII в. М., 1986. С. 79 (№ 177), 82 (№ 185).

¹⁰ См.: Сводный каталог книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII в. 1701–1800. Л., 1986. Т. 3. С. 111.

¹¹ Во всех цитатах разрядка наша. Тексты цитируются по изданиям: Апофегмата, то есть кратких, витиеватых и нравоучительных речей книги три. СПб., 1781; Собрание нравоучительных, кратких и замысловатых речей в трех частях. М., 1788. В ОРК БАН хранится дефектное издание оригинала (без титульного листа): *Budny B.* Krótkich a węzłowatych powieści które po grecku zowąż araphthegmata księgi IV. [Kraków, 1637].

К своей достаточно несложной работе Тростин относился не очень внимательно и допускал небрежности, вследствие стремления хоть иногда немного изменить текст, ср.:

1781

(Диоген)

Единожды узрев человека, что стакан из казны украл, люди его на смерть ведут, рече: се большие воры малаго ведут (с. 27–28).

Приехав во град Мииду и узрев ворота зело велики, изрядно строены, самый же градец невелик, рече к жителям: «Господа миидиана! Затворите врата, да ваш градец ими не убежит» (с. 31).

Услышав некоего краснаго юношу, скаредно глаголюща, рече: «Не стыдно ли тебе, что из многоценных слоновыя кости ножен сабли оловяшныя добываешь?».

Скверно, егда мужик простяк скверными словами блюет, по много скверняе, егда красный (знатный) человек скверный слова испускает (с. 36).

1788

(Диоген)

Увидевши некогда человека, веденшаго на смерть за покражу стакана казеннаго,¹²сказал: это большие воры ведут малого (с. 47).

Приехавши в город Мииду, увидел весьма большие ворота и великолепно выстроеныя, хозяин же оных был невелик, сказал жителям: «Господа миидиане! Затворите ворота, чтобы ваш согражданин не убежал» (с. 53).

Некоторому юноше лицом красивому, но скверно говорящему, сказал: «Не стыдно ли тебе, что ты из многоценных ножен,¹³сделанных из слоновыя кости, оловянные сабли достаешь?»

Скверно, когда и мужик простой сквернословит, но гораздо сквернее, когда человек красивый и знатный скверныя слова говорит (с. 62).

«Usłyszawszy jednego nadobnego młodzieńca plugawie mówiącego rzekł mu: «Aż cię nie wstyd, że z tak kosztownych poszew słoniowej kości dobywasz miecza ołowianego?» Dostyc sprosnie, gdy chłop szpetny slowy sprosnymi pluska, ale jeszcze nie równo sprosniej, kiedy nadobny człowiek plugawej mowy używa. Przetoż teraz ludzie uczciwi wszędzie plugawe słowa i pieśni hultajom, kosterom, flisom a woźnicom zostawili» (s. 35).

¹²В польском тексте: bańkę ukradł z skarbu (s. 28–29).

¹³В тексте опечатка: ножек.

Из последнего примера с опущенной в переводе концовкой вполне очевидно, что Тростин просто придал современный стилистический облик старому переводу, не прибегая, конечно, к сверке с оригиналом. Практика подобных пересказов не была редкостью в русской книготорговой деятельности 1780–1790-х годов.¹⁴ Поскольку имя Тростина не упомянуто, то он, скорее всего, выполнял заказ книгоиздателя, пожелавшего выпустить на книжный рынок популярную и пользующуюся успехом книгу, но в обновленном виде и без упоминания о ее польском оригинале. Д. П. Тростин, конечно, войдет в «Словарь русских писателей XVIII в.», но уже только как переводчик с французского языка, а не польского, которого он, может быть, и вовсе не знал.

¹⁴Ср.: *Творогов О. В.* Литератор Иван Михайлов // *Русская литература.* 1983. № 2. С. 164–168.

КИРИЯК КОНДРАТОВИЧ — ПЕРЕВОДЧИК ПОЛЬСКОЙ ПОЭЗИИ

1740–1760-е годы XVIII в. — один из самых неярких и невыразительных периодов в истории польско-русских литературных связей. Новых переводов в это время появилось немного, а в литературной жизни не было сколь-либо заметного переводчика полонофильской ориентации. Изучение польской поэзии сосредоточилось в русских духовных училищах,¹ а переводчиками произведений польской литературы в большинстве случаев оказывались выходцы с Украины, выученики Киево-Могилянской академии. Одним из самых усердных среди них был Кирияк Андреевич Кондратович (1703–1788).² Его обращения к польской письменности (как по поручению, так и по собственному почину) довольно многочисленны. В 1735 г. в Екатеринбурге по поручению В. Н. Татищева он перевел с латыни объемистый труд «О начатии поляков и о делах от оных соделанных» польского историка XVI в. Мартина Кромера,³ в 1739 г. перевел с польского языка лечебник,⁴ в Академии наук для герольдмейстерской конторы он делал переводы из польских гербовников.⁵ В сентябре 1747 г. Кондратович представил в канцелярию Академии наук переведенные им «на славенский язык Кнапиев дикционер также и Целлярив дикционер, некоторую часть».⁶ По решению канце-

¹ См.: *Lewin P.* Wykłady poetyki w uczelniach rosyjskich XVIII w. (1722–1774) a tradycje polskie. Wrocław, 1972.

² О его переводах с польского, в частности, см.: *Берков П. Н.* Русско-польские литературные связи в XVIII в. М., 1958. С. 24–25.

³ См.: Б-ка СПб. Горного института. Г 3173–3177, Г 3225; ВАН. 32.7.1 — черновой автограф.

⁴ См.: РНБ. Собрание С.-Петербур. Духовной академии. № 412.

⁵ См.: ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 294. Л. 336–341; РНБ. Ф. 452. № 570.

⁶ *Биллярский П. С.* Материалы для биографии Ломоносова. СПб., 1865. С. 95.

лярии «Кнапиев лексикон», т. е. известный латинско-польский словарь польского лексикографа XVII в. Григория Кнапского, было определено «отдать к рукописным книгам в библиотеку» для сохранения.⁷ К сожалению, судьба этой рукописи неизвестна. Наконец, в 1775 г. в типографии Академии наук был напечатан составленный Кондратовичем «Польский общий словарь» — первый печатный польско-русский словарь. Польский словник Кондратович взял из польско-латинского тома Кнапского, сократив его, русская часть — плод работы самого составителя.⁸

Помимо разнообразных прозаических переводов и работ по лексикографии Кондратович писал и стихи, отдавая предпочтение эпиграмме. Всего он, якобы, написал более 16 000 эпиграмм, но сохранилось гораздо менее. Большая их часть (триста эпиграмм) собрана в изданной им в 1769 г. книге в трех частях «Старик молодой». В предисловии, назвав среди своих образцов и любимых авторов Марциала и Овена (Д. Оуэн, 1563?–1622), он отметил, что «из польских же эпиграмматистов мне показались Братковский и Сарбиевский, о протчих я не упоминаю, потому что у нас в России scribimus indocti doctique poemata passim. Horat. Как ученые, так и неученые, почти все по природе стихотворцы, хотя не пииты».⁹

Творчество Даниеля Братковского (ум. 1702) известно по его единственной книжке, изданной в 1697 г. и включавшей эпиграммы с типичной обличительной сатирической тематикой (пьянство, продажность судей и т. п.). В сборнике Кондратовича две эпиграммы обозначены, как переведенные из Братковского. Первая даже сопровождается польским оригиналом:

Из Братковского. Кулик.

Frant jeden wodke w puzdzierku zamykał,
A co minuta odmykał y lykał;
Sam galas czyni, wipito zpod klucza.
Klucz nie pomoze, gdy gemba dokuczca.

⁷ См.: *Макеева В. Н.* Русская лексикография 40–50-х годов XVIII в. и Ломоносов // Ломоносов: Сб. статей и материалов. М.; Л., 1960. Т. 4. С. 193. См. также: *Пекарский П.* История имп. Академии наук в Петербурге. СПб., 1873. Т. 2. С. 372.

⁸ См.: *Обрембская-Яблонская А. А.* Об источниках польско-русского словаря Кирияка Кондратовича // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 597–604.

⁹ *Кондратович К.* Старик молодой. СПб., 1769. Ч. 1. С. 3. Этот стих из «Посланий» (II, 1, 117) Горация («Мы, и ученые и неученые, походя сочиняем стихи») стал крылатой фразой.

Перевод Братковского.

Один проказник погребец частенько замыкал,
А всеминутно отворя, из сткляниц булькотал.
Кричит и верещит на всех: кто водку выпивает?
Ключ не пособит, ежели чья глотка докучает.¹⁰

Из сличения приведенного Кондратовичем польского текста с напечатанным в книге Братковского видно, что Кондратович не только опустил в конце одно двустишие и очень приблизительно передал заглавие «Puzderko z kluczem» («Погребец с ключом»), но и небрежно напечатал польскую эпиграмму. Ср. два стиха в изд. 1697 г.:

Flaszki frant ieden w puzderku zamykał,
<.....>
Hałas sam czyni, wypito zpod klucza.¹¹

Со второй эпиграммой, подписанной именем Братковского, дело обстоит сложнее.

Братковск. Совесть.

У Логина короткого дух долгий устремлен,
Чтоб делать всем добро, на то весь он рожден.
В нем добродетель есть внутри и совесть не наружна,
Где сладко продают вино, там вывеска не нужна.¹²

Несмотря на указание Кондратовича, этой эпиграммы в сборнике Братковского не отыскивается (это, правда, не единственный псевдоэпиграф в «Старике молодом»¹³).

Упомянутый Кондратовичем «Сарбиевский» — это знаменитый польский новолатинский поэт Мацей Казимеж Сарбевский (1595–1640), оды которого еще при жизни стяжали ему европейскую славу

¹⁰ Там же. Ч. 2. С. 5. Сохранена орфография подлинника. В рабочей тетради Кондратовича четверостишие записано без польского оригинала и ссылки на Братковского. Варианты: «почасту» вместо «частенько» в 1-м стихе; 2-й стих: «повсемиутно ж отворя, один сам куликал»; 4-й стих: «Ключ не пособит никому, чья глотка докучает» (РНБ. Ф. XIV. 17. Л. 65 об.).

¹¹ *Bratkowski D. Świat po części przejrzany.* Kraków, 1697. К. Н.

¹² *Кондратович К.* Старик молодой. Ч. 2. С. 24.

¹³ См. комментарии в кн.: Русская эпиграмма второй половины XVII — начала XX в. Л., 1975. С. 640.

«сарматского Горация», а издавались они в общей сложности более 70 раз (титულный лист одного из самых авторитетных изданий изданий, антверпенского 1632 г., выполнен по рисунку Рубенса). Во второй половине XVII в. Сарбевский занял первенствующее место среди образцовых новолатинских авторов в курсах поэтики в Киево-Могилянской коллегии; не снизился интерес к нему и в русских духовных училищах XVIII в.,¹⁴ поэтому обращение Кондратовича к эпиграммам Сарбевского вполне понятно. С его именем в «Старике молодом» связаны три эпиграммы: «Острастка. Sarbiev.», «Из Сарбиевского. Католицкое покаяние», «Суетное любопытство. Sarbiev.»¹⁵ Но никаких источников или близких параллелей среди 265 эпиграмм Сарбевского отыскать не удалось¹⁶ — потуги Кондратовича на остроумие и сатиру не имеют ничего общего с духом эпиграмм Сарбевского.

Еще одна прямая отсылка к польской литературе в «Старике молодом» сопровождает эпиграмму «На шутку отшутка» — «Из жартов [шуток] польских»:

Ехал в Кракове один да на лошади верхом,
Коя длинная была. Встретился другой, пешком,
И спросил: «А по чему продаешь аршин коня?»
Тот вершник, поднявший хвост, рек: «Не спрашивай меня:
В лавку здесь ступай скоряй, — я ценою не забьюсь
И с тобою по совести о цене договорюсь».¹⁷

Источник эпиграммы — прозаический анекдот «Почем локоть этого коня?» из изданного в 1650 г. под псевдонимом Мауриций Тштиштицкий сборника фавесий и анекдотов «Со nowego abo Dwóg».¹⁸ Польская сатирическая совизжальская литература («Совизжал» — польская калька с немецкого «Уленшпигель») в России в

¹⁴См.: *Luźny R. Pisarze kręgu Akademii Kijowsko-Mohylańskiej a literatura polska. Kraków, 1966. S. 36–37, 94–95; Lewin P. Wykłady poetyki w uczelniach gosyjskich XVIII w. (1722–1774) a tradycje polskie. S. 107–120, 139–147.*

¹⁵См.: *Кондратович К. Старик молодой. Ч. 1. С. 39; Ч. 2. С. 5–6, 11. Эпиграммы приводятся в статье: Николаев С. И. Произведения М. К. Сарбевского в России (наст. изд. С. 79–80).*

¹⁶См.: *Sarbievius M. C. 1) Lyricorum libri IV. Antverpiae, 1632; 2) Poemata omnia. Staraviesiae, 1892.*

¹⁷*Кондратович К. Старик молодой. Ч. 3. С. 16. Перепечатано без заглавия в кн.: Русская эпиграмма второй половины XVII — начала XX в. С. 89–90.*

¹⁸См.: *Dawna facescja polska (XVI–XVIII w.) / Opr. J. Krzyżanowski i K. Żukowska-Billip. Warszawa, 1960. S. 215. Оригинал указала П. Левин, которая обнаружила эпиграмму Кондратовича (без его имени) в вологодской поэтике*

первой половине XVIII в. была известна достаточно хорошо,¹⁹ знал ее и Кондратович: в его рабочей тетради сохранилась эпиграмма о главном персонаже этой литературы:

Слава Совизралова есть навозна слава;
Пусть для щей сия ему будет впредь приправа.²⁰

В этой же тетради читается стихотворение «Графское смиренномудрие. Из *Torba śmiechu*, т. е. Сума смеху»:

Лжавший на одре болезни польский граф,
А имянем он был по дикости Евграф,
Призвал священника молебн отслужити.
По требнику начал о здравии молити:
«Помилуй, Господи, Евграфа Ты, раба».
Больной на ухо рек: «Я граф, не раб, не знаюц лба.
Рабов имею я и у себя немало;
Вам в требнике писать нас, графов, не достало.
Я ничиим рабом отроду не бывал!
Молись о графе ты, не о рабе», сказал.
Священник рабских слов не мог переменить,
А граф подзатыльником велел его снабдить.²¹

Кондратович сам указал на польский источник — «Из *Torba śmiechu*, т. е. Сума смеху». Это указание может подразумевать только анонимно изданную в XVII в. книжечку «*Nowiny dziwne albo Torba wesołego śmiechu*».²² В ней собраны различные шутки и вы-

1774 г. и приписала перевод автору поэтики, см.: *Lewin P. Wykłady poetyki w uczelniach rosyjskich XVIII w. (1722–1774) a tradycje polskie*. S. 155, 180.

¹⁹См.: *Николаев С. И.* Старопольская проза в России в XVII–XVIII вв. // Русская литература. 1983. № 3. С. 243–244.

²⁰РНБ. Ф. XIV. 17. Л. 70 об.

²¹Там же. Л. 222 об.

²²См.: *Nowiny dziwne albo Torba wesołego śmiechu, przez polskiego po cudzych krajach peregrynanta, na pociechę melancholicznych fantazyj ze czterech części świata czworaką materyą różnych krain językiem na koniec ojczystym nicowana i wyłożona*. [S.l., s.a.]. Издание редкое, пользуюсь экземпляром Библиотеки им. Оссолинских во Вроцлаве (Польша). Сомнительно, чтобы Кондратович обращался к польским рукописным источникам, хотя словосочетание «*Torba śmiechu*» встречается, например, в заглавии рукописного сборника «*Vorago rerum. Torba śmiechu*», составленного К. Жерой во второй половине XVIII в., см.: *Zera K. Vorago rerum. Torba śmiechu. Groch z kapustą. A każdy pies z innej wsi...* Warszawa, 1980.

думки в стихах и прозе, эпиграммы и забавные диалоги, но нет ничего похожего на стихотворение Кондратовича.²³

Вот еще один подобный пример.

Aurea Libertas. Złota wolność.

У соловья хоть золота есть клетка, но с тоскою,
Как в тоне стерлядь, поугай так словленный с бедою.
На воле чиж, хоть в холоде, желает лучше жить,
Нежель в неволе, хоть в тепле, запертый в клетке быть.²⁴

Словосочетание «Złota wolność» — типично польское,²⁵ известны и польские эпиграммы, посвященные «золотой вольности»,²⁶ однако источника четверостишия Кондратовича найти не удалось. Возможно, это *polonicum* самого автора.

В «Старике молодом» большую часть стихотворений сопровождают отсылки к источникам, что обычно для плодов вдохновения воспитанников семинарской музыки. Несколько раз в рабочей тетради Кондратовича и один раз в «Старике молодом» встречаются ссылки (с указанием страницы) на «Radau». Имеется в виду Михаил Радау (ок. 1616–1687) — польский педагог и теоретик красноречия. Указания на страницы отсылают к его популярнейшему учебнику риторики «Начинающий оратор». Впервые учебник был издан в 1651 г. (под чужим именем) и до 1741 г. выдержал 25 изданий в Германии, Италии, Голландии, Чехии, Польше, Венгрии. В конце XVII в. он стал известен в Киево-Могилянской академии. Знал его и М. В. Ломоносов: именно из этой книги он перевел стихотворение «На белых волосах у Аппия зима»²⁷ и заимствовал выражение

²³Кстати, в рукописи Кондратовича «польский граф» исправлено из первоначального «умный граф».

²⁴РНБ. Ф. XIV. 17. Л. 199 об. На л. 199 отдельная запись «Что польска Пруссия была, то прусска Польша ныне стала», а после стихотворения приписка: «Где вольность золота была, теперь неволя есть чугуна»; не исключено, что стихотворение является откликом (Кондратовича?) на первый раздел Польши (1772).

²⁵Ср. примеры употребления этого словосочетания в польской литературе XVII–XVIII вв.: *Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich*. Warszawa, 1972. Т. 3. С. 755.

²⁶Правда, более осуждающие, чем прославляющие ее, см. например, эпigramму польского поэта XVII в. Вацлава Потоцкого «Złota wolność»: *Mała muza od Reja do Leca. Antologia epigramatyki polskiej*. Wybór i opr. A. Siomkajło. Warszawa, 1986. С. 171.

²⁷См.: *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 7. С. 207–208. Ссыл-

«И о Домитиане, кесаре, сказано, что он был неприятель мухам, а неприятелям муха».²⁸

В «Старике молодом» к Радау отсылает стихотворение «Что есть верный друг?»:

Кто друга приобрел, сокровище сыскал, Ecclesiast. cap.6.
И половину в нем своей души признал, Horat.
Нужные есть огня друг, и воды нужные, Plutarch.
А между равными есть дружество крепчае. Curtius.
Друг страж души. S.Greg. Душа ж там более живет,
Где любит, нежели местечко где блюдет. Cato et Augustinus B.
Друг есть душа, в двоих телах что обитает, Aristoteles apud
Diogenem Laertium.
Тот недруг есть, любовь который пресекает. Eurippides in Thoa.
Лекарство есть любви, люби, чтоб был любим, Seneca.
Природы есть закон любить, любим кто им. Nazianzenus.
Без друга и родня великою тоскою, Casiodorus in Epist.
Вся жизнь мучение и есть жизнь смертью злою. Id.
Корабль без кормчего — без дружбы человек, Philip. Beroald.
Без солнца и весь мир, и море без всех рек. Id.
И рук и глаз лишен, кто друга не имеет, Petrarcha.
Кто любит не всегда, кто другом звать посмеет? Aristot. Libr.
Rhetoricor. cap. 20.

Хоть ты меня любил, Карп, ныне ж перестал.
Не дивно! Нынь зима! Ты из огня льдом стал!²⁹

Это стихотворение — редкий, если не единственный пример пока

Ломоносова на Марциала ошибочна. Источник обнаружила П. Левин, см.: *Lewin P. Wykłady poetyki w uczelniach rosyjskich XVIII w. (1722–1774) a tradycje polskie.* S. 116–117.

²⁸См.: *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. Т. 7. С. 218; *Николаев С. И.* Об эпиграмме К. Ф. Рыльева на австрийского императора // Пушкин и его современники. СПб., 1999. Вып. 1 (40). С. 219–221. В книге Радау впервые были изложены идеи неизданных трактатов Сарбевского, в частности, об остроумии («De acuto et arguto»). Таким образом они стали известны и Ломоносову, поэтому для сопоставления теоретических построений Сарбевского и Ломоносова (например, о «витиеватых речах») имеются не только типологические, но и генетические основания; см.: *Lewin P. Teoria akuminu w estetycznej świadomości wschodniej Słowiańszczyzny XVII–XVIII wieku a traktat Sarbiewskiego // Literatura staropolska i jej związki europejskie.* Wrocław, 1973. S. 309–324; *Софронова Л. А.* М. В. Ломоносов и М. К. Сарбевский (к опыту сопоставления двух систем) // М. В. Ломоносов и русская культура. Тез. докл. конф. Тарту, 1986. С. 7–11.

²⁹*Кондратович К.* Старик молодой. Ч. 3. С. 10.

чти классического центона в русской поэзии. Центон характерен для позднеантичной латинской литературы, он составлялся из готовых стихов и полустихий известных старых авторов (чаще всего Гомера и Вергилия) и при этом был рассчитан на контраст прежнего и нового контекста (например, составленная из античных стихов поэма на новозаветную тему). В новых литературах, в том числе и русской, центон стал родом литературной игры.³⁰

Кондратович, живший в мире понятий школьной поэтики, составил свой центон, лишь опираясь на Радау. Дело в том, что в указанном месте учебника польского автора никаких стихов нет, там лишь приведены сентенции античных и христианских авторов о дружбе, которые можно использовать для рассуждения по этому предмету.³¹ Расположив сентенции для создания связного текста по-своему, Кондратович перевел их с латыни стихами, причем довольно точно.³² Так же он поступил и с небольшим рассказом Радау о польском короле Сигизмунде III: просто передал его своими неказистыми стихами.³³

Кондратович оказался довольно своеобразным интерпретатором польской поэзии. Безусловно, он ее знал и читал, причем как стихи признанных авторитетов (Сарбевский), так и популярную сатирическую литературу, но переводом в точном смысле слова можно назвать только четверостишие Братковского. Остальные стихотворные опыты Кондратовича с отсылками к польской письменности — псевдопереводы, в лучшем случае вариации на тему прочи-

³⁰ «Роль “центонов” как важной линии литературного творчества столь же симптоматична для раннего средневековья, сколь немыслима для нового времени» (Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977. С. 253). Ср.: Гаспаров М. Л., Рузина Е. Г. Вергилий и вергилианские центоны. (Поэтика формул и поэтика реминисценций) // Памятники книжного эпоса. Стиль и типологические особенности. М., 1978. С. 190–211. Тем не менее в школьной практике XVIII в. центон все еще рассматривался в своем классическом виде, ср. стихотворение о воскресении Иисуса Христа, составленное из стихов «Энеиды» Вергилия, из поэтики 1714–1716 гг. виленской иезуитской коллегии: Lewin P. O centonie i rytmie — dwie ciekawostki z poetyki szkolnej XVIII w. // Meander. 1975. Z. 4. S. 185–189.

³¹ См.: Radau M. Orator extemporaneus seu oratoriae breviarum bipartitum. Amsterdam, 1684. P. 192–194. Сравнение ряда изданий XVII в. с отсылками Кондратовича показывает, что он пользовался именно этим изданием.

³² Ср.: «Amicus est anima in duobus corporibus una, Arist. apud Dion. Laert.», «Cui amicus abest, manus ei dextra et oculus abest. Petrarch.» и др.

³³ См.: Radau M. Orator extemporaneus. P. 206; РНБ. F. XIV. 17. Л. 92.

танного.³⁴ Обычный прием Кондратовича — перевод прозаического иноязычного текста в русские стихи издавна считался школьным упражнением для овладения стилем.³⁵ Кондратович так и не вышел в чтении за рамки школьного канона, а в своем творчестве — за рамки школьной поэтики, а потому и не смог сделать польскую поэзию фактом современной ему русской литературы.

³⁴Одно двустишие на тему из польской истории озаглавлено им «Cromer et Strikowskij» (РНБ. Q. XIV. 16. Л. 14 об.).

³⁵См.: *Феофан Прокопович. Сочинения.* М.; Л., 1961. С. 353–356.

ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ «ВОЗВРАЩЕНИЯ ДЕПУТАТА» ЮЛИАНА УРСЫНА НЕМЦЕВИЧА В ОЦЕНКЕ РУССКОГО СОВРЕМЕННОКА

История восприятия того или иного иностранного писателя или какого-либо знаменитого его произведения начинается с первого о нем упоминания. При этом из самого упоминания далеко не всегда явствует, что переводчик или рецензент в полной мере осознает, о чем идет речь. Так, в 1731 г. в «Исторических, генеалогических и географических примечаниях в Ведомостях» в переводе статьи из английского «Спектатора» мелькнуло упоминание «преизрядных Гамлетовых и Отелоновых комедий». Анонимный русский переводчик, видимо, не знал трагедий Шекспира и решил, что речь идет о комедиях, написанных некими Гамлетом и Отелло.¹ Но случается и так, что первое упоминание может надолго затеряться либо даже совсем выпасть из истории литературы. Именно это произошло с одним произведением Юлиана Урсына Немцевича — комедией «Возращение депутата».

Творчество Немцевича (1757–1841) в России было известно достаточно хорошо еще при жизни: с 1811 г. его имя появляется в русской печати, он переписывался с К. Ф. Рылеевым, П. А. Вяземским, Ф. В. Булгариным; Рылеев перевел его думу «Глинский»,² затем появился ряд переводов его художественных и публицистических произведений.³ Комедия Немцевича «Возращение депутата» («Powrót

¹ См.: *Левин Ю. Д.* О первом упоминании пьес Шекспира в русской печати // *Левин Ю. Д.* Восприятие английской литературы в России. Л., 1990. С. 254–256.

² См.: *Рылеев К. Ф.* Сочинения. Л., 1987. С. 112–116, 301, 303–304; *Двойченко-Маркова Е. М.* Немцевич и Рылеев // *Польско-русские литературные связи.* М., 1970. С. 129–155.

³ Подробную библиографию переводов произведений Немцевича и литера-

posła», 1790) на русский язык никогда не переводилась, и в русской критике о ней заговорили много времени спустя. Между тем эта первая польская политическая комедия, написанная и поставленная в разгар работы Четырехлетнего сейма (1788–1792), имела огромный успех у зрителей и читателей и одновременно вызвала ожесточенные нападки со стороны консерваторов, требовавших суда над писателем и запрещения комедии. В своей пьесе Немцевич, который сам был депутатом сейма и одним из лидеров реформаторов, исключительно ярко отразил атмосферу политической борьбы в сейме и столкновение идеалов старошляхетского консерватизма, противящегося любым новациям, с реформаторскими устремлениями патриотически настроенных польских просветителей. Именно публицистический пафос комедии и привлек к ней внимание русского читателя, причем читателя пристрастного и придирчивого — дипломата.

Русские дипломаты в Варшаве пристально следили за ходом работ сейма и общей политической ситуацией, пытаясь оказывать влияние на ее развитие. Не последнюю роль в этой работе играло и изучение польской политической литературы той поры, в первую очередь разнообразных «летучих» изданий, наводнивших книжный рынок.⁴ В марте 1790 г. русским послом в Варшаве по инициативе Г. А. Потемкина был назначен Я. И. Булгаков, который в 1763–1775 гг. уже служил там сначала переводчиком, а затем секретарем в русском посольстве.⁵ Потемкин иногда собственноручно писал письма Булгакову в Варшаву,⁶ а Булгаков вместе с письмами-отчетами присылал секретарю Потемкина В. С. Попову разнообразные публицистические сочинения, издававшиеся в Варшаве.⁷ В бумагах В. С. Попова сохранился документ, представляющий собой обзор нескольких таких сочинений.⁸ Приводим его полностью.

туры о нем в России см.: Польская художественная литература XVI — начала XX вв. в русской и советской печати. Указатель переводов и литературно-критических работ на русском языке, изданных в 1711–1975 гг. / Сост. И. Л. Курант. Wrocław, 1982. Т. 1. С. 253–256.

⁴См. обзор ее проблематики: Słownik literatury polskiego Oświecenia / Pod red. T. Kostkiewiczowej. Wrocław, 1996. S. 347–349.

⁵См.: Кочеткова Н. Д. Булгаков Я. И. // Словарь русских писателей XVIII в. Л., 1988. Вып. 1. С. 130–131.

⁶См.: Русский архив. 1865. № 4. Стб. 416.

⁷См.: Герасимова Ю. И. Архив Булгаковых // Записки отдела рукописей ГБЛ. М., 1968. Вып. 30. С. 68.

⁸РНБ. Ф. 609. № 10. Л. 163–163 об. В примечаниях приводятся польские

Содержание польских книжек

1. Комедия «Возвращение посла» Юлианом Немцевичем на стихах сочинена, оправдает благоразумные повости и благорассудительные перемены в правлении, опорочивает же противумыслящих, пересмехивая упрямец в сохранении глупых старинных обыкновений и шарлатанов, прилепляющихся к рабаческим иностранным модам. Противу державам соседствующим ничего нет. Писано чистым польским слогом, расторопно, стихами плавными, но что касается поэзии, очень посредственно.⁹

2. «Кизляр-Ага». Ответ на разговор Солона с Кадим, стихами острыми и язвительными написанная книжечка с негоднейшими выражениями противу российского престола.¹⁰

3. «Чамарка и Сарафан». Похваляет сейм и сделанные перемены правления, но повсюду находит многие недостатки, кои удачно обнаруживает, купно же с ними открывает разныя в республике неустройства и неприличности, желает наследства престола, не советует иметь доверенность в короле прусском, но боится России, об которой во многих местах изъясняется с желчею, подозревая оную в интригах, коих источником быти полагает Вашу светлость.¹¹ Писано слогом хорошим.¹²

4. «Что слышно в Варшаве?» Смесь несоображенных идей, все опорочивает, всех бранит. На стихах присовокупленных восстает противу России, упоминая Стахельберга¹³ и Булгакова, но воздержно. На прусака же пространно пишет, упоминая с ругательством Люкезиняго.¹⁴ Писано плохо.¹⁵

5. «Глас к мещанскому состоянию». Увещевает не давать себя обманывать умноженными привилегиями для их на дворянство,¹⁶ но стоять

названия с отсылкой к библиографии: *Estreicher K. Bibliografia polska. Kraków, 1891–1939. Т. 12–33. Отсылки даются в сокращенной форме: Estr. с указанием тома и страницы.*

⁹ *Niemcewicz J. Powrót posła, komedya we trzech aktach. Warszawa, 1790. (Estr., XXIII, 117).* В действительности книга была издана в январе 1791 г., см.: *Jendrysik A. Wokół daty powstania «Powrotu posła» // Pamiętnik Literacki. 1977. Zesz. 2. S. 181–193.*

¹⁰ *Kizlar Aga. (S. I. et a.). (Estr., XIX, 268).*

¹¹ Вероятно, имеется в виду Г. А. Потемкин.

¹² *Czamarka i Sarafan w czasie Sejmu Patriotycznego w Polskę wprowadzone. Warszawa, 1791. (Estr., XIV, 511).*

¹³ Русский посланник в Польше граф Отто Магнус фон Штакельберг (1736–1800), которого сменил Я. И. Булгаков.

¹⁴ Прусский посланник в 1789–1792 гг. маркиз Д. Люккезини.

¹⁵ *Co słyhać w Warszawie? donieś mi, Przyjacielu! Warszawa, 1791. (Estr., XIV, 310).*

¹⁶ Вопрос о правах мещанства активно дискутировался в те годы. В апреле 1791 г. был принят закон, по которому мещане получили шляхетское право

твердо в требовании от станов возвращения своих древних преимуществ и облегчения ига. Противу державам нет¹⁷ ничего. Писано посредственно.¹⁸

6. «Секретная конференция покойных князя Сулковского с маршалом Гуровским в доме вечности». Обнаруживает благие намерения расположения к восстановлению Речи Посполитой Сулковского¹⁹ во время его жизни, они согласны были с нынешнею переменою. О некоторых недостатках в учреждениях, желает наследства.²⁰ Прусаку недоброхотствует, России тоже; язвительных однако ж выражений нет. Писано посредственно.²¹

7. Стихи «Коленда политическая». Похваляет поступок сейма в отвержении предложенной присяги сеймующим членам о неполучении заграничных пенсий, которое предложение будто бы было умыслом приятелей российских к желанию Вашей светлости. Писано замысловато.²²

8. «Сеймики». Стихами посредственными описывает древнее устройство сеймиков.²³

Кроме первой, все книжечки сочинены авторами безыменными.

Приведенный документ можно датировать первой половиной 1791 г.: он не мог появиться ранее середины января 1791 г., когда вышло печатное издание комедии Немцевича, и позднее апреля — в документе никак не отражена реакция на принятие Конститу-

личной неприкосновенности и ряд других привилегий, закрепленных затем в Конституции 3 мая 1791 г.

¹⁷Это слово вписано над строкой.

¹⁸Таких обращений во время работы Четырехлетнего сейма было напечатано довольно много (см.: Estr., XVII, 185–188), но идентифицировать это конкретное издание невозможно.

¹⁹Имеется в виду познанский воевода Август Сулковский (1729–1786).

²⁰Речь идет о широко обсуждавшемся тогда на сейме вопросе о престолонаследии.

²¹*Sekretna konferencja między ś.p. Xiążęciem Sułkowskim Wojewodą Poznań. a Marszałkiem Gurowskim w wieczności. (Myśli obywatelskie). (S. 1.), 1791. (Estr., XX, 25).*

²²Жанр коленды был широко распространен в публицистической поэзии того времени, как рукописной, так и печатной, однако отождествить названную «Коленду политическую» с каким-либо печатным изданием не удалось, ср.: Estr., XIX, 414–418. Авторство одной такой коленды («Kolenda nowa na rok 1791») приписывалось поэту и комедиографу Ф. Заблоцкому (1752–1821), см.: *Zablocki F. Pisma. Poznań, 1903. S. 363–366.* Но в этом произведении Потемкин не упоминается, хотя Заблоцкий писал о нем неоднократно в других стихах (ср.: *Ibid. S. 179–182*).

²³[*Mikulski F.*]. *Sejmiki przez F.M. (S. 1. et a.). (Estr., XXII, 64).* См. об этой сатире: *Nowak J. Satyra polityczna Sejmu Czteroletniego. Kraków, 1933. S. 151–153.*

ции 3 мая. Этой датировке не противоречит и состав рукописи, в которую документ вплетен: предыдущие польские материалы датированы 1789 г., а последующие — декабрем 1790 и 5 января 1791 г., затем идут переводы материалов 1794 г., связанных с восстанием Т. Костюшко.²⁴

Приведенное «Содержание польских книжек» весьма красноречиво и составлено профессионально, хотя «рецензент» книг изучал их под очень специфическим углом зрения. Книги служили материалом для изучения общественных настроений, в котором он искал и какие-нибудь выпады против России, отсюда и заключения «Противу державам соседствующим ничего нет» или «С негоднейшими выражениями противу российского престола». Примечательно, что подобная практика изучения европейской (в том числе польской) «россики» сложилась еще в XVII в. В 1650 г. в Москву из Варшавы вернулся царский гонец дьяк Григорий Кунаков. Он привез несколько книг, которые были «освидетельствованы» в Посольском приказе. Среди них оказались две сатирические стихотворные книжки: «Wyprawa plebańska» и «Albertus z wojny», которые охарактеризованы следующим образом: «В пятой тетради напечатано: “Как выправлял (или высылал) ксендз Албертуса на войну. Внове напечатана лета Господня 1649-го”. А про Московское государство никаких речей в той тетради не написано. В шестой тетради напечатано: “Как Албертус с войны пошел назад. Внове напечатана в Кракове лета Господня 1649-го”. А про Московское государство в той ничего тетради не написано».²⁵ Совпадения формулировок и самого подхода к художественному произведению весьма красноречивы, хотя их и разделяют полтора столетия. Но в Москве XVII в. само произведение характеризовалось только с «дипломатической» точки зрения, неизвестный же рецензент выказал не только осведомленность в политической ситуации в Польше, но и определенный вкус, поскольку в каждой книжке охарактеризован ее слог и стих: «Писано слогом хорошим», «Писано плохо», «Писано посредственно», «Писано замысловато», «Стихами посредственными».

Отзыв о «Возвращении депутата», пожалуй, наиболее обсто-

²⁴ См. описание рукописи: Отчет имп. Публичной библиотеки за 1882 год. СПб., 1884. С. 55–62.

²⁵ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. СПб., 1861. Т. 3. С. 417, ср. 443–444. См.: Николаев С. И. Польская поэзия в русских переводах: Вторая половина XVII — первая треть XVIII в. Л., 1989. С. 33–35.

ятелен: «Писано чистым польским слогом, расторопно, стихами плавными, но что касается поэзии, очень посредственно». Примечательно, что оценка неизвестного рецензента, который очень точно изложил суть комедии, отчасти совпадает с позднейшими историко-литературными характеристиками творчества Немцевича. Так, Адам Мицкевич, с большим почтением относившийся к Немцевичу, в посвященной ему лекции (26 апреля 1842 г.), в частности, писал: «Немцевич никогда не выступал как поэт-виртуоз, никогда не писал для развлечения своих читателей; искусство никогда не было для него идолом. Он был прежде всего поляком, и только поляком».²⁶ Пожалуй, как раз последнее и послужило основанием для включения комедии Немцевича в список книг, представлявших интерес для русских дипломатов.

Долгие годы анонимный рецензент «Возвращения депутата» оставался одним из немногих русских читателей первой польской политической комедии. Она так и не была переведена на русский язык, и обращались к ней преимущественно историки литературы.²⁷ Высказывалось, правда, предположение о возможном влиянии комедии Немцевича на «Горе от ума» А. С. Грибоедова, но выяснилось, что сходство между носит слишком общий, типологический характер.²⁸

Материалы по истории русской дипломатии (а затем и цензуры) XVII–XVIII вв., несмотря на свой специфический характер, являются ценным, а в некоторых случаях и единственным источником для изучения взаимосвязей русской и иностранных литератур.

²⁶ Мицкевич А. Собр. соч. М., 1954. Т. 4. С. 364.

²⁷ Первым, вероятно, упомянул в печати комедию Немцевича Ф. Ф. Орля-Ошменец в журнале «Друг россиян и их единоплеменников обоего пола» (1817. № 6. С. 44), см.: Dworski A. Polonica w rosyjskich wydawnictwach Ferdynanda Orli-Oszmieńca w latach 1816–1818 // Studia polono-slavica-orientalia. Wrocław, 1974. T. 1. S. 102.

²⁸ См.: Петровский Н. М. Грибоедов и Немцевич // Русский филологический вестник. 1917. № 1–2. С. 1–19; Пижанов Н. К. Грибоедов и Мольер. М., 1922. С. 28–30. Ср., однако, новые соображения в поддержку мнения Н. М. Петровского в статье: Свердлина С. В. Грибоедов и Немцевич. (Из творческой предьстории «Горя от ума») // Проблемы творчества А. С. Грибоедова. Смоленск, 1994. С. 82–96.

**АДАМ НАРУШЕВИЧ И
ФРАНЦИШЕК КАРПИНСКИЙ
В «ЧУЖОЙ МУЗЕ» В. Г. АНАСТАСЕВИЧА**

Фигура А. Мицкевича, справедливо занимающего важнейшее место в истории польско-русских литературных связей первой трети XIX в., невольно заслоняет собой писателей второго и третьего рядов; одновременно и первые годы XIX столетия, т. е. период, непосредственно предшествующий истории «русского Мицкевича», предстают обедненными. Между тем именно активизация польско-русского культурного сближения в начале XIX в. в значительной мере повлияла на расцвет литературных связей в 1820-е годы.¹

В последнее время был предпринят ряд плодотворных библиографических разысканий польских материалов в русской периодике той поры («Московский телеграф», «Вестник Европы» и др.)², значительно обогативших историю русско-польских литературных связей как новыми именами, так и новыми материалами. В ходе этих поисков стало, в частности, ясно, что польско-русские литературные связи первой трети XIX в. — необычайно благодатная область для занятий библиографической эвристикой разной степени

¹См.: *Wotoszyński R. W. Polsko-rosyjskie związki w naukach społecznych 1801—1830. Warszawa, 1974.*

²См.: *Kozłowski T. Polonica w czasopiśmie rosyjskim «Wiestnik Jewropy» w latach 1815—1822 // Prace Polonistyczne. Łódź, 1967. Ser. 23. S. 115—132; Dworski A. 1) Z dziejów zблиżenia kulturalnego rosyjsko-polskiego na początku XIX w.: Polonica w czasopiśmie «Улей» // Spotkania literackie: Z dziejów powiązań polsko-rosyjskich w dobie romantyzmu i neoromantyzmu. Wrocław, 1973. S. 151—183; 2) Polonica w rosyjskich wydawnictwach Ferdynanda Orli-Oszmieńca w latach 1816—1818 // Studia polono-slavica-orientalia. Wrocław, 1974. T. 1. S. 95—105; *Dziechciaruk Z. Polonica na łamach czasopisma «Moskowskij Telegraf» (1825—1831) // Slavia Orientalis. 1971. N 2. S. 115—123.**

сложности. Самыми легкими случаями являются тексты с пометами типа «Из Нарушевича» или «Подражание Карпинскому». Именно такие пометы в нескольких стихотворениях А. В. Склабовского, опубликованных в 1819 г. в «Украинском вестнике», помогли путем просмотра сочинений этих авторов установить их оригинал.³ Помета «с польского» или тем более «подражание польскому» сулит уже меньше успехов, между тем такие пометы встречаются довольно часто, и обычно они с трудом поддаются раскрытию. С такими пометами в конце 1820-х — начале 1830-х годов в «Благонамеренном» был опубликован ряд стихотворений Ф. М. Рындовского, и пока только в сатире «Модница, или Жена, каких везде довольно» (1821) узнана сатира И. Красицкого «Модная жена».⁴ Но, конечно, самыми любопытными с точки зрения библиографической эвристики являются находки оригиналов для тех стихотворений, которые даже не названы автором подражанием или переводом с польского. Разумеется, такие поиски должны иметь какие-то предварительные основания, и они, как кажется, появляются вполне резонно при чтении рукописного сборника «Чужая муза, или Переводы разных иностранных стихов на российские стихи. Перевел В. Анастасевич. С.-Петербург, 1802».⁵

Причина составления сборника достаточно прозаична. В мае 1801 г. В. Г. Анастасевич оставил армейскую службу, в декабре того же года приехал в Петербург и 28 марта 1802 г. был по прошению определен в штат Военной коллегии.⁶ Поскольку «Чужая муза» посвящена члену Военной коллегии генерал-майору И. М. Милованову, а датировано посвящение 23 марта, очевидно, что беловой список сборника был приготовлен для поднесения за несколько дней до зачисления на новое место и включал ранее переведенные стихотворения.⁷

³См.: Polska literatura piękna od XVI w. do początku XX w. w wydawnictwach gosijskich i radzieckich. Wrocław, 1986. Т. 2. С. 30–31, 228. В библиографии не указано, что все эти переводы включены в сборник А. В. Склабовского «Опыты в стихах» (Харьков, 1819. С. 99–108, 112–114, 118–119, 148–156).

⁴См.: *Двойченко-Маркова Е. М.* Красицкий в ранних русских переводах и подражаниях // Польско-русские литературные связи. М., 1970. С. 114–120, 122–128.

⁵РГВ. Ф. 8. № М 2220.

⁶См.: РГИА. Ф. 1260. Оп. 1. № 900. Л. 22–23 (послужной список Анастасевича, составленный в 1810 г.); *Брискман М. А.* В. Г. Анастасевич (1775–1845). М., 1958. С. 17.

⁷Примечательно, что одно из последних стихотворений сборника названо

В сборнике не указаны ни авторы, ни даже языки, с которых переводил Анастасевич. Вероятно, это переводы с французского, немецкого и польского языков. Предположение о наличии переводов с польского имеет все основания: за несколько лет до составления «Чужой музыки», в 1794–1796 гг., Анастасевич перевел с польского пьесу В. Маревича «Полеся, дочь колесника, или Освобожденная вольность», которая осталась неизданной.⁸ В 1810–1820-е годы, особенно после выпуска насыщенного польскими материалами журнала «Улей» (1811–1812) и ряда переводов с польского, Анастасевич вполне заслуженно стяжал себе славу пологофила, закрепленную в сатире К. Н. Батюшкова «Певец в Беседе любителей русского слова» (1813), в которой Анастасевич появляется с «польской музой».⁹ В «Чужую музыку», сборник на 55 листах, входит 72 произведения. Переводов польских поэтов XVIII в. — Нарушевича и Карпиньского — удалось выявить 11.

Переводы Анастасевича не были первыми переводами произведений Адама Нарушевича (1733–1796) на русский язык. Еще в 1788 г. в Киеве была напечатана его «Таврикия, или Известия древнейшие и новейшие о состоянии Крыма и его жителях до наших времен», переведенная, вероятно, в связи с путешествием Екатерины II в Новороссию; а в 1791 г. в «Московском журнале» появился «Праздник старца. Сочинение епископа Нарушевича»,¹⁰ переведенный тяжеловесной прозой. Попыты Анастасевича стали первыми стихотворными переводами крупнейшего польского классика, следующие (выполненные А. Склабовским) появились в 1819 г., а в «Улье» Анастасевича публиковались только отрывки из «Истории польского народа» Нарушевича. В «Чужой музее» переводы из Нарушевича — «Ничего слишком» (с. 10–13 — «Nic nadto», s. 44–46),¹¹

«К стихам моим. Собираясь ехать в Петербург» (см.: РГБ. Ф. 8. № М 2220. С. 94–97).

⁸РНБ. О. XV. 20; см.: Берков П. Н. Русско-польские литературные связи в XVIII в. М., 1958. С. 43–45.

⁹См. очерк его пологофильской деятельности: *Włoszyński R. W. Polacy w Rosji 1801–1830. Warszawa, 1984. S. 124–160.*

¹⁰См.: *Polska literatura piękna od XVI w. do początku XX w. w wydawnictwach rosyjskich i radzieckich. T. 2. S. 229.* «Праздник старца» помещен в разделе «Нераскрытые заглавия оригинала», между тем еще П. Н. Берков указал, что перевод сделан с польского перевода идиллии С. Геснера, см.: *Берков П. Н. Русско-польские литературные связи в XVIII в. С. 40; ср.: Naruszewicz A. Poezje. Lipsk, 1835. T. 1. S. 184–188.*

¹¹В скобках указываются страницы «Чужой музыки», название на языке ори-

«Песнь солнцу» (с. 40–43 — «Hymn do słońca», s. 14–16), «Песнь Богу» (с. 43–45 — «Hymn do Boga», s. 138–139), «О супружестве» (с. 48–51 — «Małżeństwo», s. 164–166).

Считается, что первые стихотворные переводы «поэта сердца» Францишека Карпиньского (1741–1825) появились на русском языке в «Улье», а затем в «Украинском вестнике» в переводе А. Склабовского (1819). «Чужая муза» открывается самой известной идиллией Карпиньского «Лаура и Филон» (с. 1–9 — «Laura i Filon», s. 288–294),¹² затем следуют «Роптание на весну» (с. 15 — «Do Justyny. Tęskność na wiosnę», s. 279–280), «Счастливый Коридон» (с. 17 — «Korydon szczęśliwy, myśl z Katulla», s. 286), «Пастух к погибшей овце» (с. 19–20 — «Pasterz do owieczki straconej», s. 294–295), «Печальный Коридон» (с. 18–19 — «Korydon smutny, na śmierć Palmiry», s. 286–287), «Разлука Медона» (с. 20–23 — «Rozstanie się Medona», s. 280–282), «Возвращение из столицы в деревню» (с. 45–48 — «Powrót z Warszawy na wieś», s. 470–472).

Двадцатилетний Анастасевич, ставший первым переводчиком польской поэзии классицизма и сентиментализма, выказал немалый литературный вкус и прозорливость. Обращение к творчеству Нарушевича и Карпиньского было, конечно, не случайным — эти поэты пользовались большой известностью,¹³ но из их разнообразнейшего поэтического творчества Анастасевич выбрал те лирические стихотворения и сатиры, которые со временем стали хрестоматийными, а идиллию «Лаура и Филон», как известно, из всего наследия Карпиньского выделял Мицкевич.

Вместе с тем Анастасевич вовсе не собирался представить польскую поэзию «в образцах». Он не только не указывал авторов, но и последовательно (сообразуясь, вероятно, с общим замыслом сборника) устранил польские реалии. Так, в переводе горацанского по тону и автобиографического по деталям стихотворения Карпиньского «Возвращение из Варшавы в деревню» «Варшава» стала «столицей», «повят» — «уездом», а польские поэты XVI в. и их меценаты превратились в Гомера и просто «читателей», ср.:

гинала со ссылкой на издание: *Naruszewicz A. Poezje*. Т. 2.

¹²В скобках указываются страницы «Чужой музы», название на языке оригинала со ссылкой на издание: *Karpiński F. Dzieła* / Wyd. K. J. Turowski. Kraków, 1862.

¹³Показательно вместе с тем, что в «Чужой музе» нет ни одного стихотворения И. Красицкого, которого Анастасевич позднее усердно переводил и пропагандировал в «Улье».

Za lat Symonidesów albo Kochanowskich
Może znalazłbym sobie Zamoyskich, Myszkowskiach.

О! если бы я жил, когда Омиры пели,
Тогда б читателей мои стихи имели.

В отличие от многих переводов польской поэзии начала XIX в.,¹⁴ переводы Анастасевича почти все эквilinearны и ориентированы на стилистику оригинала. Наиболее резко отступление от этого правила сказалось в переводе «Роптания на весну» — едва ли не самого популярного польского лирического стихотворения эпохи сентиментализма. Сохраняя общее число строк, Анастасевич за счет дополнений и перифраз («słowik» стал «певцом весны») увеличил длину стиха (дополнения переводчика выделены курсивом):

Толикокрaт уже к нам солнце возвращалось
И животворный блеск его являет день;
Мое светило где? Куда оно девалось?
Не светит мне. Ужель его скрывает тень?
Уже хлеба взошли и стебли ветр млеет,
Которы в скорости хотят колосья дать;
Как поле все теперь приятно зеленеет,
Моей пшенички лишь на поле не видать!
Уже певец весны в саду песнь начинает,
Вся роща песням сим его ответ дает.
Глас птичек в сих местах весь воздух наполняет,
Моя лишь птичка мне до сих пор не поет.
Уже земля для нас цветами зацвела,
Как ономеднишний ее дождь напоил,
Природа луг в наряд различный придела,
А мой еще цветок с земли не выходил!
Весна! Доколь тебя я с мокрыми глазами
Прошу, со всех сторон хозяин сокрушен?
Довольно землю я уже смочил слезами,
Отдай мой милый плод, которого лишен!

Позднейший анонимный перевод, напечатанный в «Благонамеренном»,¹⁵ больше на 8 строк, и в нем совершенно разрушен четкий метафорический параллелизм четверостиший, лишь однажды

¹⁴См.. Dworski A. Z dziejów zbliżenia kulturalnego. S. 164.

¹⁵См.: Весенняя песнь: (Подражание Карпинскому) // Благонамеренный. 1826. Ч. 33. № 8. С. 99–100.

нарушенный Анастасевичем межстиховым переносом в последнем четверостишии. Но и перевод Анастасевича не вполне гладок, среди его недостатков — неуклюжее заглавие (или просто ошибка?), щедро рассыпанные уменьшительные формы наряду с тяжеловесными для лирического стихотворения «толикократ» и «ономеднишний».

Судьба рукописного сборника «Чужая муза» неизвестна, скорее всего, включенные в него переводы не получили распространения, но выраженная в переводах с польского¹⁶ ориентация на поэтов эпохи классицизма и сентиментализма полностью воплотилась в изданном Анастасевичем десятилетием спустя журнале «Улей».¹⁷

Адам Нарушевич

НИЧЕГО СЛИШКОМ

Надежда лишь одна любовь живет, питает,
Растет охота тем, где пользу обретает.
Почтенье к господам удерживает власть.
Проворство даст уму недостающую часть.
По добродетели имеется к нам вера,
Без верности чтоб кто доверил — нет примера.
Живи умеренно — здоровье сохранишь,
Довольным будь, тем свой рассудок укрепишь.
Рассудка самое удобное начало —
Лишь делай так, чтоб все порядок изъясляло.
На мой вкус, нежный пол приятнее простой
Природной прелестью, чем ложной красотой.
Писателю за то не преминут смеяться,
Как будет о словах, не о вещах стараться.
Кто в счастье своем быть хочет совершен,
Будь честным более, хотя не столь учен.
Пусть более друзей, чем ложных ласк имея,
Лишь добродетель чтит, языков не умея.
Здоровье более богатств блюдет свое
И мирно более доходов житие.

¹⁶Возможно, в «Чужой музе» есть и другие переводы с польского. В частности, А. Дворский писал, что не смог отыскать оригинала опубликованного в «Улье» стихотворения «Двор», т. е. предполагал его польский оригинал, см.: *Dworiski A. Z dziejów zbliżenia kulturalnego*. S. 169. Переведено ли оно с польского, неизвестно, но отметим, что в «Улье» напечатан перевод, включенный и в «Чужую музу» (с. 71-72).

¹⁷См.: *Luźny R. Polsko-rosyjskie związki literackie w pierwszych dziesięcioleciach wieku XIX a tradycje Oświecenia // Spotkania literackie*. S. 7-32.

Кусок имения бесспорный и спокойный,
И малый огород, домашний стол пристойный,
Проворного иметь мальчишку для услуг,
Лошадок выехать довольно добрых двух,
Не многих дружеством соседей хвастать смою,
Но счастлив истинно, как все сие имею.
При малом каминке согреться я люблю
Зимой, как в хижинке своей я хлад терплю.
Люблю быть в гости зван, где лесть дверей не знает,
И где нас несколько приятелей бывает,
Где с чаши небольшой с приятностью едят,
Пьют старое вино, о дружбе лишь твердят.
И так весь смысл сих слов тому нас наставляет,
Что все излишнее нам вред приготавлиет.
Хоть малое словцо, но разобравши всяк,
Увидит многих в нем вещей различных знак.
Излишний сон души в нас силы расслабляет,
Излишний крик ушам вредит, слух притупляет,
Излишни плутовства чужой сосут карман,
Излишне кто смирен — невежа и болван.
Излишняя любовь наш разум потемняет,
Излишний порошков прием смерть ускоряет.
Излишне тонкий ум готовит нам обман,
Излишне барин строг, так говорят — тиран,
Излишне бережлив — сребролюбив, скуп, скряга,
Излишне смел — нахал, и наглый, и бродяга.
Излишни вотчины бывают в тягость нам,
Излишни почести — неволя господам.
Излишний разум наш ум часто повреждает,
Излишняя роскошь в гроб скорее провождает.
Излишне доверяй — копаешь ров тебе,
Излишне откровен — изменник сам себе.
Излишне обещав, исполнить редко можно,
Излишне кто собрал, прибыльток числит ложно.
Излишне говоря, намелешь лишний вздор,
Излишни шутки вдруг рождают шумный спор.
Излишни почести — в нас гордость возрастает,
Излишне доброго всяк простяком считает.
Излишне угождать пристойно подлецам,
Излишние чины в речах наскучат нам.
Но если лишнее сие границы знает
И правит разум им, то все не то бывает.

Употребление зла — начало зла всего;
Зависит иногда и все от ничего.
Не презирай сего ничто, когда бывает.
Что часто много дел оттоль проистекает.
И тяжба, и любовь, и страшная война
Бывает иногда ничем возрождена.
Одно ничто кредит у всех тебе находит,
У дам и при дворе тебя в знакомство вводит.
Одно ничто открыть твой скрытый может дар,
Одно ничто в мозгу твоём возродит жар.
Ничто богатства нам несчетны доставляет,
Ничто и самый хлеб насущный отнимает.
Ничто желанья приводит до конца,
Ничто печалию сражает в нас сердца.
Любовь! Твой также огонь вовек гореть не знает:
Ничто его возжет, ничто и угашает.

О СУПРУЖЕСТВЕ

Отрады истинной вовек тот не вкушай,
Кто в ложной красоте свой поставляет рай,
Он утешается тем счастьем желанным,
Когда нашел жену пригожую с приданым.
Не худо с птичками тогда его сравнить,
Что в клетку зернушком удобно заманить,
Которые потом в неволе век страдают
И поздно к лакомству их жадность проклиняют.
Таких приятностей я не хочу вкушать,
Что должно слез потом ручьями орошать.
Жемчуг, и золото, и камни мне не милы,
За кои должно мне терять в оковах силы.
С годами ложная краса теряет блеск,
Случай! — и богачам умолкнет общий плеск.
Я добрую жену приданым избираю,
Счастливо с ней весь век живу и умираю.
Кто ищет в красоте одной утех своих,
Пшеницу сеет тот для воробьев чужих,
Тот виноград такой в саду своем разводит,
Который для других вино и кисти родит.
Прошли те времена златые, в кои свет
Лукреций чистых зрел, — теперь следов их нет,
И вместо Пенелоп — разврат и стыд единый,
Везде прельщают нас распутны Мессалины.

Или в восторгах я своих себя забыл?
Или, стареясь, свет не то теперь, что был?
Что в женщинах едва теперь тень замечаем
Того, что в древности всегда об них читаем?
Не принуждали те нарядами своих
Мужей именем всем жертвовать для них
И для бродящей здесь из угла в угол моды,
Дабы иной продал отцовски огороды;
Румянами тогда не знали рож марать,
Вседневно головы различно убирать;
Шляп, чепчиков, чужих волос носить не смели,
Лицо, креп, калинкор — сих слов не разумели;
Стыдились шею всю и груди обнажать,
Чтоб жадных юношей тем взор обворожать;
Хвостами длинными полов не заматали,
Не проливался пот крестьян для модной шали.
Тогда жена, с своей расставшись семьей,
По городу летать стыдилась шестерней
И бить колесами камня по-пустому,
Морозить бедных слуг с каретою у дому.
Теперь, сев на лошадь в наряде щегольском,
Одевшись по-мужски с охотничьим рожком,
Кинжал у пояса — и по полям летает,
Развратных юношей толпами привлекает.
А прежде?.. Посреди своих блаженства дней
Жена шьет, муж — детей наставник сам при ней,
Хозяйстволюбия ее сам был свидетель,
А общий их предмет была лишь добродетель.
Исполнив ревностно хозяйства трудный долг,
Молитвы во устах, а в сердце их был Бог.
Хоть простоту сию назвал свет пустосвятством,
Но дом такой прямым благословен богатством;
Хозяин свой успех во всем с корыстью зрел,
И дети добрые семейства был удел;
Их ложе верная любовь оберегала,
Стократный плод земля за труд им воздавала;
Хлеб закромы, а скот хлевы их наполнял,
И мотовством у них никто не щеголял.
Всяк, кто взирал на жизнь такой четы блаженной,
В подобной связи жизнь прожить желал священной.
Что в жизни краткой сей приятней может быть,
Как с верным другом век свой в радости прожить?

Утеха в горести, в несчастии отрада,
В трудах пособие, убытков всех награда,
Надежда твердая, коль жизнь кому скучна,
В болезни здравие — честная нам жена.
Где скромность милая, где строгий стыд девался,
Которым нежный пол издавна отличался?
Где брачны узы те, что вечный млат ковал,
Что страстный Купидон ничем не разрывал?
Ревнивость гнусная, непримиримы ссоры,
Холодные сердца, в три дни к разводам скоры,
Неверно ложе вдруг, детей побочных счет —
Таков у всех теперь супружеств наших плод!
Один ли жизнь клянет, обманут красотою
Или богатою, развратною женою?
С охотой бы союз свой скорый разорвал,
Когда б закон тому преград не полагал.

Францисек Карпиньский

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ СТОЛИЦЫ В ДЕРЕВНЮ

Вот бедный домик мой и глиняные стены,
Простая печь и все окошки раздробленны.
Вот кровля низкая по-прежнему стоит,
Но только более упадком все грозит.
Счастлив, кто малостью довольным быть умеет,
Спокоен за столом и сыт, как щи имеет,
Копает зелень с гряд своих в саду своем;
Свой скот, напиток свой и верный друг при нем.
Не обманулся б я, так прежде рассуждая,
И в скрытном уголке б жил, никого не зная.
В уезде бы никто о мне не вспоминал,
Всяк добрым бы меня соседом называл,
Мне труд кровавый рук снискал бы труд удобный,
Я жил бы без вести, я б умер без надгробной!
Что прибыли, что мой дом бедный опустел?
Я безрассудно плыть против воды хотел.
Сам видел многих здесь, как бедно утопали,
Но рассуждал об них, что плавать как не знали.
Без пользы у господ пороги я топтал,
По скользким лестницам ступени лишь считал.
Я мог ли жребий свой поправить пустяками,
Лишь вспомнишь, что бывал когда-то с господами?

Когда старик отец мой, помню, умирал,
«Иди, сын, в свет, и где ты будешь, — мне сказал, —
Знай, что всяк с правдою себя не потеряет,
Наследник бедности! она людей питает».
Живя с вельможами, я помнил сей совет,
Писал и говорил, как чувствовал. Предмет
Мой был не тот, чтоб дел чужих мне быть судьбою,
Хвалил я, с совестью советуясь своею.
Что ж выиграл, что лезть я подлостью считал?
Я бедным выехал и больше бедным стал.
Однак за то тебя, святая добродетель,
Что хлеба не даешь, не брошу, Бог свидетель.
Хоть обещало мне свой счастье венец,
Мне с правдой хорошо, и так велел отец.
Надежда! В золоте ль желал я зреть тебя,
Чтоб очи обратить народа на себя?
Богатством чтоб гремя, других топтать ногами?
Я не о том просил у счастья пред вратами.
Я деревушки лишь и домика желал,
Где б ел умеренно, но не голодным встал;
Где б ни пред кем уже к стене не прижимался
И плугом бы своим на ниве занимался;
Хоть в тесном уголке всегда б спокойным был.
Пусть лез бы вверх другой, а я б спокойно жил.
В намерении сем труд век мой сокращает,
Ученье глаз меня и здравия лишает;
Век сидя с книгами, обидел я свой рот,
Излишний, может быть, оне составят счет.
Что ж книги дали мне? Как нива худо платит
Неплодна мужику, что в ней надежду тратит.
Не возвращу теперь весны моих я лет,
Зима на голове, в запасе хлеба нет.
О! если бы я жил, когда Омиры пели,
Тогда б читателей мои стихи имели,
Под покровительством их я спокойно б жил
И наставлением для юношей служил.
Теперь бы с книгами охотно я простился,
К которым в юности привыкнув пристрастился.
Мне лучше в бедности, когда со мной мой друг,
За заступом глядеть и наблюдать свой плуг.
Бросаю голову ломать с пером напрасно,
Пусть сердце чувствует и мне твердят всечасно

Жалеть о участи беднейших всех других
И ближним помогать трудами рук своих.
Любезная сестра! И ты так поспешала,
Как будто день, когда я возвращусь, узнала.
Что там в углу стоишь? Твой бледный цвет лица ...
Несчастливая жена с детьми и без отца.
Глядишь мне на руки, какое дам признание
Тебе, когда уже погибло все именье.
Познали нужду вы, она терзает вас;
Я вижу, что и ты внимала правды глас.
О бедная родня! Как слепо рассуждает:
«Он меж вельможей был, теперь нас пропитает».
Так, был и мог бы быть я нужен господам,
Не зная, что они так платят всех трудам.
Свершилось! Я куска земли своей лишился,
Чужую землю рыть с тобой теперь решился.
Пойдем, чтоб хижинку чем бедну подпереть
И в ней, проживши век, спокойно умереть.

ПАСТУХ К ПОГИБШЕЙ ОВЦЕ

Где нет тропиночки, моя овечка нежна,
Сама без пастуха бредешь;
Вихрь бурный свищет там, зима досадна снежна —
Везде препятствия найдешь.
В какие ты места захочешь удалиться —
Моих стад будешь красотой,
Везде печаль моя вослед тебе стремится
И горесть будет за тобой.
Но небо, может быть, в трудах тебе умножит
И силы и подаст ночлег;
Зверь дикий, посмотрев тебя, не потревожит,
Ты столько же бела, как снег.
Овца любезная! души моей отрада!
Ничто меня не веселит,
Коль не со мной моей надежды всей награда,
И стадо без главы грустит.
Довольно по тебе я горести вкушая,
Причину слез всегда найду,
Сто без одной овцы охотно оставляя,
Искать тебя одной пойду.

О НЕСКОЛЬКИХ ПОЛЬСКИХ СТИХОТВОРЕНИЯХ В РУССКИХ ЖУРНАЛАХ 1819 года

В октябре 1819 г. П. А. Вяземский послал из Варшавы А. И. Тургеневу несколько басен с припиской: «Которые более полюбятся из моих карликов, отдай в “Сына”, означивши, что перевод с польского, но меня не называйте. Пускай подумают, что Анастасевич». ¹ Через десять дней басни были благополучно получены адресатом, одобрены В. А. Жуковским ² и затем опубликованы в «Сыне отечества». Всего в двух номерах было напечатано десять басен, ³ но без упоминаний о переводе с польского, а вместо подписи набрано «Варшава». Переводчик остался недоволен: «Я именно не хотел, чтобы выставлена была “Варшава”, а хотел, чтобы сказано было, что стихи с польского». ⁴

Таким образом, все десять басен переведены с польского. Источники были частично указаны самим Вяземским при посылке басен: «Желаю, чтобы они вам, моим судиям, понравились: эти короткие басни Красицкого имеют много соли в подлиннике. “Круговая порука” — одного моего приятеля, Моравского, который перевел мою надпись к царю, и тут круговая порука. Мысль очень удачна. Этот Моравский ничего полновесного не сделал, но, как Жуковский, дал

¹ Остафьевский архив кн. Вяземских. СПб., 1899. Т. 1. С. 336.

² См.: Там же. С. 350.

³ См.: Сын отечества. 1819. Ч. 58. № 47. С. 34–35 (басни 1–6); № 48. С. 80–81 (басни 7–10). Интересующие нас басни напечатаны на последней странице; в 1880 г. они были перепечатаны в «Полном собрании сочинений» П. А. Вяземского (Т. 3. С. 174, 175, 179) без какого-либо комментария. В новом издании в «Библиотеке поэта» опубликована одна из трех басен («Человек и мотылек»), также без указаний на переводной ее характер, см.: *Вяземский П. А. Стихотворения*. Л., 1986. С. 123.

⁴ Остафьевский архив. Т. 1. С. 372.

шиллеровское выражение языку польскому и воюет с классиками за романтиков. Он поэт в душе».⁵

Давно уже выяснено, что из Красицкого (1731–1801) переведено семь первых басен из десяти: «Две собаки», «Чернилница и перо», «Битый пес», «Два живописца», «Поток и река», «Два чужа» и «Дервиш и ученик».⁶ Впрочем, это не было секретом и для современников: в 1828 г. в решении об избрании Вяземского членом общества друзей наук в Варшаве отмечалось, в частности, что он «знает польскую литературу, переводил басни Красицкого и Моравского, а также прозой сонеты Мицкевича».⁷

«Круговая порука» — перевод басни Ф. Моравского (1783–1861) «Осел и теленок» («Osieł i cielę»). Впервые она была опубликована в 1818 г. без подписи, лишь в оглавлении журнала были проставлены инициалы автора («Ф. М.»).⁸ Впрочем, знакомство с автором не делало для Вяземского басню анонимной. Эту басню он перевел совершенно отлично от басен Красицкого. Басни давно почившего классика жанра переведены без отступлений и изменений, во всяком случае, переводы эквилинейны оригиналам. Ср. басню Моравского и перевод (по первым публикациям):

⁵ Там же. С. 336. Позднее Вяземский писал, вспоминая варшавские знакомства: «Был я в приятельских сношениях и с другим поэтом, с Моравским, который талант имел, по мне, что-то общее с талантом Жуковского» (*Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. СПб., 1879. Т. 2. С. X).

⁶ См.: Там же. Т. 3. С. 173, 176–178; *Krasicki I.* Pisma wybrane. Warszawa, 1954. Т. 1. S. 134, 135, 142, 149, 150, 151, 221; *Polska literatura piękna od XVI w. do początku XX w.* w wydawnictwach rosyjskich i radzieckich. Wrocław, 1986. Т. 2. S. 152–155, 157–159 (тут же указаны все последующие перепечатки переводов Вяземского). О переводах Вяземского из Красицкого см., в частности: *Двойченко-Маркова Е. М.* Красицкий в ранних русских переводах и подражаниях // Польско-русские литературные связи. М., 1970. С. 111–113; *Бэла С. И.* Польские связи П. А. Вяземского // Там же. С. 217–233; *Великодная И. Л.* П. А. Вяземский — переводчик басен И. Красицкого // Вестник МГУ. 1991. № 5. Сер. Филология. С. 51–54; *Wielikodnaja I.* Проблемы взаимного перевода в истории русско-польских литературных связей (на примере творчества П. Вяземского и Ф. Моравского) // *Studia Rossica II. Związki interdyscyplinarne w badaniach rusycystycznych.* Warszawa, 1994. S. 261–267.

⁷ Цит. по: *Ланда С. С.* О некоторых особенностях формировании революционной идеологии в России 1816–1821 гг. // Пушкин и его время. Л., 1962. Вып. 1. С. 225.

⁸ См.: *Tygodnik polski i zagraniczny.* 1818. Т. 2. N 19. S. 123; *Antologia bajki polskiej / Wybrał i oprac. W. Woźnowski.* Kraków, 1983. S. 398. Ср.: *Великодная И. Л.* Вяземский и Польша: Опыт исследования стихотворных переводов: Автореф. канд. дис. М., 1990. С. 11–12.

«Jaki też to osieł ze mnie» —
Tak się raz cielę lajało,
Ze się przelękło daremnie
I jak głupie uciekało.
Ale gdy się tak rozwodzi,
Jakieś osłaćko nadchodzi;
Idzie, idzie zadumane,
Łbem się uderza o ścianę
I mówi myśląc niewiele:
«Jaki też to ze mnie cielę!»

Tak i ludzie z siebie szydzą,
I w swych błędach drugich widzą.

«Какая ж лошадь я!» — свалившись с мосту в грязь,
Корова говорит. — «Какая ж я корова!» —
Упавши лошадь в ров, вскричала рассердясь.
Такой пример нам не обнова:
Обычай этот мы найдем и у людей.
Как часто в обществе друзей,
Когда о глупостях людских идет беседа,
Друг на друга мигают два соседа!

Как видим, переводчик изменил все: название, персонажей, композицию, стихотворный размер и сократил объем басни; сохранена, пожалуй, лишь схема рифмовки. Если бы не указание самого Вяземского, то доказать, что именно эта басня была источником «Круговой поруки», было бы затруднительно, настолько вольно она переведена.

Следующая басня — «Человек и мотылек» — перевод одноименной басни («Człowiek i motyl») известного в первой четверти XIX в. драматурга, романиста⁹ и поэта Л. Кропинского (1767–1844), впервые опубликованной в варшавском журнале в 1818 г.:

Naśmiewał się człek z motyla,
Ze u niego wiekiem chwila.
Zginął motyl. Rok za rokiem
Sto lat zbiegło łączym krokiem.
Przyszło do zawarcia powiek:
Sto lat chwilą nazwał człowiek.¹⁰

⁹Его роман «Юлия и Адольф» (1816) в 1830 г. вышел в Петербурге в русском переводе.

¹⁰Pamiętnik Warszawski. 1818. T. 10. S. 355. Ср.: *Kropiński L. Rozmaite pisma.*

Перевод П. А. Вяземского:

Над мотыльком смеялся человек:
«Гость утренний! по чести, ты мне жалок! —
Он говорит. — Мгновенье — вот твой век!
И мотыльку могила — куст фиалок».
За годом год торопится вослед,
И старику отсчитано сто лет.
Час смерти бьет! Старик на смертном ложе,
Вдохнув, сказал: «И век — мгновенье тоже!»

Третья басня — «Убогий и камень» — перевод басни «Człowiek i kamień» Ф. Карпиньского (1741–1825), знаменитого «поэта сердца», ведущего представителя польского сентиментализма. В его обширном наследии басни занимают достаточно скромное место, переведенная же Вяземским особенно любопытна автоиронией над «чувствительностью»:

Kamień leżał w środku drogi;
Mimo przechodząc ubogi,
Stłukł nogę. Lajał kamienie:
«Na cóż to próżne stworzenie?
On siebie nie zna, czy lato,
Czyli go śniegi przysuły!»
A kamień odpowie na to:
«A tobiez lepiej, żeś czuły?»¹¹

Обломок каменный валялся средь дороги.
Таскающий ярмо страданья и суму,
Наткнулся на него убогий
И с сердцем говорит ему:
«Природы мертвое созданье!
Зачем дано тебе существованье?
Равно встречаешь ты блеск утра, почи тьму, —
И летний жар и зимний холод
Безчувственно ты ко всему». —
«А мне-ль завидовать, чувствительный, тому,
Что чувствовать умеешь голод?»¹²

Lwów, 1844. S. 51; Antologia bajki polskiej. S. 352.

¹¹ *Karpiński F.* 1) Zabawki wierszem i prozą. Warszawa, 1783. T. 4. S. 58;
2) Dzieła. Kraków, 1862. S. 425.

¹² При перепечатке басни в 1880 г. в последний стих внесено два исправления, которые придали ответу «обломка» более абстрактный и потому менее язви-

Проявив почтительность к Красицкому (в его переводах автор и без подписи угадывался),¹³ Вяземский довольно свободно обошелся со своими современниками, причем двое из них — Моравский и Кропинский — так и остались неизвестны русскому читателю XIX в.¹⁴ Другое дело — Карпиньский.

Первые переводы из Карпиньского появились в 1802 г., когда В. Г. Анастасевич перевел шесть его стихотворений, оставшихся, впрочем, в рукописи.¹⁵ Потом было четыре публикации в «Улье», издававшемся тем же Анастасевичем.¹⁶ 1819 г. был последним годом интереса переводчиков к Карпиньскому — помимо басни, переведенной Вяземским, А. В. Склабовский опубликовал три перевода в «Украинском вестнике», а затем перепечатал их в своих «Опытах в стихах» (Харьков, 1819). В апрельском номере «Украинского вестника» за тот же год вслед за «подражанием Карпиньскому» Склабовского напечатана «Идиллия»,¹⁷ переведенная с польского неким Д. Сафоновым. Автор не указан, но по приведенным Сафоновым двум первым стихам оригинала источник отыскивается среди идиллий Карпиньского («Kogudon»).¹⁸ Ср. перевод первой строфы:

Ląko zielona! nie zwabisz mię więcej,
Ani pieszczony przedtem głos ptaszęcy,
Ani swym słodkim szumem głaszcząc uszy,
Strumień mię wzruszy.

Луга зеленые! Вы для меня постылы,
И птичек пение и рощи мне не милы.
Любил я, о ручей, плесканье струй твоих!
Но, ах! теперь и ты постыл для глаз моих.

тельный характер: «Кто чувствовать умеет голод?» (*Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. Т. 3. С. 174).

¹³По поводу перевода двух других басен Красицкого А. И. Тургенев писал в Варшаву: «Позволишь ли отдать в “Благонамеренного” два последние твои произведения? Он просит их. Дмитриев думает, что сии замысловатые безделки, как он их называет, Красицкого. Так ли?» (Остафьевский архив. Т. 1. С. 362).

¹⁴См.: Polska literatura piękna... w wydawnictwach rosyjskich i radzieckich. Т. 2. S. 188, 222.

¹⁵См.: *Николаев С. И.* А. Нарушевич и Ф. Карпиньский в «Чужой музе» В. Г. Анастасевича (см. наст. изд. С. 211).

¹⁶См.: *Dworski A.* Z dziejów zbliżenia kulturalnego rosyjsko-polskiego na początku XIX wieku — polonica w czasopiśmie «Улей» // Spotkania literackie. Wrocław, 1973. S. 151–183.

¹⁷См.: Украинский вестник. 1819. Кн. 4. Апрель. С. 96–97.

¹⁸См.: *Karpiński F.* Dzieła. S. 285–286.

Хотя Сафонов и сохранил в переводе число строк оригинала, за счет замены сапфической строфы четверостишием он увеличил объем стихотворения, заполнив его эпитетами и перифразами, собственными той чувствительности, над которой сам Карпиньский иронизировал в басне «Убогий и камень».

А. В. Склабовский обычно указывал авторов, которых он переводил или которым подражал. Так, из шести его стихотворных переводов с польского, опубликованных в «Украинском вестнике», пять — «подражания» Нарушевичу и Карпиньскому, не указан автор лишь одного стихотворения — «Происхождение рифм».¹⁹ Причина этого проста, оригинал — стихотворение «Powstanie gumów» — был опубликован в одном из варшавских журналов анонимно,²⁰ а автор его до сего дня не установлен.²¹ Под пером Склабовского история рифм — «двух божков, плод тайны любви» Каллиопы и Аполлона — значительно разрослась: в переводе 70 строк против 44 оригинала. Особенно примечательна заключительная часть «подражания» Склабовского:

Или в отечество сарматов полетят;
С Красицким иногда, любимцем Муз, звенят
На лире золотой, с ним резвятся, порхая,
И сесть в конце стихов прекрасных поспешая. . .
То в хладный русский край свой устремят полет,
Чтоб с Ломоносовым Елисавету петь,
Иль оду «Бог» с певцом «Фелицы» вдохновенным,
Иль нежиться с младым поэтом несравненным,
Тиртеем наших дней, Светлан, Людмил творцом;
Иль смерти Тассовой с чувствительным певцом.

Польское стихотворение, конечно, заканчивается иначе:

Z Krasickim, Muz kochankiem nawykły się pieścić,
Na końcu jego wiersza biegły się umieścić;
Z ich rękę to pozyskał najchojniejsze dary
Słodki tłumacz Delila i autor Barbary;

¹⁹См.: Украинский вестник. 1819. Кн. 8. Август. С. 223–227; с незначительной стилистической правкой перепечатано в кн.: Склабовский А. Опыты в стихах. Харьков, 1819. С. 152–156.

²⁰См.: Tygodnik polski. 1819. Т. 1. N 5. S. 131–133.

²¹См. роспись литературных материалов этого журнала: *Pusz W.* «Nowy Parnas» przedromantycznej Warszawy: Bruno Kiciński i grono jego współpracowników. Wrocław, 1979. S. 224.

I ten, co zawsze mocny, szlachetny i płynny
Tłumacz Alzygu, Cyda, Horacych i Synny.

В данном случае термин «подражание» оказался исключительно точен: Склабовский подражал антономазии оригинала. В польском тексте «*śłodki tłumacz Delila i autor Barbaru*» — это А. Фелиньский (1771–1820), переводчик поэмы «Сельский житель, или Французские Георгики» Жака Делиля и автор трагедии «Барбара Радзивилл»; «*tłumacz Alzygu, Cyda, Horacych i Synny*» — Л. Осиньский (1775–1838), переводчик трагедий Вольтера и Корнеля (кстати, знакомый Вяземского).²²

Склабовский, вероятно, вполне резонно предположил, что русскому читателю мало что скажут имена современных польских писателей, пусть и известные у себя на родине, к тому же история «рифм» и их странствий не могла, по мнению переводчика, завершиться в Польше. Склабовский оставил из поляков только Красицкого, как безусловного классика, и перенес «божков» в Россию, заставив их «нежиться» с Ломоносовым, Державиным, Жуковским и Батюшковым. Вот для трех последних имен Склабовский и использовал антономазию в «подражание» польскому образцу.

²²В 1827 г. Вяземский писал: «Директором Варшавского театра был тогда Оссинский, поэт и преимущественно известный классическим и, по отзыву поляков, великолепным переводом трагедии Корнеля *Le Cid*» (*Вяземский П. А. Полн. собр. соч. Т. 2. С. X; ср.: Т. 8. С. 368*).

ПОЛЬСКАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ К «РИФМЕ» А. С. ПУШКИНА

У Пушкина есть две весьма схожие между собой версии происхождения рифмы. Первая завершает стихотворение «Рифма, звучная подруга...» (1828). Родословная рифмы здесь такова.

Феб однажды у Адмета
Близ тенистого Тайгета
Стадо пас, угрюм и сир.
<.....>
Помня первые свиданья,
Усладить его страданья,
Мнемозина притекла.
И подруга Аполлона
В темной роще Геликона
Плод восторгов родила.¹

Вторая версия изложена в антологической эпиграмме «Рифма» (1830):

Эхо, бессонная нимфа, скиталась по берегу Пеня.
Феб, увидев ее, страстию к ней воспылал.
Нимфа плод понесла восторгов влюбленного бога;
Меж говорливых наяд, мучась, она родила
Милую дочь. Ее приняла сама Мнемозина.
Резвая дева росла в хоре богинь-аонид,
Матери чуткой подобна, послушна памяти строгой,
Музам мила; на земле Рифмой зовется она.²

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 17 т. [М.; Л.], 1948. Т. 3, [ч.] 1. С. 121.

² Там же. С. 240.

Исследователи согласно утверждают, что «Пушкин сам сочиняет древнегреческий миф о рифме. Миф этот измышлен весь целиком самим Пушкиным, но сюжетом своим отвечает с изумительной точностью типу аналогичных этиологических легенд античной Греции».³ Кажется, только Т. Г. Мальчукова подчеркнула оксюморонность содержания эпиграммы «Рифма», в которой «нерифмованным стихом рассказано о рифме и об этом отсутствующем в античной поэзии единогласном краесловии сочинен миф в античном вкусе».⁴ Поэтому непосредственно к античной поэзии предложенная Пушкиным родословная рифмы восходить никак не может. Более того, возможно, что сюжет пушкинской эпиграммы восходит к европейской поэзии новейшего времени.

Дело в том, что десятилетием ранее схожая легенда о происхождении рифмы уже появилась в русской печати. В 1819 г. в журнале «Украинский вестник» было опубликовано стихотворение А. В. Склябовского «Происхождение рифм», в том же году перепечатанное с незначительной стилистической правкой в его сборнике «Опыты в стихах».⁵ Начало стихотворения излагает родословную рифм:

Там, где младенчества покрыта пеленой,
Природа юною всегда блестит красой,
Где Пада берега кустарники венчают,
Где с легким веяньем зефировым сливают
Цветы свой аромат на бархатных лугах,
Средь них, как зеркало, в зеленых берегах
Сияя, катит в даль Пад волны голубые;
Там, в рощах и скалах, близ Мантуи, младые
Две рифмы-близнецы, как тихий день весной,
Прелестные божки приют имеют свой.
Четыре века там их мирная столица.
Там, Каллиопа, ты, божественна девица,
Первейшая из Муз, блуждала по лугам,
По рощам, по траве душистой, по цветам,

³ Толстой И. И. Пушкин и античность // Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. Л., 1938. Т. 14. С. 79. Ср.: Любимудров С. Античные мотивы в поэзии Пушкина. 2-е изд. СПб., 1901. С. 50–51; Кибальник С. А. Русская антологическая поэзия первой трети XIX в. Л., 1990. С. 206–208.

⁴ Мальчукова Т. Г. Античность и мы. Петрозаводск, 1991. С. 157.

⁵ См.: Украинский вестник. 1819. Кн. 8. Август. С. 223–227; Склябовский А. Опыты в стихах. Харьков, 1819. С. 152–156.

Чуть робкою тех мест касаяся стоюю...
 Там — на ковре долин — волшебных струн игрою
 Бог света, Аполлон, твой нежный слух пленил
 И, очарованну, спом тихим усыпил.
 Плененный прелестью красавицы стыдливой,
 Он тайной сладостью любви неизъяснимой,
 Умножил сладость сна. И Рифмы, двух божков,
 Плод тайныя любви, в священну сень лесов
 Парнасской высоты принес с собой безвестных
 И Музам поручил воспитывать прелестных.⁶

Далее рифмы отправляются в путешествие по Европе: из Италии они перелетают в Германию, посещают Ферней (Франция вообще не упоминается), Англию, Польшу и, наконец, попадают в Россию. В журнальной публикации стихотворение снабжено подзаголовком «Подражание польскому». Источник Склабовского известен: это стихотворение «Powstanie hymnów», опубликованное в одном из варшавских журналов в 1819 г.⁷ Стихотворение анонимно, автор его до сего дня не установлен,⁸ не исключено, что это перевод. Под пером Склабовского история рифм значительно разрослась: в переводе 70 строк против 44 оригинала. Понятно, что упоминание произведений Ломоносова, Державина, Жуковского и Батюшкова в заключительной части введено в стихотворение уже русским переводчиком.

Сходство двух родословных рифм — у Пушкина и в польском стихотворении, переведенном Склабовским, — разительно и в доказательстве не нуждается. В обеих речь идет о том, что отец рифмы — Аполлон, а мать — нимфа: или Мнемозина (в двух версиях Пушкина), или муза поэзии Каллиопа, дочь Мнемозины (в польском стихотворении). В обеих «родословных» после рождения рифму воспитывали музы. Различия «родословных» сводятся к месту действия (Греция и Италия), числу (одна рифма у Пушкина и «близнецы» в польском стихотворении), а также полу. Последнее объясняется тем, что в польском языке «рифма» (*gymn*) — мужско-

⁶ Склабовский А. Опыты в стихах. С. 152–153.

⁷ См.: *Tygodnik polski*. 1819. Т. 1. № 5. С. 131–133. См.: Николаев С. И. О нескольких польских стихотворениях в русских журналах 1819 года (см. наст. изд. С. 220).

⁸ См.: *Pusz W.* «Nowy Parnas» przedromantycznej Warszawy: Bruno Kiciński i grono jego współpracowników. Wrocław, 1979. S. 224.

го рода, а Склабовский в своем «подражании» не придавал значения этой несообразности («рифмы» — «двух божков»).

Можно ли рассматривать «подражание польскому» Склабовского не только как параллель, но и как возможный источник пушкинской родословной рифмы? Это вполне вероятно, хотя в библиотеке поэта не было ни «Украинского вестника», ни книжки Склабовского, а само его имя ни разу не упоминается в сочинениях и письмах Пушкина. Более вероятно предположение, что у польского неизвестного автора и у Пушкина был один общий источник (итальянский или французский). Обнаружение такого источника позволило бы уточнить историю творческого замысла Пушкина.

ОБ ЭПИГРАММЕ К. Ф. РЫЛЕЕВА НА АВСТРИЙСКОГО ИМПЕРАТОРА

Среди черновиков и набросков К. Ф. Рылеева, относящихся к 1822–1824 гг., сохранилась эпиграмма, впервые опубликованная в 1871 г.:

Весь мир великостию духа
Сей император удивил:
Он неприятель мухам был,
А неприятелям был муха.¹

В автографе заглавия у эпиграммы нет, но в ряде изданий она снабжена редакторским названием «Эпиграмма на австрийского императора».² Однако все комментаторы сходятся в одном: эпиграмма Рылеева — отклик на помилование австрийским императором Францом I итальянского писателя Сильвио Пеллико, приговоренного за участие в движении карбонариев к смертной казни, которая была заменена в 1822 г. длительным тюремным заключением. Франц I был неудачливым полководцем (неоднократно терпел поражения от Наполеона), а к старости приобрел манию бить мух.³ Совокупность этих фактов и позволила датировать эпиграмму 1822 г., причем некоторые издатели предлагают эту дату как безусловную.

В комментариях не указывается, что у четверостишия Рылеева есть вполне вероятный источник — «Краткое руководство к крас-

¹Русская старина. 1871. № 1. С. 101.

²См.: *Рылеев К. Ф.* 1) Полн. собр. стихотворений. Л., 1971. С. 87, 409; 2) Сочинения. Л., 1987. С. 64, 359; Русская эпиграмма второй половины XVII — начала XX в. Л., 1975. С. 345, 778; Русская эпиграмма. (XVIII — начало XX в.). Л., 1988. С. 281, 611.

³См.: Русская старина. 1870. № 1. С. 344.

норечию» М. В. Ломоносова, неоднократно издававшаяся классическая русская риторика. Седьмую главу Ломоносов посвятил «изобретению витиеватых речей», «которые могут еще назваться замысловатыми словами или острыми мыслями»,⁴ т. е. тому, что и составляет пуанту эпиграммы. Среди многочисленных способов «изобретения» Ломоносов называет и такой, при котором «противные и несходственные вещи рожают витиеватые речи, в частности, «когда одно противное или несходственное к другому относится или на оное переменяется». Это положение Ломоносов иллюстрирует следующим примером: «И о Домитиане, кесаре, сказано, что *он был неприятель мухам, а неприятелям муха*». ⁵ В комментариях к этому месту обычно дается ссылка на жизнеописание Домициана у Светония.⁶ Это вряд ли справедливо. Курсив в ломоносовской фразе, предваряемый словом «сказано», подразумевает цитату, между тем никакой игры слов или остроты у Светония нет.⁷ Источник остроты совсем иной.

В 1972 г. П. Левин в книге о польской традиции в русских курсах поэтики XVIII в. указала неизвестный ранее источник «Риторики» Ломоносова — пособие по риторике «Начинающий оратор» польского автора Михаила Радау (ок. 1616–1687).⁸ Именно в этой книжке, которая с 1651 по 1741 г. была издана 25 раз, обнаружен оригинал стихотворения «На белых волосах у Аппия зима. . . », которое перевел Ломоносов и ошибочно усвоил его Марциалу.⁹ Во втором издании книжки Радау (Амстердам, 1655) оригинал стихотворения «На белых волосах у Аппия зима. . . » напечатан на странице 51, а чуть раньше, на с. 45 автор, рассматривая способы изобретения острых

⁴ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 7. С. 204.

⁵ Там же. С. 217, 218 (курсив Ломоносова).

⁶ См.: Ломоносов М. В. 1) Сочинения. СПб., 1895. Т. 3. С. 435–436, примеч. (приведен текст Светония на латинском языке); 2) Полн. собр. соч. Т. 7. С. 825.

⁷ См.: Гай Светоний Транквила. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1964. С. 211.

⁸ См.: Lewin P. Wykłady poetyki w uczelniach rosyjskich XVIII w. (1722–1774) a tradycje polskie. Wrocław, 1972. S. 116–117. Ср.: Lewin P. Teoria akuminu w estetycznej świadomości wschodniej Słowiańszczyzny XVII–XVIII wieku a traktat Sarbiewskiego // Literatura staropolska i jej związki europejskie. Wrocław, 1973. S. 322–323.

⁹ См.: Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 207–208, 824. К сожалению, находка П. Левин не была учтена в кн.: Ломоносов М. В. Избр. произведения. Л., 1986. С. 455 («Библиотека поэта». Большая серия). Здесь источником эпиграммы назван Марциал.

мыслей, приводит следующий пример, иллюстрирующий такой способ, при котором «великой вещи приписывается незначительность, а драгоценной — малоценность»: «Sic de Domitiano muscas quotidie mactante dictum: Hostis fuit muscis, hostibus musca»,¹⁰ т. е. «Так о Домициане, каждый день убивавшем мух, сказано: он враг был мухам, врагам — муха». Радау не указал, кому принадлежит это речение. Поскольку «Thesaurus linguae latinae» не фиксирует этого употребления, можно предположить, что мы имеем дело не с классической латынью, а с новолатинским сочинением. Гораздо важнее другое — две цитаты из Радау в «Риторике» Ломоносова позволяют безусловно включить «Начинающего оратора» в круг источников Ломоносова.

Обратимся вновь к эпиграмме Рылеева. Нетрудно заметить, что ее второе двустишие — почти дословная цитата из риторики Ломоносова; отсюда следует, что ненавистником мух был вовсе не Франц I, а римский император Домициан. Неизвестно, насколько Рылеев и его современники были осведомлены о мании австрийского императора (который, кстати сказать, пережил русского поэта на десять лет), между тем как о страсти Домициана к уничтожению мух было известно не только из оригинала и русских переводов Светония, но и из различных учебных курсов. Еще в XVII в. Симеон Полоцкий написал на эту тему нравоучительное четверостишие, вошедшее в его «Вертоград многоцветный»:

Мухокол

Домициан злый кесарь егда царствоваше,
в храме си мухи ловя, иглоу бодяше
Въместо утешения, но и сам заклася
от иконома, яко в безделие вдася.¹¹

В начале XVIII в. о ненависти Домициана к мухам упоминает в своих лекциях по риторике Феофан Прокопович как о чем-то хрестоматийно известном.¹² Разумеется, нельзя исключить воз-

¹⁰ *Radau M. Orator extemporaneus seu artis oratoriae breviarum bipartitum. Amsterdam, 1655. P. 45.*

¹¹ *Simeon Polockij. Vertograd mnogocvetnyj. Vol. 2: «Emmanuil» — «Počitanie 2» / Ed. by Anthony Hippius and Lydia I. Sazonova. Köln; Weimar; Wien, 1999. S. 382.*

¹² *См.: Feofan Prokopovič. De arte rhetorica libri X / Hrsg. von R. Lachmann. Köln, 1982. S. 6.*

возможность того, что эпиграмма Рылеева направлена на австрийского императора: цитируя Ломоносова, Рылеев уподобляет Франца I тирану Домициану, безжалостному к мухам, но часто бессильному против войск неприятелей и павшему от рук заговорщиков. Иронизируя над «великодушием» Франца I, Рылеев предрекал и ему не менее бесславный конец. Однако ломоносовский источник допускает и другую интерпретацию: Рылеев просто изложил в эпиграмматической форме запомнившийся риторический пример. В этом случае эпиграмма теряет свою политическую злободневность, но приобретает большую внутреннюю логику.

ГРАФ ХВОСТОВ — ПЕРЕВОДЧИК МИЦКЕВИЧА

В истории польско-русских литературных связей тема «русского Мицкевича» является, безусловно, одной из самых важных и наиболее разработанных: в двух фундаментальных библиографиях тщательно учтены сведения о многочисленных русских переводах произведений польского поэта,¹ а история восприятия в России «Сонетов» (1826) Мицкевича представлена в обширной антологии.² Это, конечно, не исключает возможности находок новых переводов, причем не только в рукописных, но и в печатных источниках. Так, недавно был обнаружен переведенный В. А. Жуковским отрывок из поэмы «Конрад Валленрод», опубликованный переводчиком в издававшемся им мизерным тиражом журнале «Собиратель» (1829).³ Тем более любопытна история забытого перевода Д.И. Хвостова, две публикации которого, снабженные всеми необходимыми отсылками, не попали в поле зрения библиографов и исследователей.

В 1834 г. Хвостов опубликовал в седьмом томе своего «Полного собрания стихотворений» «Сонет Чатырдах, 1831 года»:

Громаду зря в Крыму большую,
Вещает Магомета сын,
Ее подножие целую,

¹См.: Адам Мицкевич в русской печати. 1825–1955. Библиографические материалы. М.; Л., 1957; Polska literatura piękna od XVI w. do początku XX w. w wydawnictwach rosyjskich i radzieckich. Т. 3. Adam Mickiewicz. Bibliografia przekładów oraz literatury krytycznej w języku rosyjskim wydanych w latach 1825–1981. Wrocław, 1988.

²См.: *Мицкевич А.* Сонеты / Изд. подг. С. С. Ланда. Л., 1976 («Литературные памятники»).

³См.: *Янушкевич А. С.* В. А. Жуковский — переводчик отрывка из поэмы А. Мицкевича «Конрад Валленрод» // Историко-литературный сборник к 60-летию Л. Г. Фризмана. Харьков, 1995. С. 33–39.

Сказав: вот мачта — исполин,
Столп мира, Чатырдах высокой,
Тебя едва ль измерит око,
Ты над горами падишах,
Главу скрывая в облаках.

Сидишь под кровлею небесной,
Как Рамег у Эдема врат,
Подобный мраку плащ чудесный
Попал в число твоих оград.
Твои рабы огонь бросают,
Твоя чалма — воздушна тканьь;
Янычары в нее вшивают
Змиеобразных молний брань.
Пусть солнца жар печет жестокий,
Иль землю тяготит туман;
Гяур сожжет дома високи;
Крылатый тучных нив тирап,
Пусть жатву саранча погубит,
Война злой смерти гнев сугубит,
О Чатырдах! блюда свой круг,
Ты неподвижен, вечно глух.

Стоишь в эфире меж звездами,
Посредник твари пред Творцом,
И под своими зришь ногами
И землю, и людей, и гром.
Ты, укрепяся в недрах дола,
Все то, что возгласит с престола
Творению Отец миров,
Внимаешь, слыша звуки слов.⁴

В примечании Хвостов точно указал свои источники: «Сонет “Чатырдах” есть творение на польском языке знаменитого Мицкевича. Сие прекрасное и образцовое творение в роде описательном переложено сочинителем с русского перевода в прозе князя Петра Андреевича Вяземского и печатается в первый раз».⁵ Здесь, однако, неизвестно по чьей вине произошла какая-то путаница. Дело в том, что публикация перевода в 1834 г. не была первой.

В 1832 г. в издававшемся в Казани журнале «Заволжский мура-

⁴ Хвостов Д. И. Полное собрание стихотворений. СПб., 1834. Т. 7. С. 151–152.

⁵ Там же. С. 269.

вей» появилось три перевода из Мицкевича: «Три Будриса»,⁶ «Пани Твардовская»⁷ и сонет «Чатырдах».⁸ Два первых перевода хорошо известны и учтены в библиографии,⁹ а вот третий перевод, принадлежащий Д. И. Хвостову, туда не попал. В публикации 1832 г. несколько изменено название: «Чатырдах. (Сонет, соч. г. Мицкевичем на польском языке. Преложение русскими стихами сделано с перевода в прозе князя П. А. Вяземского)». Кроме того, текст обеих публикаций не совпадает, ср. стихи в публикации 1832 г., в которых есть незначительные текстуральные отличия от публикации 1834 г.:

Громаду в Тавре зря большую,
Как верный Магомета сын,
<.....>
Реку: о мачта — исполин,
Столб мира — Чатырдах высокой!
<.....>
Главу скрываешь в облаках!
<.....>
Иль землю облечет туман;
<.....>
Ты, укрепляя в недрах дола.

Вероятно, история текста такова: сонет, переведенный в 1831 г., Хвостов отослал в Казань, где он и был опубликован в конце 1832 г., а перед изданием 7-го тома своих стихотворений Хвостов несколько отредактировал старый перевод. Редактура, возможно, началась с исправления погрешностей казанской публикации, в которой, в частности, пропущен 6-й стих третьей строфы («Война злой смерти гнев сугубит» в публикации 1834 г.).

В том, что Хвостов воспользовался прозаическим переводом П. А. Вяземского, опубликованным в «Московском телеграфе» в 1827 г., не было ничего необычного. По этому переводу, очень точному, хотя и архаизированному, делали свои переложения сонетов Мицкевича А. Д. Илличевский (1828), И. И. Козлов

⁶См.: Заволжский муравей. 1832. Ч. 1. № 5. Март. С. 259–262. Вольный перевод Ск. . . .

⁷См.: Там же. 1832. Ч. 2. № 11. Июнь. С. 591–598. Вольный перевод И. В. (И. А. Верниковского).

⁸См.: Там же. Ч. 3. № 23. Декабрь. С. 1322–1323. Подпись: «Граф Хвостов».

⁹См.: Polska literatura piękna od XVI w. do początku XX w. w wydawnictwach rosyjskich i radzieckich. Т. 3. S. 9 (№ 105), 77 (№ 1049).

(1828), А. А. Майков (1842), ему следовал в своем переводе Ю. И. Познанский (1832).¹⁰ Не был одинок Хвостов и в том, что не сохранил в переводе формы сонета: так же поступили И. И. Дмитриев, И. И. Козлов, В. Н. Щастный, В. И. Любич-Романовский, Д. И. Минаев.

Далекое от оригинала «Преложение» Хвостова не могло стать заметным литературным явлением и явно уступало уже появившимся русским переводам сонетов Мицкевича. Своих почитателей престарелый поэт нашел в Казани среди литераторов, объединившихся вокруг «Заволжского муравья». Журнал печатал не только сочинения Хвостова, но и хвалебные на них отзывы (например, Г. Н. Городчанинова) и обращенные к нему стихи. Так, в том же 1832 г. журнал поместил стихи четырех поэтов (причем не казанских литераторов), объединенных под общим названием «В альбом графу Дмитрию Ивановичу Хвостову». Один из авторов, П. А. Машков, писал:

Безвестен я — мой слабый гений
Не оценит твоих творений,
Певцов завистливый предмет!
Их ценит век, их ценит свет:
О них с отрадою услышит
Потомство будущих сынов,
И слава имя твое впишет
В скрижаль заветную веков.¹¹

В какой-то мере предсказание Машкова сбылось: в «скрижаль веков» имя Хвостова попало, но вовсе не так, как это виделось его почитателю. А вот с переводом из Мицкевича судьба сыграла злую шутку: он не только не был вписан в библиографические «скрижали», но даже был пропущен в оглавлении журнала.¹²

¹⁰См.: *Мицкевич А.* Сонеты. С. 312, 313, 325, 321.

¹¹Заволжский муравей. 1832. Ч. 3. № 21. Ноябрь. С. 1201.

¹²См.: Там же. С. 1432.

ПРИТЧА О НЕМЦАХ, ФРАНЦУЗАХ И РУССКИХ У Н. ЛЕСКОВА

В 1862 г. Н. С. Лесков в числе первых своих беллетристических произведений опубликовал рассказ «В тарантасе».¹ Его герои ведут досужие дорожные беседы; наконец, слово получает живущий «по древнему благочестию» Анфалов. В ответ на реплику одного из путешествующих «И отчего бы это воровство было в нашем народе?», он поведал следующую историю, которую «от верных людей слышал». В некоторой «сборной стране», «в которой всех концев люди согнаны были и вместе слову Божию поучались», ходил странник. Нечестивый царь велел схватить его, пригвоздить к доске и пронзить стрелами. По пути к месту казни он говорит всем: «Иду, говорит, смертью умереть». А они ничего, только друг на дружку озираются». И лишь когда от распятого странника стали стрелы отскакивать, «народ тут уж понял, что странник этот как есть богоугодный человек, да к нему». «Англичане <...> посоветовались промеж своих, да и говорят страннику: “Господине честный! Хочешь, мы пойдем к царю и тебя у него отторгуем?” Странник покачал головой и сказал им: “Не умели отстоять, говорит, меня всем миром, теперь, говорит, мне ваша застоя некстати. Идите, говорит, торгуйте целую жизнь”. Так, по его слову, как он сказал, словно невидимой силой какой завернуло этих англичан, и пошли они все из сборной страны торговать по свету. <...> Как ушли англичане, подходят это к доске, на которой мучится странник, французы. Народ разбитной, вертлявый <...> да и говорят: “Господине честный! Хочешь, говорят, мы тебя отвоюем”. А он опять им в ответ: “Не умели, говорит, отстоять меня вовремя всем миром, теперь мне вашей

¹ См.: Северная пчела. 1862. № 108. 23 апреля. Далее рассказ цитируется по кн.: *Стебницкий М.* Три рассказа. СПб., 1863. С. 43–51. Рассказ переиздан, см.: *Лесков Н. С.* Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 1996. Т. 1. С. 131–143.

застой не надо, идите, говорит, воюйте целую жисть”. Завернулись от него французы и пошли воевать и по се два дня воюют. <...> Видемши теперь все это, наши кашинцы, что к примеру, ни отъемом он спастись не хочет, ни на откуп тоже не пойдет, и говорят ему: “Господине честной! Давай, говорят, мы тебя уворуем?” Хотели, выходит, так сделать, чтоб никакого убийства и ничего б не было. А он им опять так же отвечает: “Миром, говорит, меня отстоять не сумели, теперь, говорит, идите и воруйте всю вашу жисть”».

«Рассказ, — замечает Лесков, — на всех произвел довольно сильное впечатление». С рассказчиком поспорили, вспомнили еще одну историю о разделении грехов между народами и пришли к выводу, что «во всяком царстве, и у немцев, и у нас теперь есть воры и блудницы, и опять во всяком звании, и в господском, и в купеческом, и в нашем. <...> “Вот это скорее похоже на правду”, — сказал купец».

Самому же Лескову предание о трех народах понравилось, и через несколько лет он ввел его в драму «Расточитель» (1867), но уже в сильно сжатом виде и в книжной стилистике, а не в духе фольклорного сказа. По ходу действия зашла речь о воровстве. Один мастеровой, Челночек, утверждает, что это у нас «по благословению делается». Старый ткач Спиридон Обрезов изумляется: «“От кого ж это могло быть такое благословение, чтобы красть?” — “От странника”. Ходил такой странник по свету и был уловлен от дванадесяти язык и пропят на древе, и никто за него не заступился. Вот как он на древе начал томиться, и начали люди приходиться к нему с жалостию, чтобы спастись его. Сунулись первые немцы, потому без них и вода не освятится, их везде спрашивают. “Господине честной, говорят, хочешь ли, мы тебя отторгуем?” Он покивал на них головою и говорит: “Ступайте, торгуйте себе целую жисть”. Так они по этому слову его завернулись и пошли, и все торгуют, и до века всем торговать будут. Тут сейчас французы, народ этакой верткий. “Господине честной, давай, говорят, мы тебя отвоюем”. — “Ступайте, говорит, воюйте себе целую жисть”. Таки они всё и будут целый век воевать, и все без толку. Тогда уж наши русаки, — как они против немцев и французов, разумеется, обстоятельней, то видят, что не хочет он ни торговлею, ни отъемом спастись. “Господине честной, давай, говорят, мы тебя уворуем”. А он нам и брякни: “Ступайте, говорит, воруйте себе целую жисть”».²

² Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. М., 1956. Т. 1. С. 461–462.

Как и в рассказе, действующие лица драмы возмутились. «О брехун, брехун!» — возгласил один из них.

Возмутились и рецензенты драмы, причем не только текстом Лескова, но и бездействием цензуры, которая допускает такие оскорбления публики со сцены Александрийского театра.³ Лишь критик «Отечественных записок» вступился за Лескова, довольно своеобразно его оправдывая: «Говорить публике, что они “воры”, конечно, нехорошо, и публика может за это обидеться. Но разве наша публика в первый раз слышит подобный комплимент себе? Разве ей не говорят решительно каждый день, что она с кругу спилась? А пьянство ведь едва ли лучше воровства».⁴

И все же персонажей Лескова и его критиков понять можно — сведение образа народа «к обрекающе-тотальной однокачественности»⁵ может задеть. Однако наделение народов каким-то одним качеством (не всегда самым лучшим) существовало задолго до Лескова. Само возникновение этнических стереотипов относится к глубокой древности — еще античные мыслители считали, что каждый народ имеет свои собственные национальные черты, свои достоинства и недостатки. И в средние века, и в Новое время по Европе кружило множество стишков, пословиц, историй и анекдотов, перечисляющих самые разные достоинства, а чаще всего недостатки разных народов.⁶ В XIX–XX вв. литературные и особенно фольклорные воплощения *nationum proprietates* стали предметом изучения, появились исследования и даже словари этнофаулизов, причем отраженные в этих текстах этнические стереотипы и национальные антагонизмы живы и по сей день.⁷

В русской литературе подобные малые прозаические формы отмечены со второй половины XVII в. Целый ряд их встречается у Юрия Крижанича, например: «Вугрин — волк, влах — хитрец, немчин — свинья, поляк — фат, словенец — не человек», «Краль

³См.: С.-Петербургские ведомости. 1867. № 306. 5(17) ноября; Петербургский листок. 1867. № 164. 4 ноября. Ср.: Горелов А. А. Н. С. Лесков и народная культура. Л., 1988. С. 169–170.

⁴Отечественные записки. 1867. Т. 175. Отдел «Современные заметки». С. 73.

⁵Горелов А. А. Н. С. Лесков и народная культура. С. 122.

⁶Материал из литератур Востока Европы представлен в широком контексте в кн.: Kot S. Polska złotego wieku a Europa. Studia i szkice. Warszawa, 1987. S. 693–873.

⁷Из работ последнего времени выделяется книга: Kępiński A. Lach i Moskal. Z dziejów stereotypu. Warszawa; Kraków, 1990.

хиспанский — краль хлапский, краль французский — краль болярский, краль ляшский — краль кралевский, царь немецкий — господарь всему свету».⁸ В «Арифмологии» Николая Спафария, переведенной в 1672 г. из энциклопедии Иоанна Альштеда (1620),⁹ есть любопытное и поучительное рассуждение на эту тему: «Да никто же убо от читателей чтуще сия помышляет, яко мы ради укоризны или поношения последующая написали есмы. Ниже убо нам угрождает род того поносительный, иже славу благую вредит, обаче ученаго есть познати свой грех: познай тебе самого, древле есть притча. Ибо ни един человек и ни один род или град обретается весма без погрешения и некоего порока. <...> Мужем ученым, яже немалую пользу воздадут комуждо, да познати возможет рода своего порок или радоватися будет, понеже видит, яко род его от того порока очищен есть или аще есть род его от того порока тщанием своим и искусством оправдися». Далее Спафарий приводит примеры подобных сопоставлений народов: «Италияне мудрии суть прежде дела. Французы во деле. Немцы после дела. Та же фразцуз егда поет, яко коза кричит; немец вопиет; италиан сам поет». Затем следует раздел «Странам неким и родом свойство»:

1. Немцы — храбрии, простим, благотворители (<...>)
2. Итали — гордии, отмстители, остроумнии.
3. Испаниоли — пренебрегатели, советници, возхитители.
4. Французы телесы красными украшени, невоздержнии, дерзочнии.
5. Дани и свецы — величьи крамольници, страшнии.
6. Енглези — смущении, купцы, люботрудители.
7. Сармати — ядцы, гордии, тати.
8. Чехи — безчеловечнии, новым делом любители, ко совершению корысти достойнии.
9. Иллирийцы, или вандалы, удободвижнии, злодеи, крамольници.
10. Венгри — житие их суровое, земля их златная, — благоговейнейшии.
11. Греческий род — яко ныне есть единое слово окаяннейший есть.¹⁰

⁸Русское государство в половине XVII века. Рукопись времен Алексея Михайловича. Открыл и издал П. Бессонов. М., 1859. С. 23, 95 (приложение к № 2 «Русской беседы»).

⁹См.: Белоброва О. А. Об источниках «Арифмологии» Николая Спафария // Русская литература. 1980. № 2. С. 131–134.

¹⁰Николай Спафарий. Эстетические трактаты. Л., 1978. С. 100–102.

В 1691 г. на русский язык было переведено «Выдание о добронравии» польского моралиста начала XVII в. Яна Жабчица, в котором сначала дается цепочка положительных национальных черт: «По природе належит: италианину докторство, немчину купечество, поляку воинство», а далее читается обширнейший перечень негативных черт разных народов: «В подозрении дела: гишпанская простота, италианское учтивство, полской чин, пруские шутки, датцкое государствование, аглинская волность, французской стыд, немецкое покорство, шкоцкое отдыхание, московское слово, турское супружество, жидовское обещание, арианская вера, цыганская и волоская правда».¹¹

Подобные цепочки сравнений построены не только на национальных антагонизмах. В сборнике пословиц из библиотеки Петра I помещено присловье: «Русак до чтения, казак до спеванья, поляк до сказания».¹² В этом присловьи по синтаксису угадывается его западнославянское происхождение, и действительно, такой текст зафиксирован в польской паремиографии: «Rusek do czytania, Chochlak do śpiewania, Polak do opowiadania».¹³

Петр I, судя по «Подлинным анекдотам» о нем Я. Штелина, назначал жалованье иностранцам, исходя из знания «свойств разных наций». «Французу, — говорил государь, — всегда можно давать больше жалованья, он весельчак (*bon vivant*) и все, что получает, проживает здесь. Немцу также должно давать не менее, ибо он любит хорошо поесть и попить, и у него мало из заслуженного остается. Англичанину надобно давать еще более, он любит хорошо жить, хотя бы должен был и из собственного имения прибавлять к жалованью. Но голландцам надо давать менее, ибо они едва досыта наедаются, для того, чтобы собрать больше денег; а италианцам еще менее, потому что они обыкновенно бывают умеренны и у них всегда остаются деньги, да они и не стараются скрывать, что для того только служат в чужих землях и живут бережливо, чтобы накопить денег и после спокойно проживать их в раю своем в Италии, где в деньгах недостаток».¹⁴

¹¹ Николаев С. И. Произведения Яна Жабчица в русских переводах XVII века // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 187, 189.

¹² Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII–XIX веков. М.; Л., 1961. С. 34.

¹³ Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich. Warszawa 1970. Т. 2. S. 1009.

¹⁴ Штелин Я. Подлинные анекдоты о Петре Великом. Л., 1990. С. 52.

Цепочки сравнений могли затрагивать и вопросы языка и стиля. Так, В. К. Тредиаковский в «Слове о богатом, различном и несотсвенном витийстве» (1745) выстраивает ряд, куда входят «проницательнейшие англичане, благорассуднейшие голландцы, глубочайшие гишпанцы, острейшие италианцы, витиеватейшие поляки, тщательнейшие шведы, важнейшие немцы».¹⁵ М. В. Ломоносов в посвящении «Российской грамматики» (1755) писал: «Карл Пятый, римский император, говаривал, что ишпанским языком с Богом, французским — с друзьями, немецким — с неприятельми, италиянским — с женским полом говорить прилично. Но если бы он российскому языку был искусен, то, конечно, к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно, ибо нашел бы в нем великолепие ишпанского, живость французского, крепость немецкого, нежность италиянского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языка».¹⁶

Наконец, русский читатель получил в популярном «Письмовнике» Н. Курганова «Опись качеств знатнейших европейских народов», в которой в виде таблицы были собраны 14 черт (поведение, рост, нрав, лицо и прочее) немцев, французов, итальянцев, испанцев и англичан. За таблицей следовал небольшой текст: «Немец пьет много, а ест мало. Англичанин ест много, а пьет мало. Француз и пьет и ест хорошо. В пении ишпанец плачет, италиянец жалуется, немец гогочет, голанец дразнится, француз свистит».¹⁷

«Письмовник» переиздавался многократно, и переведенная из грамматики французского языка Ж.-Р. де Пеплие статейка была известна широкому кругу читателей. Публикация основательной «ученой» таблицы в учебной книге вполне понятна, так как идеи географического детерминизма были тогда в почете, в том числе благодаря трудам Ш. Монтескье («О духе законов»). Отзвуки этих идей заметны и в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина (ср.: «Англичанин торжествует в парламенте

¹⁵ Тредиаковский В. К. Слово о богатом, различном и несотсвенном витийстве. СПб., 1745. С. 71–73.

¹⁶ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 7. С. 391. Ср.: Рах В. Д. Возможный источник стихотворения М. В. Ломоносова «Случились вместе два астронома в пиру...» // XVIII век. Сб. 10. Л., 1975. С. 218. См. также стилистически сниженный вариант рассказа Карла V в рукописном сборнике XVIII в.: Matek E. Указатель сюжетов русской нарративной литературы XVII–XVIII вв.: Łódź, 2000. Т. 1. S. 158–159.

¹⁷ Курганов Н. Российская универсальная грамматика. СПб., 1769. С. 184.

и на бирже, немец в ученом кабинете, француз в театре»),¹⁸ однако именно ему принадлежит замечательное суждение о национальных стереотипах и антагонизмах. В одном из примечаний к статье «О тайной канцелярии» (1803) он писал: «Надобно заметить, что всякий народ Европы ославлен с какой-нибудь худой стороны и что все обыкновенные путешественники основывают наблюдения свои на предвзвешенности: во Франции они ищут легкомысленных, в Италии злобных и мстительных, в Гишпании ленивых, в Англии чудаков, в Германии педантов, а в России варваров. Случаи и характеры, которые не согласны с общим предвзвешением о народе, остаются неуваженными. Гораздо легче твердить за другими, нежели наблюдать и мыслить. <...> Как люди, так и народы должны презирать клевету».¹⁹

Мысль Карамзина вряд ли изменила общее отношение к стереотипам. Полвека спустя А. И. Герцен скептически писал в «Былом и думах»: «Я верю, что национальные особенности настолько потеряют свой оскорбительный характер, насколько он теперь потерян в образованном обществе; но ведь для того, чтоб это воспитание проникло во всю глубину народных масс, надобно много времени».²⁰

Притча Лескова лишь подтверждает слова Герцена. Вместе с тем теперь нам более понятно возмущение персонажей Лескова притчей и нападки его критиков. Приведенные примеры цепочек сравнений национальных черт выявляют ожидаемую психологическую особенность текстов такого рода — свой народ наделяется безусловно положительными качествами. Лесков нарушил закон жанра, пошел «против течений», чем всех и задел. Почему он так поступил? Возможны два ответа: либо Лесков преследовал какую-то цель, либо в основе притчи лежит иностранный источник. Использование заимствованной формулы не так уж неожиданно: большая часть приведенных примеров либо в той или иной степени опирается на иностранный источник, либо это просто перевод. И такой источник для притчи Лескова отыскивается, причем в довольно неожиданном месте.

В самом конце XVII в., около 1695 г., польский поэт Вацлав Потоцкий составил огромный сборник «Сад фразек», в который вошло около двух тысяч эпиграмм и шуточных стихотворений. В

¹⁸ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 241.

¹⁹ Карамзин Н. М. Записки старого московского жителя. М., 1986. С. 270.

²⁰ Герцен А. И. Собрание сочинений: В 30 т. М., 1956. Т. 10. С. 93.

четвертой части сборника (хронологически она была написана первой, в 1672–1677 гг.) помещено стихотворение «Изображение наций» («*Ikony narodów*»):

Kiedy w jerozolimskiej ciemnicy Pan siedział,
Każdemu jego własny przymiot opowiedział,
Kto go kolwiek nawiedził. Więc Polacy wprzody,
Przyszedłszy cicho z swojej w północy gospody:
«Odbijemy Cię, Panie, wszystkich środków ruszylim;
Każeszli, wysieczemy ciemnicę z ratuszem».
Podziękował im, a wraz za oną ochotę
Dał męstwo, serce, dzielność, bohatyrską cnotę.
Niemcy w tropy za nami: «Choćby i najdrożej,
Odkupim Cię, wszystko się na to Rzesza złoży,
Chociaż by we dwójnasób, niż Cię Judasz sprzedał».
Także podziękowawszy, Pan im odpowiadał,
Że mu trzeba i siedzieć, i umrzeć w tej kunie,
A jako tego wdzięczen, rozkaże fortunie,
Gdziekolwiek pójdą morzem lub po ziemi niskiej,
Żeby niosły sowite ich towary zyski.
Przyszli też Ruś i Węgrzy: «Panie, bez hałasu,
Bez kosztu wykradziemy z tego Cię tarasu».
«Idźcie, ludzie nieczyści, i posługi takiej
Nie płacę wam inaczej, na pale, na haki».²¹

«Сад фрашек» Потоцкого был полностью издан только в начале XX в., однако как раз четвертая часть сборника была издана в 1747 г. В это издание вошло и интересующее нас стихотворение,²² поэтому теоретически оно могло стать известно Лескову (хотя трудно представить, как бы это могло произойти практически). В любом случае стихотворение Потоцкого представляет для нас несомненный интерес: сюжет, использованный Лесковым, зафиксирован в литературе уже в XVII веке. Более того, стихотворение позволяет приблизительно локализовать место действия. Но прежде приведем еще одно стихотворение Потоцкого, на этот раз из его гербовника 1696 года («*Poczet herbów*») — «Русская проповедь о святом Николае» («*Kazanie ruskie o Świętym Mikule*»):

²¹ *Potocki W. Dzieła / Opr. L. Kukulski. Warszawa, 1987. T. 1. S. 252.*

²² См.: *Potocki W. Jovialitates, albo Zarty i fraszki rozmaite. (S.l.), 1747. S. 2–3* (второй пагинации).

Miał pop kazanie na dzień świętego Mikuly,
Kędy dawszy mu wszystkie niebieskie tytuły,
Tym skończył na ostatek mowę, że: «Koliby
Boh stary zmerł, Mikula Bohom bez pohyby».
Stojąc dyak opodał: «Leda szto pop hwary,
Bo nykoli umierać Boh ne może stary».
A pop: «Leda szto dyak breszczy za porohem.
Ne zemre Boh? ne buty i Mikule Bohem».²³

Поверье, что когда Бог умрет, то святой Николай займет его место — имеет русские корни, оно неоднократно фиксировалось иностранцами в XVII в., в том числе поляками.²⁴ Между тем у разговора попа с дьяконом несомненная украинская огласовка. Объясняется это тем, что польское «guski» подразумевает не столько «русский», сколько «восточнославянский», а более узко — «украинский». Таким образом, в «Изображении наций» Потоцкого действуют поляки, немцы, украинцы и венгры. Памятуя о том, что сравнения наций старшей поры отражают в первую очередь пограничные симпатии и антагонизмы, можно предположить, что в стихотворении Потоцкого отражена демографическая ситуация юго-восточной Польши, окрестностей Львова, т. е. тех территорий, которые во времена Лескова назывались Галицией. Как выяснилось, фольклору Галиции этот сюжет хорошо знаком. Он известен в нескольких вариантах, зафиксированных в XIX–XX вв. Приведу перевод текста, опубликованного в начале XX в. — «Почему поляки любят сражаться, русины красть, а армяне — богачи?»²⁵ («Dlaczego Polacy lubią się bić, Rusini kraść, a Ormianie są bogaczami?»). «Когда иудеи схватили Иисуса и бросили в тюрьму, собрались поляки, русины и армяне на совет, чтобы спасти Иисуса из тюрьмы. Поляки говорили: “Пойдемте его отобьем”, армяне: “Давайте выкупим его”, а русины говорили: “Лучше всего выкрасть”. Но Иисус за грехи человеческие должен был умереть, потому что сам так хотел. После воскресения он сказал им: «Вы, поляки, хотели отбить, поэтому будете сражаться до кончины мира; вы, армяне, хотели меня выкупить, поэтому будете богачами; а вы, русинки божи, хотели

²³ Potocki W. Dzieła. T. 3. S. 448.

²⁴ См.: Успенский В. А. Филологические разыскания в области славянских древностей, М., 1982. С. 38–39.

²⁵ Русины — это как раз наименование украинцев в Галиции; присутствие армян объясняется тем, что во Львове была большая армянская колония.

меня выкрасть, так будете ворами до кончины мира» (ср. искаженный польский язык в заключительной фразе: «budete otże złodijamy rokon wika»).²⁶

Есть и другие варианты сюжета, который не зафиксирован в восточнославянском фольклоре.²⁷ С. Томпсон также не фиксирует его, хотя в его указателе встречается сюжет из цыганского фольклора, в котором воровство не считается грехом, а в литовском — о воровстве русских. Оба они связаны с попытками спасения Христа, причем литовский несомненно является отзвуком разбираемой легенды.²⁸

Теперь уже очевидно, что Лесков обработал легенду, жившую в польской устной традиции более двух веков. Скорее всего, он услышал ее от своих польских друзей, когда жил в Киеве до переезда в Петербург. Сам он позднее писал, что провел «половину юности в польском кружке».²⁹ Обработка легенды свелась лишь к замене персонажей, и то неполной. Появление «странника» вместо Спасителя объясняется, вероятно, опасениями Лескова перед возможными возражениями духовной цензуры, хотя черты первообраза сохранены. Замена народов более принципиальна: вместо локальных антагонизмов Галиции Лесков дает ряд крупных европейских народов. В обеих версиях — и в рассказе, и в драме — есть русские, и, конечно, это уже не жители Галиции, а великороссы. Таким образом, независимо от польского материала и вполне самостоятельно Лесков наделил русских таким прискорбным свойством.

Безусловно, воровство — порок, который всегда порицался, а постоянство его обличений удручает. Еще до карамзинского «Кра-

²⁶ *Siewinski A.* Bajki, legendy i opowiadania ludowe zebrane w powiecie sokalskim // *Lud.* Lwów, 1903. Т. 9, nr. 3. S. 69. Ср.: *Haltrich J.* Zu Volkskunde der Siebenbürger Sachsen. Wien, 1885. S. 131; *Lück K.* Der Mythos von Deutschen in der polnischen Volksüberlieferung und Literatur. Posen, 1938. S. 82; *Krzyżanowski J.* Polska bajka ludowa w układzie systematycznym. Wrocław, 1963. Т. 2. S. 110; *Kot S.* Polska złotego wieku a Europa. S. 821–825.

²⁷ Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Л., 1979.

²⁸ См.: *Thompson S.* Motif-Index of Folk-Literature. Copenhagen, 1955. Vol. 1. P. 247; *Gadeja.* Materiał do poznania górali tatrzańskich. Zebrał W. Brzega, uwagami i słownikiem zaopatrzył F. Krček // *Lud.* Lwów, 1910. Т. 16, nr. 3. S. 301; *Petrovič A.* Contributions to the Study of the Serbian Gypsies // *Journal of the Gypsy Lore Society.* 1935. Vol. 14. P. 22; *Balys J.* Lietuviu liandies sakmes. Kaunas, 1940. S. 34.

²⁹ Цит. по: *Горелов А. А.* Н. С. Лесков и народная культура. С. 33. О польских связях Лескова см.: *Szyszko T.* Mikołaj Leskow i literatura polska // *Przegląd Humanistyczny.* 1992. N 4. S. 87–95.

дут»³⁰ Д. И. Фонвизин в «Рассуждении о истребившейся в России совсем всякой формы государственного правления, и от того о зыблемом состоянии как империи, так и самих государей» (начало 1780-х годов) дал такую формулу: «Кто может — грабит, кто не может — крадет».³¹ Но ни Фонвизин, ни Карамзин не посчитали воровство конститутивным свойством нации, особенно в сравнении с другими, на что пошел Лесков. Трудно ответить на вопрос, почему он это сделал. Но размышляя о притче Лескова, необходимо помнить его неоднократные заявления: «Мне непристойно ни поднимать народ на ходули, ни класть его себе под ноги», «Не могу принять без возражения укоры за желание принизить русский народ или польстить ему».³² Пути излечения социальных болезней различны: иногда, действительно, «больному дать желудку полезно ревеню». Это один из примеров провокативной морали Лескова, о которой писал Д. С. Лихачев в связи с рассказом «Бесстыдник».³³ Притча странника сильно задевала национальную мегаломанию, для национального же здоровья она могла быть полезна. Но случилось так, что в общем контексте творчества писателя 1860-х годов она была сочтена лишь оскорбительной выходкой.

³⁰ П. А. Вяземский отметил в «Старой записной книжке»: «Карамзин говорил, что если бы отвечать одним словом на вопрос: что делается в России, то пришлось бы сказать: "крадут"» (*Вяземский П. А. Полное собрание сочинений*. СПб., 1883. Т. 8. С. 113).

³¹ *Фонвизин Д. И. Избранные сочинения и письма*. М., 1947. С. 179.

³² Цит. по: *Горелов А. А. Н. С. Лесков и народная культура*. С. 7, 8.

³³ См.: *Лихачев Д. С. Литература — реальность — литература*. Л., 1984. С. 131–137.

Сокращения

- БАН -- Библиотека РАН.
ГБЛ -- Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва) (до 1992 г.), см. РГБ.
ГИМ -- Государственный Исторический музей (Москва).
ЖМНП -- Журнал Министерства народного просвещения
ИОРЯС -- Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук.
ИРЛИ -- Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург)
ЛГПИ -- Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена (в настоящее время: Российский государственный педагогический университет, Санкт-Петербург).
МГУ -- Московский государственный университет (Москва).
ОИДР -- Общество истории и древностей российских при Московском университете.
ОПИ -- Отдел письменных источников.
ОРК -- Отдел редких книг.
ПФА РАН -- Петербургский филиал Архива РАН (Санкт-Петербург).
РГАДА -- Российский государственный архив древних актов (Москва).
РГБ -- Российская государственная библиотека (Москва).
РГИА -- Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург).
РНБ -- Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург).
ТОДРЛ -- Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург)
ЧОИДР -- Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете (Москва).
BN -- Biblioteka Narodowa.
BPP -- Biblioteka Pisarzy Polskich.
PAN -- Polska Akademia Nauk.

Библиографическая справка

Составившие эту книгу работы впервые были опубликованы в следующих изданиях:

65-й псалом «Псалтыри Давида» Яна Кохановского в поэзии Симеона Полоцкого // Русская литература. 2002. № 4. С. 118–124.

Три фразы Яна Кохановского в переводе XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1988. Т. 41. С. 289–301.

Ян Кохановский в пособиях по польскому языку для русских (XVIII — первая половина XIX в.) (публ. впервые).

Миколай Кохановский в обработке Симеона Полоцкого // *Russica Romana*. Vol. 7. 2000. P. 11–22.

Словарь Григория Кнапского в России // XVIII век. СПб., 1996. Сб. 20. С. 157–168.

Произведения М. К. Сарбевского в России // Советское славяноведение. 1986. № 2. С. 102–107.

Поэзия и дипломатия (Из литературной деятельности Посольского приказа в 1670-е годы) // ТОДРЛ. Л., 1989. Т. 42. С. 143–173.

Театральный эпизод «Записок» Я. Х. Пасека по статейному списку В. М. Тяпкина // Советское славяноведение. 1989. № 2. С. 95–99.

Кометы в переводной литературе XVII в. // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 50. С. 684–688.

Латинская притча XIII в. о дочерях дьявола в русских рукописях XVII–XIX вв. // ТОДРЛ. СПб., 1999. Т. 51. С. 396–403.

Из истории польской сатирической литературы в России (XVII — первая половина XVIII в.) // ТОДРЛ. СПб., 1992. Т. 45. С. 305–314.

Тверской грекофил XVIII века — переводчик с польского // *Opuscula polonica et russica*. Toruń, 1994. Т. 2. S. 44–50.

Антиох Кантемир в польском журнале XVIII в. // Русская литература. 1993. № 3. С. 64–65.

Из истории русских изданий «Апофегм» Беняша Будного // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 48. С. 388–390.

Кирияк Кондратович — переводчик польской поэзии // XVIII век. СПб., 1999. Сб. 21. С. 73–80.

Первое издание «Возвращения депутата» Юлиана Урсына Немцевича в оценке русского современника // *Res traductoria*. Перевод и сравнительное изучение литератур. Сборник к 80-летию Ю. Д. Левина. СПб., 2000. С. 108–114.

Адам Нарушевич и Францишек Карпиньский в «Чужой музе» В. Г. Анастасевича // *Русская литература*. 1988. № 4. С. 142–146.

О нескольких польских стихотворениях в русских журналах 1819 г. // *Русская литература*. 1992. № 2. С. 75–79.

Польская параллель к «Рифме» А. С. Пушкина // *Русская литература*. 1995. № 3. С. 248–249.

Об эпиграмме К. Ф. Рылеева на австрийского императора // *Пушкин и его современники*. СПб., 1999. Вып. 1 (40). С. 219–221.

Граф Хвостов — переводчик Мицкевича // *Пушкин и другие*. Сборник к 60-летию С. А. Фомичева. Новгород, 1997. С. 269–272.

Притча о немцах, французах и русских у Н. Лескова // *Slavia Orientalis*. 1994. N 1. S. 15–23.

Указатель имен

- Август, римский император 162
Аверищев С. С. 200
Авзоний 75
Авмросий Калепино 64, 66, 67, 69
Адарюков В. Я. 90
Адрианова-Перетц В. П. 167, 170, 172
Акундинов Т. 104
Александровская Э., см. Aleksandrowska E.
Алексеев М. П. 25, 65, 170, 174
Алексей Алексеевич, царевич 104
Алексей Михайлович, царь 89, 97, 100, 106, 242
Альбертранди Я. 186
Альчиати А. 46
Альштед И. 242
Амвросий Зертис-Каменский 179, 180
Амфилохий, архимандрит 146
Анастасевич В. Г. 80, 84, 208-213, 220, 224
Антоний Радивилевский 171
Апушкин А. И. 188
Арсений Корецкий-Сатаповский 64
Арсений Могилянский 63
Астраханский В. С. 61
Афанасий, епископ холмогорский 25, 26, 62
Байер Т. Г. З. 76, 77
Барклай Д. 78
Барсов А. К. 34
Батюшков К. Н. 210, 226, 229
Баузе Ф. Г. 66
Бахтурина Р. В. 65
Бевервийский Иоанн 29
Бейль П. 147, 148
Белоброва О. А. 242
Белокуров С. А. 88, 90, 105
Берков П. Н. 78, 187, 193, 210
Бессонов П. 242
Бетюн де, маркиз 102, 136
Вилярский П. С. 72, 193
Благодаров Я. И. 37, 39
Блажевский М. 57
Бобров С. С. 178, 183
Богданов А. И. 73
Богоявленский С. К. 27
Бодуэн де Куртенэ И. А. 43, 44
Борис Годунов, царь 86
Бохан Д. Д. 83
Браиловский С. Н. 31
Братковский Д. 79, 194, 195, 200
Брискман М. А. 209
Брюс Я. В. 61
Будный Б. 161, 188, 190
Буланин Д. М. 34
Булгаков Я. И. 203, 204
Булгарин Ф. 202
Булич С. 37
Буханан Д. 75
Бухвальд-Пельцова П. 167, 168

- Быкова Т. А. 188
 Былинин В. К. 47
 Бэлза С. И. 221
 Бычков А. Ф. 143
- Вальчак-Срочиньская Б. 163, 176
 Варфоломей Филевский, игумен 61
 Василий Азанчеев 62
 Василий Степанович Черный 26, 27
 Василий, дьякон 26
 Васютинский И. 105
 Великодная И. Л. 221
 Вергилий 75, 87, 200
 Верниковский И. А. 237
 Верховский П. В. 60, 76
 Веселовский С. Б. 27, 93
 Вешняков Д. А. 184
 Вильгельм Оранский 135
 Виниус А. А. 29, 32, 61, 77
 Витчак Т. 135, 136, 139
 Вишневецкий Д. 103, 104
 Владислав IV, польский король 81, 88, 90, 102
 Волков А. 183
 Волков С. 22
 Вольнский А. П. 61
 Вольтер 226
 Вомперский В. П. 190
 Вяземский П. А. 202, 220–224, 226–237, 249
- Гавицкий Я. 16
 Гавриил Бужинский 60, 67
 Гадзаловский С. 105
 Гай Светоний Трапквилл 232, 233
 Галинковский Я. А. 80, 83, 84
 Гаспаров М. Л. 177, 200
 Гвиччиардини Л. 163
 Герасимова Ю. И. 203
 Гербель Н. В. 44, 83
 Герцен А. И. 228, 245
- Геснер С. 210
 Гибнер Ю. 105
 Гильфердинг А. Ф. 43
 Глокке Н. 6, 18, 47
 Голицын В. В. 95, 96
 Голицын Д. М. 146
 Головин Ф. А. 148
 Головкин Г. И. 28
 Голосов Л. Т. 105
 Гомер 200, 211
 Гораций 75–79, 81, 186, 194, 196
 Горелов А. А. 241, 248, 249
 Городчашинов Г. Н. 238
 Готшед И.-К. 186
 Градова Б. А. 146
 Грассгоф Х. 184
 Грибоедов А. С. 207
 Григорий Богослов 30
 Григорий Прокофьев 60
 Григулевич В. 40
 Гросс Л. 105
 Гуго Г. 68, 75
 Гуданский И. 105
 Гудзий Н. К. 174, 175
 Гулак-Артемовский П. 81, 84
 Гуревич А. Я. 151
 Гуревич М. М. 188
 Гурский К. М. 99
- Дамбровский С. 144, 145, 147
 Двойченко-Маркова Е. М. 202, 209, 221
 Делиль Ж. 226
 Делюмо Ж. 158
 Дергачева-Скоп Е. И. 157
 Державин Г. Р. 177, 183, 226, 229
 Державина О. А. 6, 163, 171, 176
 Дианова Т. В. 19, 66, 146
 Дидиакин М. 65
 Димитрий Ростовский 5, 60, 66, 67, 69, 75, 76, 106, 143
 Дмитриев И. И. 224, 238

- Добрынин Я. 179
 Долабелло Т. 90
 Долгово П. 105
 Домициан, римский император 232–234
 Доморацкий К. 165
 Дорофеев Г. 105
 Дубровский П. П. 39–41, 44
 Дюришин Д. 162
- Евдокимов И.** 179–183
 Евфимий Чудовский 5, 17, 21, 25, 27, 28, 60, 142, 143
 Екатерина I, императрица 70
 Екатерина II, императрица 210
 Елизавета Петровна, императрица 63, 179
 Епифаний Славинецкий 24, 25, 28, 31, 64, 66, 69, 71
 Еремин И. П. 5, 17
- Жабчиц Я.** 27, 107, 155, 243
 Жак де Витри 151, 152
 Жера К. 162, 171, 175, 197
 Жигулин Е. В. 67
 Жуковский В. А. 220, 221, 226, 229, 235
- Забелин И. Е. 26, 30, 158
 Заблоцкий Ф. 205
 Залеский И. 88
 Захара М. 100
 Звопарева Л. У. 47
 Зенбицкий П. 165
 Зернова А. С. 188
 Зиморович Ш. 37
- Иван Дмитриев, писец** 29, 30
 Иван Филиппович 66, 67
 Иванов Л. 91
 Игнатий, епископ тамбовский 62
 Илличевский А. Д. 237
 Илюшин А. А. 47
- Инес А. 16
 Иннокентий III, папа римский 159
 Иннокентий Кульчицкий 62
 Иоаким, патриарх 5, 17
 Иоанн Алексеевич, царь 28
 Иоанн Дамаскин 26
 Иоанн Максимович 67
 Иоанн Поборский 28
 Иоанникий Галятовский 25
 Иссерлин Е. М. 176
- Каган М. Д.** 28
 Калайдович П. Ф. 80
 Калачов Н. 158, 173
 Каменева Т. Н. 188
 Кантемир А. Д. 4, 34, 70, 184–187
 Карамзин Н. М. 244, 245, 249
 Карион Истомин 26, 30–33, 65
 Карл V, римский император 244
 Карпиньский Ф. 4, 44, 208–212, 217, 223–225
 Катулл 33, 76, 77
 Кафенгауз Б. Б. 60
 Кебет 34
 Кибальник С. А. 228
 Клепиков С. А. 146
 Клосс Б. М. 146
 Ключевский В. О. 84
 Кнапский Григорий 59–74, 193, 194
 Козлов И. И. 237, 238
 Колоколов Д. 183
 Колосов В. И. 63, 179
 Кондратович К. А. 35, 36, 71–73, 79, 80, 84, 193–201
 Кондратович Л. 83
 Копанев А. И. 146
 Копанев Н. А. 184
 Копчиньский О. 37
 Корб И. Г. 170
 Корецкий В. И. 146
 Корнель П. 226

- Короткий В. Г. 144
Костомаров Н. И. 134
Костюхина Л. М. 19, 66, 146
Костюшко Т. 206
Кохановский М. 46, 52–58, 159
Кохановский П. 58
Кохановский Я. 3, 5–21, 23, 31–37, 40–42, 44, 45, 47, 48, 52, 54, 57, 58, 81, 83, 85, 177
Коховский В. 16, 57, 89, 96, 106
Кочеткова Н. Д. 203
Красицкий И. 44, 80, 209, 211, 220, 221, 224, 226
Крекотень В. И. 171
Крекшин П. Н. 148, 149
Крижанич Ю. 61, 241
Кромер М. 193, 200
Кропинский Л. 222
Крумлинг А. А. 11
Крылов Б. Н. 19
Крылов Г. Б. 19
Кудрявцев И. М. 26–28, 104, 143
Кузаков В. К. 141
Кукушкина М. В. 146
Кульчицкий Г. 105
Кунаков Г. 89, 91, 206
Курант И. Л. 203
Курганов Н. Г. 244
Курганович Ф. И. 41
Кшижаковский Ю. 16, 134, 162, 164, 174, 175, 196, 248
- Лабышцев Ю. А. 15
Лаврентий Горка 61, 67, 182
Лаврецкий С. Ф. 93, 105
Ламбин П. П. 168
Ланге И.-Г. 163
Ланда С. С. 221, 235
Лапицкий И. П. 173
Ларин Б. А. 172
Ле Гофф Ж. 150, 152
- Левин П. 16, 36, 45, 56, 63, 77, 78, 159, 182, 193, 196, 197, 199–200, 232
Левин Ю. Д. 202
Лесков Н. С. 239–249
Либуркин Д. Л. 77
Лилейко Е. 90
Лицде С. Б. 59, 74
Липатов А. В. 134
Лихачев Д. С. 9, 23, 46, 249
Лихуды, братья Иоанникий и Софроний 21, 30
Ломоносов М. В. 14, 72, 77, 78, 193, 194, 198, 199, 226, 229, 232–234, 244
Лотман Ю. М. 175
Лудольф Г. В. 28
Лужный Р. 6, 15, 18, 47–52, 55, 56, 61, 63, 72, 75, 76, 158, 177, 187, 188, 196, 213
Луппов С. П. 61
Любич-Романовский В. И. 238
Любомирский С. Х. 16, 87, 92, 96
Любомудров С. 228
Людвика Мария, польская королева 102
Людовик Конде 135
Людовик XIV 102
Люккезии Д. 204
- Мазена И. 67, 165, 168
Мазуркевич Р. 185
Майков А. А. 238
Майков Л. Н. 184
Макеева В. Н. 72, 194
Максим Грек 34
Максимов И. 88
Максимович И. П. 67–71
Мальшев В. И. 156
Мальчукова Т. Г. 228
Мардарий Хошиков (Ханыков) 22, 23, 25, 25, 31–33

- Маревич В. 210
 Мария Казимира, польская королева 102, 138
 Маркасова Е. В. 49
 Маркелл 143
 Мартышов А. А. 32
 Мартышов Л. 16, 20, 37
 Марциал 75, 194, 232
 Маслов С. И. 71, 76, 163
 Маслова О. М. 163
 Матвеев А. А. 61, 148, 163
 Матвеев А. С. 92, 102, 138
 Машков П. А. 238
 Мейерберг А. 89
 Мелетий Смотрицкий 143-144
 Милованов И. М. 209
 Минаев Д. И. 238
 Михаил Вишневецкий, польский король 91, 100, 103
 Михайлов В. 88
 Михайлов И. 192
 Мицкевич А. 4, 44, 133, 135, 207, 208, 211, 221, 235-238
 Модзалевский Б. Л. 74
 Моисеева Г. Н. 66
 Мольер 207
 Монгескье Ш. 244
 Моравский Ф. 220-221, 224
 Морозов Б. Н. 104
 Морштын З. 87, 98
 Морштын Я. А. 87
 Мосин А. Г. 61, 67
 Мочалова В. В. 16, 161
 Мрочек К. 100
 Муравьева Е. Н. 134
 Мыльников А. С. 65

 Н.М. 89
 Н.П. 64
 Наборовский Д. 49-50
 Наполеон Бонапарт 231
 Нарезный В. Т. 160

 Нарушевич А. 4, 208-211, 213, 224, 225
 Невеский С. 143, 146-148
 Невская Н. И. 148
 Нектарий Трояновский 55
 Нелединский-Мелецкий Ю. А. 186
 Немцевич Ю. У. 3, 202-205, 207
 Несецкий К. 36
 Никифор Семенов 24, 25, 28
 Николаев С. И. 11, 15, 17, 27, 29, 30, 35, 47, 48, 58, 67, 70, 96, 97, 106, 135, 140, 154, 155, 159-161, 163, 168, 170, 182, 196, 197, 199, 206, 224, 229, 243
 Николаева Е. К. 154
 Николай I 43
 Николев С. Ф. 23, 28, 30, 31
 Николова С. 159
 Нимчук В. В. 64
 Новак-Длужевский Ю. 100, 205

 Обар И. 134, 135
 Обрембская-Яблонская А. А. 72, 194
 Окольский Ш. 36
 Ольденбург С. 174
 Ольшевский А. 97
 Осиньский Л. 226
 Оуэн Д. 75, 194

 Павел, митрополит сарский и подонский 24, 60
 Памва Берзинда 10, 64
 Панченко А. М. 3, 31, 104, 142, 171, 174, 178, 179
 Папроцкий Б. 16, 30, 36,
 Пасек Я. Х. 133-136, 139
 Паузе И. В. 73
 Пац М. 92, 95
 Пекарский П. П. 67, 71-73, 79, 148, 184, 194
 Пеллико С. 231
 Пеплие Ж.-Р. де 244

- Перегрин из Ополя 152
 Перетц В. Н. 47, 65, 72, 73, 161
 Петр I 28, 29, 58, 67, 70, 77, 148, 168, 243
 Петр из Мирослава 152
 Петр Могила 75
 Петровский Н. М. 207
 Пиксанов Н. К. 207
 Писемский 17
 Пискаатор Николай 22
 Победоносцев С. П. 133, 134
 Погорелов В. 64, 65
 Позднеев А. В. 17, 37, 99, 179, 182
 Познанский Ю. И. 238
 Покровская В. Ф. 146, 179
 Покровский А. А. 27, 28
 Покровский К. 141
 Поликарпов Ф. 30, 60, 64, 70
 Поляков Ф. Б. 47
 Попов А. 26, 92, 95, 102, 135
 Попов В. С. 203
 Потемкина А. А. 134
 Потемкин Г. А. 203–205
 Потоцкий В. 3, 55, 87, 89, 92–97, 162, 198, 245–247
 Прозоровский А. 25
 Протасьева Т. Н. 30
 Прохоров Г. М. 158
 Пушкин А. С. 74, 221, 227–230
 Пушкин Г. Г. 87–89
 Пыпин А. Н. 163, 173

 Радау М. 198–200, 232, 233
 Разумов А. А. 172
 Рак В. Д. 244
 Рей М. 173, 175, 176, 198
 Решетников А. 11
 Робинсон А. Н. 174
 Ровинский Д. 29, 34, 90, 155, 176
 Родостамов И. И. 32
 Родостамов М. И. 27, 28, 32, 33
 Рождественский В. 21, 37

 Розов Н. Н. 167
 Ролланд П. А. 49
 Ромагчуков А. 104
 Ромодановская Е. К. 25, 157
 Рохович С. 25
 Ртищев М. Ф. 28, 29
 Ртищев Ф. М. 23, 28, 31
 Рубан В. Г. 167, 186
 Рубенс П. П. 167, 186
 Рузика Е. Г. 200
 Рылеев К. Ф. 199, 202, 231, 233, 234
 Рышковский Ф. М. 209

 С.Г.-в 75
 Саблина П. П. 19
 Савельева Е. А. 61
 Сазонова Л. И. 7, 46, 142, 188, 233
 Саккетти Ф. 174
 Саншес А. Н. Р. 67
 Салуга Лев 86
 Сарбевский (Сарбиевский) М. К. 3, 16, 75–85, 194–196, 199, 200, 232
 Сафонов Д. 224, 225
 Свердлина С. В. 207
 Свидерский П. 86
 Святский Д. О. 141–144, 148–149
 Семен Корсак 62
 Семенников П. Т. 64, 65
 Семигиновский М. 72
 Сенкевич Г. 134
 Сергей, справщик 28, 30, 31
 Сигизмунд III, польский король 88, 200
 Сильвестр Медведев 11, 20, 25, 32, 60
 Симеон Полоцкий 5–14, 17, 18, 23, 24, 32, 45–50, 52–58, 60, 65, 70, 106, 158, 177, 178, 233
 Симон Тодорский, архиепископ 76
 Симони П. 73, 142, 172

- Ситников Л. А. 61
 Ск... 237
 Скарга Петр 81
 Склабовский А. В. 209, 210, 211,
 224–226, 228, 229, 230
 Словаковиц С. 147
 Слуховский М. И. 67
 Смагина С. 148
 Сменцовский М. 21, 28, 30
 Смиренин Г. М. 19
 Смиренин Ф. Г. 19
 Смирнов Н. 6, 18, 47
 Смольникова Л. Н. 65
 Соболевский А. И. 25, 26, 29, 30,
 143, 146, 152, 154, 168
 Соколовский И. 62
 Соловьев С. М. 86–88, 90, 91, 105,
 140
 Сопиков В. С. 189
 Софронова Л. А. 77, 199
 Софья Алексеевна, царица 178
 Спафарий Н. 105, 242
 Сперанский М. Н. 64
 Старовольский Ш. 173
 Стебницкий М. 239
 Стефан Яворский 70, 76, 163, 181
 Стрекалова З. Н. 65
 Сулковский А. 205
 Сумароков А. П. 14, 29, 78, 84
- Танапаева Л. И. 134
 Тассо Т. 16
 Татищев В. Н. 61, 73, 193
 Твардовский С. 16, 87–89
 Творогов О. В. 192
 Тимофеев В. 92, 93
 Титова Л. В. 158
 Тихомиров М. Н. 142
 Тихонравов Н. С. 158, 173
 Толстой И. И. 228
 Томашевский Б. В. 182
 Томпсон С. 248
- Третьяковский В. К. 14, 63, 78, 79,
 84, 177, 183, 244
 Трёмбецкий С. 187
 Тростин Д. П. 189–192
 Тукалевский П. 84
 Турбин С. И. 168
 Тургенев А. И. 220, 224
 Тшебицкий А. 101
 Тяжкогорский И. 105
 Тяпкин В. М. 26, 86, 90, 92, 93, 95,
 99, 103, 105, 133, 135, 136, 138–
 140
- Уо Д. К. 143
 Урбан VIII, папа римский 80
 Успенский Б. А. 43, 175, 247
 Устрялов Н. 95
- Федор Алексеевич, царь 21, 26,
 91, 142, 145
 Федосеев А. И. 21, 22
 Федотова М. А. 76
 Фелиньский А. 226
 Феофан Прокопович 15, 54, 55, 60,
 63, 70, 76–78, 106, 170, 171, 201,
 233
 Феофан, иеродиакон 25, 33
 Феофилакт Кветницкий 78
 Феофилакт Лопатинский 60, 62
 Филофей Красногорский 77
 Финицкий М. 16, 45
 Фонвизин Д. И. 249
 Форбен Жансон, епископ 102, 136
 Фохт Я. 29
 Франц I, австрийский император
 231, 233, 234
 Франциск Эмилиан 28
 Фризмап Л. Г. 235
 Фустов И. Т. 88
- Харлампович К. В. 28, 65
 Хвостов Д. И. 235–238
 Херасков М. М. 187

- Хмельницкий Б. 95
 Хованский Л. И. 165
 Холшевников В. Е. 177
 Хорев В. А. 47
 Хотеев П. И. 67
 Хроминский К. 82, 83
 Хромов О. Р. 144
- Ц**ейтлин Р. М. 59
 Целлариус К. 63, 72, 193
- Ч**ернобаев В. Г. 100
 Чижинский С. Ф. 27, 29, 31, 105, 107, 155
 Чиккарини М. 163
 Численко Н. Д. 25
- Ш**ахнович М. 73
 Шевченко С. Ф. 57
 Шени М. 88
 Шекспир В. 202
 Шимоповиц Ш. 16, 83
 Шляпкин И. А. 57, 60, 67
 Штакельберг О. М. 204
 Штелин Я. 243
 Шуйский В. И. 90
 Шумлянский И. 165
- Щ**астный В. Н. 238
 Щербатов И. 61
- Э**разм Роттердамский 25, 73
- Ю**венал 75
- Я**блоновский С. 104
 Якимов Иван 29
 Якимович Ю. К. 59
 Якопоне да Тоди 47, 160
 Ян Казимир, польский король 87, 91, 94
 Ян Собеский, польский король 92-95, 99-107, 136
 Янковская Л. А. 5
- Янушкевич А. С. 235
- Adalberg S. 172
 Aleksandrowska E. 186
- Balys J. 248
 Beier Th. G. S., см. Байер Т.-Г.-З.
 Birgegård U. 64, 65
 Blazewski M., см. Блажевский М.
 Bloomfield M. W. 151
 Bratkowski D., см. Братковский Д.
 Brogi Bercoff G. 49
 Brückner A. 50, 92, 152, 162, 163
 Bruss J. 179
 Brzega W. 248
 Brzezina M. 42
 Buchwald-Pelcowa P., см. Бухвальд-Пельцова П.
 Budny B., см. Будный Б.
 Budzyk K. 89
 Budzykowa H. 89
- Cantemir A., см. Кантемир А. Д.
 Chrościcki J. 88
 Ciccarini M., см. Чиккарини М.
 Cinciała A. 181
 Crane T. F. 151
 Cybienko H. 16
 Czapliński W. 135
 Czechowski H. 89
- Dambrowski S., см. Дамбровский С.
 Darowski A. 90, 92
 Dolskaya O. 39
 Grage C. L. 179
 Dubrowski P., см. Дубровский П. П.
 Dworski A. 207, 208, 212, 213, 224
 Dziechciaruk Z. 208
- Estreicher K. 99, 186, 204

- Ewfmii Chudovskii, см. Евфимий Чудовский
 Fedor Kvetnickij, см. Феофилакт Кветницкий
 Feofan Prokorovič, см. Феофан Прокопович
 Goliński J.K. 52, 152
 Górski K. M., см. Гурский К.М.
 Grzeszczuk S. 162
 Haltrich J. 248
 Naureau B. 151
 Hazard P. 147
 Herbert J.A. 151
 Hernas Cz. 181
 Hilferding A., см. Гильфердинг А.Ф.
 Hippisley A. 7, 46, 177, 233
 Horbatsch O. 67
 Jacques de Vitry, см. Жак де Витри
 Jan III Sobieski, см. Ян III Собеский, польский король
 Jendrysik A. 204
 Kantemir A., см. Кантемир А.Д.
 Karpiński A. 52, 97
 Karpiński F., см. Карпинский Ф.
 Keipert H. 63
 Kępiński A. 241
 Kiciński B. 225, 229
 Klemensiewicz Z. 41
 Klimaszewski B. 99
 Knapski G., см. Кнапский Григорий
 Kochanowska K. 52
 Kochanowski J., см. Кохановский Я.
 Kochanowski M., см. Кохановский М.
 Kochman S. 64, 173
 Kochowski W., см. Коховский В.
 Kondratowicz L., см. Кондратович Л.
 Korczyński O., см. Копчицкий О.
 Korzeniowski J. 52
 Korzon T. 100
 Kostkiewiczowa T. 203
 Kośny W. 152
 Kot S. 241, 248
 Kozłowski T. 208
 Krasicki I., см. Красицкий И.
 Krcek F. 248
 Krzyżanowski J., см. Кшижаповский Ю.
 Kubala L. 88
 Kucharska E. 39
 Kukulski L. 246
 Kuligowski M.I. 164, 174
 Kurhanowicz T., см. Курганович Ф.И.
 Lachmann R. 63, 233
 Lachur C. 39
 Lec S.J. 198
 Leskow M., см. Лесков Н.С.
 Lewański J. 89
 Lewin P., см. Левин П.
 Lichacev D. S., см. Лихачев Д.С.
 Lubomirski S. H., см. Любомирский С.Х.
 Lück K. 248
 Luźny R., см. Лужный Р.
 Malicki M. 49
 Malinowski F. K. 43
 Małek E. 17, 35, 161, 164, 165, 167, 168, 188, 244
 Marinelli L. 14, 49, 54
 Marino G. 49
 Mayenowa M.R. 178

- Maximowicz Joannis, см. Максимо-
 вич И.П.
 McMillin A.B. 179
 Meyer P. 151
 Michałowska T. 151
 Mickiewicz A., см. Мицкевич А.
 Mikulski F. 205
 Miłobędzki A. 88
 Moczalowa W., см. Мочалова В.В.
 Morsztyn Z., см. Морштын З.
 Mrowcewicz K. 49
 Mucha B. 39

 Naruszewicz A., см. Нарушевич А.
 Niewieski S., см. Невеский С.
 Nowak-Dłużewski J., см. Новак-
 Длужежский Ю.
 Nowicka-Jeżowa A. 181

 Ogonowski Z. 147
 Orla-Oszmieniec F. 207, 208

 Pasek J., см. Пасек Я. Х.
 Pelc J. 18, 33, 34, 36, 49, 52, 98
 Petrovič A. 248
 Piekarski K. 20
 Pirożyński J. 92
 Potocki W., см. Потоцкий В.
 Purkyni J.E. 44
 Pusz W. 225, 229
 Pomian K. 147, 148

 Rabowicz E. 187
 Radau M., см. Радау М.
 Radyszewskij R. 49, 58
 Rej M., см. Рей М.
 Rothe H. 179
 Rotunda D.P. 174
 Rzepecki L. 43

 Sarbiewski M. K., Sarbievius M. C.,
 см. Сарбевский М. К.
 Sazonova L. I., см. Сазопова Л. И.

 Schäfer F. 179
 Siewiński A. 248
 Simeon Polockij, Symeon Polocki,
 Simeon Polotsky, см. Симеон По-
 лоцкий
 Siomkajlo A. 198
 Sokolski J. 47, 181
 Sparwenfeld J.G. 64, 65
 Stankiewicz L. 167
 Starnawski J. 36
 Strakhov O.B. 60
 Strauch A. 143
 Sullivan J. 179
 Szulc A. 42
 Szyszko T. 248
 Szczerbicka-Ślęk L. 52, 178
 Ślizinski J. 100

 Tachtarow P. 71
 Temberski S. 91
 Teofan Prokopowicz, см. Феофан
 Прокопович
 Thompson S., см. Томпсон С.
 Thomson F. J. 57
 Trembecki J.T. 50, 92
 Trembecki S., см. Трембецкий С.
 Tubach F. C. 151
 Turowski K. J. 211

 Uhlenbruch B. 78

 Vincenz A. 49

 Walczak-Sroczyńska B., см.
 Вальчак-Срочиньская Б.
 Walecki W. 37
 Waliszewski K. 102
 Weintraub W. 10
 Windakiewicz S. 162
 Witzak T., см. Витчак Т.
 Witkowski T. 14, 49
 Witkowski W. 65
 Woliński J. 103

Wolny J. 152
Wołoszyński R. W. 74, 208, 210
Woźnowski W. 221
Wójcik Z. 90

Ziomek J. 10
Żera K., см. Жера К.
Żukowska K. 49, 162, 196

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	3
65-й псалом «Псалтыри Давида» Яна Кохановского в поэзии Симеона Полоцкого	5
Три фразы Яна Кохановского в переводе XVII в.	15
Ян Кохановский в пособиях по польскому языку для русских (XVIII — первая половина XIX в.)	35
Миколай Кохановский в обработке Симеона Полоцкого	46
Словарь Григория Кнапского в России (Библиографические разыскания)	59
Произведения М. К. Сарбевского в России	75
Поэзия и дипломатия (Из литературной деятельности Посольского приказа в 1670-е годы)	86
Приложение	107
Театральный эпизод «Записок» Я. Х. Пасека по статейному списку В. М. Тяпкина	133
Кометы в переводной литературе XVII в.	141
Латинская притча XIII в. о дочерях дьявола в русских рукописях XVII—XIX вв.	150
Из истории польской сатирической литературы в России (XVII — первая половина XVIII в.)	161
Тверской грекофил XVIII века — переводчик с польского	177
Ангиох Каптемир в польском журнале XVIII в.	184
Из истории русских изданий «Апофегм» Беняша Будного	188
Кириак Коцдратович — переводчик польской поэзии	193
Первое издание «Возвращения депутата» Юлиана Урсына Немцевича в оценке русского современника	202

Адам Нарушевич и Францишек Карпийский в «Чужой музе» В. Г. Анастасевича.....	208
О нескольких польских стихотворениях в русских журналах 1819 года .	220
Польская параллель к «Рифме» А. С. Пушкина.....	227
Об эпиграмме К. Ф. Рылеева на австрийского императора.....	231
Граф Хвостов — переводчик Мицкевича.....	235
Притча о немцах, французах и русских у Н. Лескова.....	239
Сокращения.....	250
Библиографическая справка.....	251
Указатель имен.....	253

Научное издание

Сергей Иванович Николаев

ОТ КОХАНОВСКОГО ДО МИЦКЕВИЧА

Разыскания по истории польско-русских литературных связей
XVII — первой трети XIX в.

Директор Издательства СПбГУ
проф. *Р. В. Светлов*

Главный редактор
Т. Н. Пескова

Редактор *Е. Е. Журнова*
Художественный редактор *Е. И. Егорова*
Верстка *И. М. Беловой*

Лицензия ИД № 05679 от 24.08.2001.

Подписано в печать 22.09.2004. Формат 60×84¹/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 15,46. Уч.-изд. л. 15,2. Заказ № **393**

Издательство СПбГУ. 199034, С.-Петербург, Университетская наб., 7/9.

Тел. (812) 328-77-63; факс (812) 328-44-22

E-mail: books@dk2478.spb.edu

www.unipress.ru

ЦОП типографии Издательства СПбГУ.

199061, С.-Петербург, Средний пр., 41.

ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
предлагает учебники, учебные пособия, научную
и научно-популярную литературу по

*истории,
экономике,
психологии,
философии,
филологии,
языкознанию,
естественным и точным наукам*

студентам, преподавателям, научным сотрудникам, а
также учителям, школьникам — всем, кому интересен
мир книги.

Книги можно приобрести в магазинах Издательства,
а также через отдел реализации:

199034, С.-Петербург, 6-я линия В. О., д. 11/21, к. 21

Телефоны: 328-77-63, 325-31-76

E-mail: post@unipress.ru